

БОЛЬШОЙ ШЛЕМ

А. Б. НОВИКОВ
В. В. КУКУШКИН

ИЛИ
ЧЕТЫРЕ
ТЕННИСНЫХ
ТУЗА

А. Б. НОВИКОВ
В. В. КУКУШКИН

БОЛЬШОЙ ШЛЕМ

или
ЧЕТЫРЕ
ТЕННИСНЫХ
ТУЗА

Москва
«Физкультура
и спорт»
1990

Новиков А. Б., Кукушкин В. В.
Н73 Большой шлем, или Четыре теннисных туза. —
М.: Физкультура и спорт, 1990. — 192 с., ил.

ISBN 5-278-00226-3

В книге рассказывается о теннисе на высшем уровне, о крупнейших турнирах — открытках чемпионатах Великобритании, США, Франции и Австралии, входящих в серию «Большого шлема». Здесь и история игры, и история турниров. И все же она посвящена сегодняшнему теннису.

Об изнуряющем режиме контрактов, о радостях побед, о невидимых зрителям трагедиях и еще о многом узнает читатель.

Книга адресована широкому кругу читателей.

4204000000—043
Н 009 (01)—90 33—90

ISBN 5-278-00226-3

ББК 75.577

© Издательство «Физкультура и спорт», 1990.

..И, если встретившись с Триумфом и Несчастьем, сумеешь отнестись к обманам этим равно...

Р. Киплинг

Слова из знаменитого стихотворения английского поэта и писателя Редьярда Киплинга приведены не случайно. Они начертаны над выходом на корты из так называемой чайной комнаты в раздевалках теннисистов в Уимблдоне. В них есть глубокий философский смысл и для спортсменов. Нет такого теннисиста, который бы на пути к вершине не изведаль ушиба от падения и, прежде чем ощутил сладкий вкус славы, не познал бы горечи поражения. В том же стихотворении Киплинга есть и такие слова: «Сумей все проиграть и все начать сначала». И они могут быть начертаны над выходом на спортивную арену. Наша книга — о победителях и побежденных, ибо без одних нет других, она и о четырех замках необычного королевства — теннисного.

Название «Большой шлем» хорошо известно не только любителям спорта. Тот, кому удастся победить в течение года в четырех крупнейших теннисных турнирах — на открытом чемпионате Австралии, на чемпионате Франции на кортах «Ролан Гаррос» в Париже, на уимблдонском турнире и на открытом чемпионате США, становится обладателем «Большого шлема». Но в том-то и суть, что приза «Большой шлем» как такового просто не существует. Вот, скажем, короны английских королей выставлены в Тауэре, шапка Мономаха — в Оружейной палате Кремля. Команде-победительнице Кубка Дэвиса, например, на стадионе вручается переходящий трофей — «Серебряная салатница», а в постоянное владение — ее миниатюрная копия. Победители и призеры любого, даже незначительного состязания уезжают домой с памятными кубками и другими призами. А «Большой шлем» — это лишь символ, который можно сравнить с... жар-птицей.

Человек так устроен, что ему хочется доискаться до первопричины, до истоков. И мы в этом отношении не исключение, нам также захотелось узнать: откуда взялось

это название, кто его придумал и пустил по белу свету.

Мы встретились с первым обладателем «Большого шлема» — загорелым, улыбчивым Дональдом Баджем на уимблдонском турнире. Естественно, что один из первых вопросов был об этом трофее, — откуда, собственно, взялось такое название?

В теплый ветреный день в сентябре 1933 года Джек Кроуфорд вышел на центральный корт в Форест-Хиллсе против Фрэда Перри в финале открытого чемпионата США. Перед матчем обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Джон Киррен написал:

— Если Кроуфорд выиграет, то это будет нечто, похожее на выигрыш «Большого шлема». Ранее в этом же году Кроуфорд выиграл Уимблдон, чемпионаты Австралии и Франции и, таким образом, был близок к тому, чтобы стать чемпионом четырех стран: Англии, Франции, Австралии и США...

В то время немногие игроки имели желание и возможность тратить время и средства на участие во всех крупнейших теннисных баталиях, совершая для этого длительные железнодорожные и морские вояжи, переправляясь за океан, на другие континенты в сопровождении родственников и близких друзей.

...Кроуфорд вел в матче с Перри — 2:0 по сетам и был близок к тому, чтобы открыть этот список суперчемпионов. Уроженец австралийского городка Олбани в Новом Южном Уэльсе, Джек был астматиком и иногда пил чай с коньяком и сахаром, чтобы облегчить дыхание во время матча.

В ходе поединка с Перри он уже выпил две или три дозы этой смеси, но соперник не собирался сдаваться, а, наоборот, все настойчивее переводил ход часов матча на свое время. Ходила также легенда, что Вини Ричардс — старый друг Кроуфорда и один из сильнейших американских игроков плеснул тонизирующее средство — неразбавленный кентуккийский виски в стакан с холодным чаем Джека, чтобы тот смог сбросить напряжение. Но независимо от того, что пил Кроуфорд, что мешало ему — усталость или перевозбуждение, он к концу встречи «развалился на куски», проиграв два последних сета — 0:6, 1:6. И мимоходное упоминание Киррена о «Большом шлеме» забылось. А вот когда я выиграл четыре турнира, Алисон Данциг написал в «Нью-Йорк таймс» снова «Большой шлем» и с тех пор этот термин стал в ходу.

Было приятно узнать, что столь популярный термин придумал наш коллега. Журналисты, работавшие на турнире, рассказали кое-что о нем. Оказывается, Данциг — фигура легендарная в спортивном мире. Он освещал Олимпийские игры 1932, 1948, 1952, 1960 годов, был военным корреспондентом «Нью-Йорк таймс». Но главным экспертом он считался в области тенниса, гребли и американского футбола. Данцигу были присвоены многие почетные звания — «Член национальных залов тенниса и гребли», «Почетный член ассоциации журналистов США», «Пожизненный член ассоциации журналистов США, пишущих о теннисе» и др. В 1988 году ему должно было исполниться 90 лет. Живет он в Техасе, так что звоните и можете проверить — так это или не так.

Естественно, у нас появилось желание поговорить с этим человеком. Современные средства связи позволяют быстро связаться практически с любой точкой земного шара — надо только знать номер телефона. Но по известному нам номеру мягкий женский голос сообщил, что Алисон Данциг по этому адресу больше не проживает.

Через день заведующий отделением ТАСС в Нью-Йорке, также большой любитель тенниса, И. Макурин телеграфировал нам, что, как ему сообщили в Федерации тенниса США, Алисон Данциг, лауреат многих журналистских премий, недавно умер. Мы опоздали.

...Алисон Данциг заимствовал этот термин из бриджа — очень популярной карточной игры. Буквально «Грэнд Слэм» переводится как «мощный удар», которым счастливому картежнику как бы одним махом удается нокаутировать партнеров по карточному столу. Но это случается так редко... Кстати, у знаменитого русского писателя Леонида Андреева есть рассказ «Большой шлем», речь в котором идет как раз о бриджистах.

Термин «Большой шлем» снова мелькнул в печати после победы англичанина Фрэда Перри в открытом чемпионате Франции 1935 года. За год до своего триумфа в Париже он выиграл открытый чемпионат Австралии, уимблдонский турнир и первенство США, став таким образом первым в мире спортсменом, покорившим эти четыре труднодоступные вершины мирового тенниса.

Перри, однако, показал этот феноменальный результат не за один сезон, а за два, поэтому и не считается лауреатом «Большого шлема». Как метко подметил американский журналист Франк Дэфорд, «Большой шлем» —

это виноградное вино, которое готовится из винограда, «выращенного в течение одного года». Впрочем, у знаменитого английского мастера ракетки немало и других достижений, и он занимает достойное место в галерее теннисных звезд всех времен и народов.

Ну а обладатели «Большого шлема» за последующий, более чем полувековой период популярной игры совсем немного, если учесть, сколько выдающихся мастеров ракетки разных стран блистали в эти годы на кортах. Многие из них по несколько раз выигрывали Уимблдон, открытые чемпионаты США, Франции и Австралии, известно немало случаев, когда теннисисту удавался «хет-трик», но на то, чтобы замкнуть круг, не хватало либо сил, либо спортивного счастья.

Кроме Кроуфорда история тенниса знает имена еще многих великопеленных игроков, которые были великими неудачниками в погоне за «Большим шлемом». Так, австралиец Лью Хoad в 1956 году выиграл первые три этапа и вышел в финал чемпионата США против своего соотечественника и друга, с которым во время турне они постоянно жили в одном гостиничном номере, Кена Розулла. Хoad выиграл первый сет, но... еще два — не сумел.

Джимми Коннорс в 1974 году ворвался в шеренгу больших чемпионов, выиграл чемпионат Австралии, затем проиграл всего восемь геймов в финалах Уимблдона и первенства США. Но его тогдашнее участие в Мировом командном чемпионате за команду города Балтимора не позволило принять участие в турнире в Париже.

Тони Траверт в 1955 году выиграл три этапа, внес главный вклад в победу команды США в Кубке Дэвиса, но «оступился» на кортах Австралии.

Фрэд Перри в 1934 году не покорил только вершину французского чемпионата. То же самое случилось и с австралийцем Роем Эмерсоном в 1964 году. Оба, однако, покораили Ролан Гаррос, но в другие времена.

Мартина Навратилова дважды выигрывала по три этапа «Большого шлема». В 1928 и 1929 годах американка Хелен Уиллс побеждала везде, кроме Австралии, куда она попросту не ездил. Представительницы США Дорис Хард, Билли-Джин Кинг и Крис Эwert также побеждали на всех четырех самых престижных соревнованиях, но в разные годы. К ним надо добавить и их менее знаменитую соотечественницу Ширли Фрай, которая собрала такую же коллекцию в период с 1951 по 1957 год.

Выиграть четыре главных турнира, собирающих практически всех сильнейших игроков, невероятно сложно. Ведь надо быть теннисистом-универсалом, ибо турниры проводятся на площадках с разным покрытием, а оно в теннисе играет очень важную, если не первостепенную, роль.

Кстати, победители этих турниров получают настоящие призы, которые в последнее время сопровождаются чеками с проставленными в них весьма внушительными суммами. Так что можно сказать, что сейчас «Большой шлем» — это своеобразная картина, которая состоит из четырех равнозначных фрагментов.

Мы задались задачей рассказать об этих четырех турнирах, разумеется не пытаясь умалить значения других, весьма популярных состязаний. Нам хотелось представить читателям теннисистов, которым все-таки удавалось выиграть «Большой шлем», а также тех, кому хоть и не довелось одержать столь впечатляющих побед, но они оставили свой яркий след в мировом теннисе.

Имен, входящих в символический клуб «Большого шлема», совсем немного. Первым эту вершину в 1938 году покорил американский теннисист Дон Бадж. И лишь 24 года спустя подобный успех пришел к австралийцу Роду Лейверу, который в 1969 году повторил это феноменальное достижение, а затем стал единственным в истории мирового тенниса двукратным лауреатом «Большого шлема» в одиночном разряде. Кое-кто из журналистов, склонных к мистике, подчеркивает, что оба они были... рыжеволосыми, когда добивались успеха. И хотя «рыжих игроков» в теннисе хватает, берем на себя смелость утверждать, что из мужчин вряд ли кто-нибудь в ближайшем будущем сумеет сделать то же самое (и один-то раз никому не удастся выиграть «Большой шлем» вот уже 20 лет). Сам Лейвер давно закончил спортивную карьеру и выступает иногда лишь в турнирах ветеранов.

Среди женщин три спортсменки взошли на теннисный Эверест в личных соревнованиях: Морин Конноли (США) в 1953 году, Маргарет Смит-Корт (Австралия) в 1970 году и Штеффи Граф (ФРГ) в 1988 году.

Конноли умерла в 1969 году, Смит-Корт «зачехлила» ракетку и присутствует на соревнованиях теперь в качестве почетной гостьи. И лишь Штеффи Граф среди действующих игроков.

Среди современных теннисисток Мартина Навратилова была наиболее вероятным и заслуженным кандидатом на

звание члена символического клуба «Большого шлема». Она выиграла шесть турниров, составляющих его цепочку, но не сумела замкнуть круг в течение одного календарного года. В 1983 году она выиграла три турнира и первый — в 1984 году. Таким образом, одно из условий — четыре победы подряд было соблюдено, и сама Мартина, как и многие ее поклонники, настаивает на том, что «Большой шлем» был ею покорен. Навратилова в 1983 году была первой в Уимблдоне, на чемпионатах США и Австралии, а в 1984 году добавила в свой актив победу в первенстве Франции. В дальнейшем это нововведение было отменено, и сейчас требования прежние — надо победить в четырех турнирах в течение одного года.

Борьба за «Большой шлем» начинается с Чемпионата Австралии, который проводится в январе.

Смит-Корт имеет титул обладательницы «Большого шлема» и в смешанном разряде с соотечественником Кеном Флетчером. Они были непобедимы в 1963 году.

Среди мужских пар единственным и по сей день дуэтом, завоевавшим «Большой шлем», являються австралийцы Фрэнк Седжмен и Кен Мак-Грегор, выигравшие турниры 1951 года.

А вот среди женщин обладательница парного титула... одна. Это Мария Бузо из Бразилии. Дело в том, что в 1960 году она была чемпионкой в Уимблдоне, на первенствах Франции и США вместе с американкой Дорис Хард, а в Австралии победила англичанку Кристин Трумэн.

История тенниса знает и двух спортсменов, завоевавших, так сказать, малый «Большой шлем» — в разряде юниоров. В 1958 году это удалось сделать Э. Бухгольцу (США), а в 1983-м — Стефану Эдбергу (Швеция). Бухгольца, возможно, помнят наши болельщики со стажем — в пятидесятые годы он приезжал в Москву в составе профессиональной группы Джека Крамера. Ну а Эдберг сейчас — один из сильнейших теннисистов мира, победитель многих крупнейших соревнований.

В 1988 году журналисты, соскучившиеся по тому, что среди мужчин никто уже давно не выигрывал «Большого шлема», стали писать о «командной победе» шведов. Дело в том, что Матс Виландер выиграл открытые чемпионаты Австралии, Франции и США, а на кортах Уимблдона первенствовал его соотечественник — Стефан Эдберг. Но это все-таки не тот «шлем», хотя, бесспорно, в олимпийском году шведские теннисисты блистали на кортах мира.

Даже по сегодняшним временам, когда современные транспортные средства способны совершать кругосветные маршруты, за считанные часы перенося пассажирами из одного уголка планеты в другой, путешествие в Австралию является чем-то необычным. Воздушные лайнеры, летящие со скоростью 900 километров в час, все равно затрачивают много времени, чтобы доставить пассажиров из Парижа, Лондона, Праги либо Москвы до Сиднея или Мельбурна. И дело не только в том, что этот перелет занимает часто более десяти часов. Даже само пребывание в салоне самолета превращается в достаточно сложное моральное испытание.

Австралийские теннисные соревнования проводятся серий в различных районах этого континента в декабре-январе, когда здесь стоит настоящее лето. Ртутный столбик поднимается до отметки 30 градусов в тени, а синтетические покрытия кортов Национального теннисного центра в Мельбурне нагревается больше чем до 50 градусов.

С тех пор как в начале нынешнего века теннис начал свое путешествие по Австралии, соревнования проводились в основном в рамках отдельных штатов. Но тогда же начались и матчи между штатами — первый проходил между штатами Виктория и Новый Южный Уэльс в 1885 году.

В сентябре 1904 года в Сиднее была образована австрало-азиатская ассоциация лаун-тенниса, одной из задач которой стала организация ежегодного австрало-азиатского чемпионата. Так родилось одно из крупнейших спортивных состязаний Австралии и один из крупнейших мировых теннисных турниров.

Первый чемпионат Австралии, в котором разыгрывались титулы победителей в мужском одиночном и парном разрядах, проходил в ноябре 1905 года в Мельбурне. Ассоциация планировала проводить подобные турниры в различных штатах и в Новой Зеландии. Первый состоялся на стадионе для крикета в Альберт-Парке. Он собрал всего 17 участников

из трех штатов. Был и кубок для победителя стоимостью 50 гиней.

Первым чемпионом стал Род Хит, и вручать приз ему должен был его отец, бывший тогда вице-президентом ассоциации. Как нередко бывает с новыми начинаниями, не обошлось без курьеза. К тому моменту, когда закончился турнир, кубок все еще не прибыл из Англии.

За годы, предшествовавшие первой мировой войне, чемпионаты Австралии были проведены в таких городах, как Перт, Аделаида, Мельбурн, Сидней и Брисбен. Дважды турнир пересекал море и проводился в Новой Зеландии — в Крайстчерче и Гастинге.

Турниры и тогда переживали взлеты и падения. У многих игроков имелись личные планы помимо тенниса, а самой сложной была проблема преодоления расстояний — в начале века транспортных средств, способных значительно сберечь время, еще не существовало. Сказывалось и отсутствие достаточных средств у многих игроков. Это ограничивало регулярное участие в соревнованиях вдали от дома. Так Норман Брукс был признанным теннисистом международного класса, но всегда ставил на первое место бизнес — большую фабрику по производству бумаги и сумел участвовать в чемпионате лишь однажды — в 1911 году в Мельбурне, где он легко одержал победу. Тони Уайлдинг участвовал в этих турнирах трижды: у себя дома, в Крайстчерче, в Перте и в Сиднее, но только в парных состязаниях, потому что считал, что уже достаточно наигрался в Кубках Дэвиса.

Переживали чемпионаты Австралии и неожиданные нашествия иностранцев. Так, американец Фред Александер стал победителем соревнований в Сиднее в декабре 1908 года, оставшись в Австралии после матча на Кубок Дэвиса. Вся команда Кубка Дэвиса с Британских островов приняла участие в австралийском турнире в 1912 году, и успех был на стороне ирландского юриста Дж. Парка...

Одна из особенностей этих чемпионатов в те годы — отсутствие в них женщин. К участию в Уимблдонском турнире, например, они были допущены в 1884 году, в чемпионат США — в 1888 году. Однако на чемпионате Зеленого континента они долгое время могли присутствовать только в роли зрительниц. Женские соревнования проводились, но только в рамках отдельных штатов. В 1922 году положение изменилось — теннисная эмансипация достигла и Австралии. Первенство было разыграно впервые в пяти разрядах.

В 1922 году Новая Зеландия вышла из австралийской

ассоциации лаун-тенниса. Связано это было с тем, что она решила участвовать в розыгрыше Кубка Дэвиса самостоятельно. С того момента было решено проводить чемпионаты только в Сиднее, Мельбурне и Аделаиде. Такая география сохранялась почти в течение трех десятилетий.

В 1926 году штаб-квартира Австралийской ассоциации лаун-тенниса переехала из Сиднея в Мельбурн. Перемещение на юг стало своеобразной прелюдией, после которой Норман Брукс занял пост президента ассоциации. В следующем году титул чемпионов разыгрывался на новых кортах стадиона «Куйонг» в Мельбурне. Началась эра администрации Брукса. Она длилась 29 лет. Годы эти принято считать золотым веком австралийских чемпионатов. Список победителей в тот период включает такие известные всему теннисному миру имена, как Боротра, Кроуфорд, Перри, Бадж, Седжмен, Розуолл, Харт, Браф, Коннолли.

Брукс сумел организовать регулярный приток участников из-за океана, вызвать общественный интерес к соревнованиям и укрепил финансовую основу своей организации. Команды игроков из Англии, Франции, Германии, США, Японии успешно совершали поездки в Австралию. «Летающий баск» Жан Боротра был одним из самых популярных иностранных игроков. В 1928 году в Сиднее тысячи зрителей собирались на трибунах, чтобы посмотреть его игру, отличавшуюся невиданным атлетизмом. Фред Перри приехал из Англии в середине 30-х годов, и его драматические битвы с Джеком Кроуфордом также вызвали огромный интерес.

Успешно двигался в то время вперед и женский теннис. Состязания местных и приезжих спортсменок проходили на высоком международном уровне. В 1934 году победительницей стала англичанка Дороти Раунд, которая имела титул чемпионки Уимблдона. Ее мощные удары, отличная физическая подготовка открыли глаза местным теннисисткам на то, какие возможности таит в себе эта игра.

Американец Дон Бадж в 1938 году покорил австралийские корты, выиграв первый этап «Большого шлема».

Успех Баджа поднял и авторитет австралийских чемпионатов в глазах сильнейших теннисистов — они предпринимали попытки повторить его небывалое достижение. После триумфа американца в круге «Большого шлема» чемпионат Австралии утвердился в большой четверке самых престижных соревнований наряду с Уимблдоном и открытыми чемпионатами Франции и США.

Вторая мировая война не коснулась австралийской территории, но пока она продолжалась, трудно было говорить о всемирном представительстве участников популярных состязаний мастеров ракетки. Однако в этот период стали давать свои плоды юниорские программы, организованные Бруксом и Харри Хопманом при активной поддержке фирм по выпуску спортивных товаров. Появились Фрэнк Седжмен, Кен Мак-Грегор, а чуть позже «двойняшки» Лью Хoad и Кен Розуолл.

Однако этому турниру, который к концу войны вновь обрел свою привлекательность и популярность среди ведущих мастеров корта, сопутствовали не только успехи. Очень часто в газетных отчетах из Мельбурна наряду с восторженными отчетами о мужских баталиях можно было прочесть критические замечания в адрес австралийских теннисисток, среди которых отсутствовали звезды. Это продолжалось до тех пор, пока на горизонте не появились Маргарет Смит, Джоан Лехейн и Лесли Тернер.

Организация профессиональной труппы Джека Крамера, в которую перешли многие считавшиеся любителями теннисисты США, Европы и Австралии, отрицательным образом сказалась на посещаемости традиционных турниров в этих и других странах. За большими деньгами в показательных состязаниях потянулись и многие молодые австралийцы. Иллюзия того, что источник теннисных талантов в стране неиссякаем, стала исчезать. Вместо дружной, непобедимой команды во главе с Родом Лейвером, которая своим появлением в Европе сеяла панику, оставались выдающиеся одиночки — Тони Роч, Джон Ньюкомб, Джон Александер. Ситуация в стране тенниса неожиданно приобрела катастрофический характер.

Соперничество Роча и Ньюкомба еще как-то поддерживало реноме австралийских чемпионатов, но до поры полуфиналов смотреть было в общем-то не на что.

К счастью, битва между любителями и профессионалами подошла к концу и после нескольких лет взаимного неприятия, непонимания вопрос был решен — открытые соревнования, так сказать, без навешивания ярлыков. Англичане первыми организовали открытый Уимблдон в 1968 году. Австралийцы последовали этому примеру на следующий год и собрали большое количество великих игроков, среди которых был Лейвер, начавший свое второе восхождение к «Большому шлему».

Случалось, что по разным причинам иностранцы укло-

нялись от участия в чемпионатах Австралии. Но даже при недостатке высококлассных игроков в условиях, когда участие в финансовой стороне спонсоров приобретало все большие масштабы, успешное проведение соревнований было гарантировано. Так в начале 70-х годов американская табачная компания «Филипп Моррис» стала главным спонсором турнира, который в дальнейшем стал называться «Мальборо Австралия open».

В 1985 году было объявлено, что «Филипп Моррис» заменен новым спонсором — автомобильной компанией «Форд». Продажа телевизионных прав также стала серьезным источником средств для проведения этих крупных соревнований.

Новая администрация пришла к власти в национальной теннисной ассоциации в 1969 году, и среди различных перемен, ею санкционированных, было решение с 1972 года проводить чемпионат Австралии постоянно в Мельбурне.

Менее популярным оказалось решение проводить турнир в период с Рождества на Новый год — многие зрители планировали на это время поездки на рождественские каникулы. Да и лучшие заокеанские игроки предпочитали в рождественские и новогодние праздники находиться дома, в кругу семьи. Поэтому состав участников становился все слабее и слабее, пока в конце 70-х годов однажды турнир не оказался таким непредставительным, что фактически не имел права называться турниром «Большого шлема».

Влиятельные лица из-за океана, сделавшие финансовые ставки на теннис, начали оказывать давление на организаторов чемпионата, угрожая тем, что вместо него в «Большой шлем» войдет новое соревнование в США. Австралийцам пришлось реагировать. Помогло также мнение, как говорится, широкой теннисной общественности, полагавшей, что теннис и так уже пережил немало сложных, критических ситуаций и перемен, что традиции надо сохранять и среди них — статус открытого чемпионата Австралии.

В 1977 году были проведены косметические изменения в облике прежде популярнейших теннисных соревнований. Одной из главных оставалась проблема сроков турнира. В 1980 году женские соревнования стали проводиться отдельно от мужских — в конце ноября. Такая корректировка оказалась удачной: в этот раз, как и в следующий,

все сильнейшие теннисистки мира съехались в Мельбурн и их встречи проходили при переполненных трибунах.

Мужская часть турнира по сравнению с ними выглядела второразрядной. С 1983 года руководители обоих турниров пришли к тому, чтобы соревнования проходили в конце ноября — начале декабря. Среди участников появились Джон Макинрой, Иван Лендл, Матс Виландер... Соревнования снова можно было считать первым этапом «Большого шлема». В чемпионате 1984 года призовой фонд составил 1,5 миллиона долларов, и это оказалось самым богатым соревнованием в Австралии. Вместе с тем все чаще стала раздаваться критика в адрес травяных кортов стадиона «Куйонг», вместимости его трибун. И вообще, заговорили о способности сооружения, которому так много лет, принимать столь крупные состязания. «Куйонг» к тому времени отметил свой полувековой юбилей.

Было принято решение соорудить в центре Мельбурна современный стадион и еще раз подумать о сроках чемпионата. Решительные изменения коснулись и покрытия кортов. В течении 80 лет состязания проходили на травяных площадках. Предложение положить на новом стадионе синтетическое покрытие вызвало оживленные споры среди сторонников традиционности и прагматиков. Конечно, трава привлекательнее всего с точки зрения эстетики. Но становилось все более ясно, что это анахронизм в международном теннисе. Островком «зеленой» игры удавалось остаться без ущерба для репутации только Уимблдону.

Таким вот образом австралийскому турниру удалось отстоять свой статус одного из важнейших и престижных. Теннис считается национальным видом спорта в Австралии. Он собирает на корты многочисленных клубов и на трибуны соревнований множество зрителей, и если брать их в процентном отношении к населению страны, то это будет больше, чем где бы то ни было.

Например, финальный матч на Кубок Дэвиса в Сиднее в 1954 году собрал невиданную аудиторию — 25 000 зрителей. И каждый любитель тенниса, конечно, знает, что австралийские игроки всегда считались среди сильнейших в мире.

До того, как началась эпоха открытых соревнований (для любителей и профессионалов вместе), в 1968 году как величайшего игрока превозносили Кроуфорда, в 30-е годы побеждавшего в своем «домашнем» чемпионате четыре раза. Он был также лучшим в Уимблдоне в 1933 году.

Розуолл улучшил это достижение, победив три раза в 50-е годы как любитель и еще дважды в 70-е, уже будучи профессионалом. Но рекордсменом является Рой Эмерсон — шесть одиночных титулов в период 1961-1967 годов.

В довоенные годы очень редко чемпионами Австралии становились иностранцы: француз Боротра (1928), англичанин Перри (1934), американец Бадж (1938).

Род Лейвер, прославивший австралийский теннис двумя титулами обладателя «Большого шлема», перед своими соотечественниками сумел отличиться трижды: в 1960, 1962 и 1969 годах. В дальнейшие годы пальма первенства в мужских баталиях переходила от местных асов к американским звездам корта — Артуру Эшу, Джимми Коннорсу, Раско Таннеру, Витасу Герулайтису. Долгое время никому из иностранцев не удавалось дважды увезти пальму первенства с Зеленого континента, пока не возшла звезда аргентинца Гильермо Виласа (1978—1979). Его результат превзошел швед Матс Виландер (1985, 1987, 1988).

Характерно, что именно новое, современное поколение шведских игроков сумело лучше других приспособиться к своеобразным временным и климатическим условиям австралийского чемпионата и «освоить» его. В свое время эта вершина не покорила даже виновнику шведского теннисного бума Бьёрну Боргу, который, оступаясь на чемпионате США в попытках завладеть «Большим шлемом», ни разу и не заказывал билет на далекий континент.

В январе 1987 года после долгого перерыва австралийские зрители смогли снова познакомиться с игрой представителя советского тенниса — Андрея Чеснокова. В этот раз организаторам удалось привлечь почти всех ведущих, за исключением травмированных Ивана Лендла, Бориса Беккера и Джона Макинроя. Москович дошел до 1/4 финала.

В женских чемпионатах Австралии до 50-х годов наиболее преуспела Д. Окхарст, побеждавшая пять раз. В 1935 году в число лауреатов впервые вошли две иностранки — Д. Рунд из Англии, еще через два года — Д. Ганди (США). Прошло около двух десятков лет, и Маргарет Корт затмила всех, став чемпионкой среди чемпионок.

В 1953 году, выиграв в Австралии, американская теннисистка первой среди женщин Конноли сделала шаг на пути к завоеванию «Большого шлема». Интересно, что в трех других турнирах Конноли побеждала неоднократно, но на австралийский пьедестал почета ей больше подниматься не приходилось.

В мае в Париже среди бесчисленных сувениров можно приобрести и очень необычный — брелок с прозрачным пластиковым цилиндром, в котором находится... грунт теннисных кортов стадиона «Ролан Гаррос». Тысячи любителей тенниса увозят эти брелоки в разные страны мира на память о крупнейшем соревновании мастеров ракетки, которое в век синтетических площадок так же, как и «травяной» Уимблдон, сохраняет свою многолетнюю традицию — проводит турнир на земляных, а точнее песчаных кортах. Существует много других теннисных арен с подобным покрытием, но турнир в Париже, бесспорно, считается самым главным из них, а победители открытого чемпионата Франции признаются как неофициальные чемпионы мира в игре на песчаных площадках.

Поговорки типа «Тише едешь — дальше будешь» или «Поспешишь — людей насмешишь», пожалуй, могут подойти в качестве девизов игры на «Ролан Гаррос». Поскольку отскок мяча на здешних кортах значительно более медленный, чем на траве Уимблдона или на покрытии «Рибуэйс» в Мельбурне, то на первый план выходит игра солидная, расчетливая, тактически выверенная. Мощная подача в ходе французского чемпионата не дает ее обладателям решающего превосходства, больше очков приносит стабильная игра с задней линии и тонкая обводка.

Характерно, что самый «медленный» из турниров «Большого шлема» проводится на стадионе, носящем имя человека, который в свое время был «королем скорости», отважным летчиком. Имя Ролана Гарроса упоминалось много тысяч раз, но, наверное, немногие любители тенниса у нас в стране знают, кем же был этот француз. Тем более что на корте он играл лишь на уровне любителя.

Ролан Гаррос был пионером авиации, героем первой мировой войны. В 1910 году, едва получив лицензию пилота, он установил рекорд высоты, а в 1913 году приобрел извест-

ность, став первым летчиком, совершившим беспосадочный перелет через Средиземное море — из Франции в Тунис. Сейчас это не кажется необычным. Но давайте не будем забывать, что лишь поколение спустя Чарльз Линдберг совершил свой знаменитый трансатлантический перелет. Гаррос летал на самолете «Моран-Солнье» с двигателем всего в шестьдесят лошадиных сил.

Добровольно вступив во французскую армию сразу после начала первой мировой войны, Ролан выиграл три воздушных боя, используя сконструированный им пулемет, который мог стрелять через пропеллер. В 1915 году он попал в плен, и только через три года его очередная попытка бежать увенчалась успехом. Он настоял на возвращении на фронт, победил еще в одном воздушном бою; но за день до своего тридцатилетия погиб на северо-востоке Франции.

...В 1928 году французский клуб «Споринг» согласился передать часть своей территории для нового парижского теннисного стадиона. Единственное условие этой акции — сооружение должно носить имя Гарроса.

Турнир 1988 года пришелся на столетие Ролана Гарроса. Эта дата была отмечена: накануне начала турнира в пресс-ложу же стадиона открыли памятную доску, а летом был организован перелет от Парижа до Реюньона — острова в Индийском океане, где родился авиатор.

Всегда было принято считать, что успеха в Париже легче добиться тем игрокам, которые имеют в своем арсенале солидную игру с задней линии, уверенно выполняют удары по отскочившему мячу. Если присмотреться к списку победителей чемпионата Франции, то, пожалуй, так оно и есть. Но более верен такой вывод: на парижских кортах, как и в других важнейших соревнованиях, преуспевали действительно сильнейшие мастера ракетки, «случайных» победителей не было.

Мужское первенство Франции стало разыгрываться с 1891 года, и местные спортсмены доминировали на первых порах довольно уверенно. Список Больших чемпионов открывает Макс Декугис. Он первенствовал в одиночном разряде восемь раз в период с 1903 по 1914 год. Турнир не проводился во время первой мировой войны. А когда его возобновили, то выяснилось, что французские игроки способны бросить вызов ведущим теннисным державам. И главным образом благодаря высокому мастерству четверки игроков, которых называли «мушкетерами», — это Ари Коше, Рене Лакост, Жан Боротра и Жак Брюньон. Особенно

выделялись первые трое. С 1922 по 1932 год Коше побеждал пять раз, Лакост — три, Боротра — два. Они же привозили домой победы и с других важнейших соревнований, в том числе с турниров «Большого шлема» и Кубка Дэвиса.

Имя Коше связано и с историей советского тенниса. Он приезжал к нам в тридцатые годы и был наставником молодых игроков. Боротра тоже приезжал в СССР и участвовал в международном турнире, но в то время был уже в преклонном возрасте и составил истинное представление о его игре было трудно. Он также часто встречался с советскими спортсменами, приезжавшими на чемпионат Франции, и поддерживал с ними самые дружеские отношения.

Если вам встретится майка или шорты, на которых нашита эмблема — маленький крокодилчик, это спортивная форма Рене Лакоста. Так что имя Лакоста продолжает звучать в современном теннисе — его фирма спортивной одежды многие годы успешно конкурирует с другими подобными предприятиями.

Среди героев чемпионата Франции ведущее место принадлежит шведу Бьёрну Бору — непобедимому в 1974—1975 годах, а затем в 1978—1981, австралийцу Кену Розуоллу, который выиграл первый открытый турнир в 1968 году, спустя 15 лет после того, как он добивался на нем успеха в качестве любителя. Блистали на «Ролан Гарросе» Готфрид фон Крамм (Германия), Фрэд Перри (Англия), Илие Настасе (Румыния), Ян Кодеш (Чехословакия), Род Лейвер (Австралия), Никола Пьетранжелли (Италия), Мануэль Сантана (Испания) и другие. В 1982 году сенсационную победу одержал семнадцатилетний швед Матс Виландер. Свое право называться первой ракеткой мира неоднократно доказывал здесь Иван Лендл (Чехословакия).

Женский турнир на кортах Парижа стартовал в 1898 году, но только после первой мировой войны встречи представляли прекрасного пола приобрели международный характер. В 1920 году началась блестящая серия побед французки Сюзан Ленглен, единственной, выигрывавшей в одиночном разряде семь раз подряд. После нее американка Хелен Уиллс-Муди побеждала четырежды за пять лет участия. Столько же высших титулов у австралийки Маргарет Смит-Корт.

Если мы посмотрим на список лауреатов разных лет, то, как и у мужчин, здесь знакомы все имена: Морин Конноли, Алтея Гибсон, Ивонн Гулагонг, Билли-Джин Кинг, Хана Мандликова, Мартина Навратилова...

О звездах открытого чемпионата Франции мы еще расскажем, но сначала все-таки о сегодняшнем дне самого комплекса.

...Десятки объектов фото- и телекамер нацелены на большую серебряную вазу, в которой свободно разместились 128 номеров участников. Мгновение — и приглашенная для проведения жеребьевки знаменитость — в 1988 году в этой роли бы, например, прославленный французский футболист Мишель Платини — называет пары участников. Такой официальной церемонией во второй половине мая во французской столице дается старт чемпионата Франции.

В первый же день турнира сюда устремляются и парижане, и многочисленные туристы — поклонники тенниса. По-разному можно добраться в этот район. Например, на метро, а затем пройти с полкилометра, а если не хочется пройти — прокатиться на бесплатной «маршрутке», которую предоставляет фирма по прокату машин «Авис». Она полагает, что реклама во время турнира — одна из самых эффективных.

Но это не все.

По случаю чемпионата здесь, близ Булонского леса, возникает настоящее предприятие, на котором работают ни много ни мало 1673 человека. Популярность турнира каждый год во многом зависит не только от игры теннисистов, но и от его организации. Помимо спортсменов в турнире «участвуют» 300 контролеров, 180 подавальщиков мячей, 25 кассиров, 330 арбитров, 250 работников предприятий питания, 50 шоферов, 45 автомобилей, 15 сторожей, 60 работников, обеспечивающих прием и размещение, 50 уборщиков, 20 000 бутылок с напитками для спортсменов, 300 000 мячей, в том числе 15 000 во время матчей, 40 000 сосисок, 160 000 сэндвичей, 40 000 порций кофе, 50 000 обедов, 20 000 пряников, 15 000 пицц и 24 000 метров теннисных струн.

В связи с этим турниром нам хотелось бы рассказать о... натяжке струн. Сейчас на ракетках можно увидеть различные эмблемы. Две темные полосы, проведенные параллельно в нижней части, означают, что струны натянуты мастерами фирмы «Бабола». С 1978 года это делает здесь Эрик Бретон.

— Мастером по натяжке ракеток я стал по чистой случайности, — рассказывал он, не открываясь от своего станка. — Получив образование экономиста, в 1978 году я купил крытый теннисный корт на улице Эрландже и экс-

платировал его круглосуточно. В этом клубе была ручная машинка для перетяжки ракеток. Однажды в ресторане «Ролан Гаррос» я оказался за одним столиком с Жилем Моритонем, который жаловался, что у него нет мастера по ракеткам, а ему надо улетать... Он был в безвыходном положении.

Я предложил ему свои услуги, сказав, что не гарантирую результатов. Он ответил: «По рукам!» К счастью для меня, в первый раз все прошло хорошо. Моритон разрекламировал меня французским теннисистам. Через несколько недель у меня в руках уже были ракетки Таласне, Портэ и Ноа.

— Можно ли сказать, что существуют хорошие и плохие мастера по ракеткам?

— С чисто технической точки зрения нет. После появления электрических и даже электронных машинок ошибки натяжения сведены на нет. Разница может быть только в отношениях со спортсменами. Например, когда Ноа дает мне ракетку для перетяжки, он не указывает степень натяжения, он просто говорит: «Пока все хорошо» или «Я что-то не в порядке». И я уже знаю, что делать, потому что мне известно, что чем лучше форма Яника, тем меньшее натяжение струн ему требуется.

Но это не все, необходим опыт и чутье. Так, когда мне отдадут в перетяжку ракетку в дождливый день, я знаю, что если матч состоится поздно, надо немного увеличить натяжение, так как влажность воздуха уменьшает натяжение струны. И наоборот, если очень жарко и требуется натяжение в 24 кг, я сделаю 23,7 или 23,8 кг, чтобы нужное натяжение было в момент выхода спортсмена на корт.

— Не располагает ли ваше положение к своеобразному шпионажу?

— Бывает. Время от времени в ходе турнира на «Ролан Гаррос» спортсмены приходят ко мне и «незначай» спрашивают о натяжении ракетки своего соперника. Но такое случается довольно редко. Вот менеджер Беккера Цириак имеет такую привычку.

— Каковы ваши отношения со спортсменами?

— Обычно очень хорошие. Но, как и везде, и среди спортсменов есть неприятные люди. Но это редкость. Самыми вьедливыми чаще всего бывают тренеры, они более требовательны. Цириак, например, никогда не полагается на случай. В начале турнира он выбирает себе мастера по ра-

кеткам и не меняет его до конца. Это маньяк деталей. Для Беккера, как в свое время для Виласа, он хочет иметь все и сейчас же.

— А если все-таки случайно вы ошибетесь в натяжении ракетки, спортсмен сразу же это заметит?

— Сразу же! У них у всех обостренное осязание. Это же относится и к весу ракетки, многие просят меня увеличить вес ракеток и сбалансировать их. Здесь первооткрывателем был Ноа. Я каждый год получаю для него целую партию ракеток из Тайваня — только основу — без струн и кожи. Мне предстоит утяжелить их и подготовить. Например, ракетка для Ноа должна весить 343—348 граммов. Если весы показывают на один грамм меньше или больше, ракетка ему не подходит...

У чемпионата есть еще одна сторона — это своеобразный смотр «сливок» столичного общества. В Париже среди элиты считается хорошим тоном показаться на телеэкранах в тот момент, когда камера скользит своим объективом по центральной ложе. Операторы любят показывать политических деятелей, знаменитых актеров, «финансовых королей». Посещение чемпионата — своеобразная демонстрация своей принадлежности к определенному слою, — разумеется, речь идет не о тех, кто копил деньги чуть не весь год, чтобы прийти сюда на день.

Любопытно, как пишет об участниках турнира местная пресса. Восторги по поводу «своих», признание успехов звезд из западных стран и порой едва ли не умышленно бестолковые, с употреблением «железного занавеса» материалы о наших. Наш коллега корреспондент АПН в Париже однажды нашел такой абзац в солидной газете «Либерасьон» по поводу победы Натальи Зверевой над Мартиной Навратиловой: «По существу она выиграла два матча, победив двух противников — ветер и чемпионку мира. Это признак высокого класса игры. Сдерживая свой глупинный антикоммунизм, ей аплодируют трибуны».

Редкое признание. Но постепенно тон здешней прессы меняется — успехи наших спортсменов заставляют менять отношение. Андрей Чесноков уже был полуфиналистом, а Наталья Зверева — финалисткой.

Чеснокову в 1988 году достался здесь оригинальный приз.

...Турнир еще только успевает отсчитать свою первую неделю, а уже становятся известны обладатели призов. О наградах объявляет журналистский корпус, который на-

считывает в последние годы свыше 800 корреспондентов газет и журналов, теле- и радиокomentаторов, фоторепортеров.

Так вот, обладателем символического приза «Апельсин» — теннисисту, который отличается джентльменским поведением на корте, а также поддерживает хорошие отношения с прессой — в 1988 году был назван Андрей. «Апельсин» теннисисту-джентльмену начал свою историю с 1980 года. Достаточно сказать, что лауреатами столь престижной награды становились такие звезды мирового тенниса, как Мартина Навратилова, Бьёрн Борг, Иван Лендл, Яник Ноа.

Существует и альтернативный приз «Лимон» — теннисисту, который показал прямо противоположные качества. В 1988 году «Лимон» решили не присуждать, поскольку, по общему признанию, дух джентльменства сейчас доминирует на спортивных площадках. Его заменил приз «Бутон», который вручили подающему самые большие надежды спортсмену. Первым лауреатом был назван шестнадцатилетний американец Майкл Чанг.

В ТРЕТИЙ ПОНЕДЕЛЬНИК ИЮНЯ

Если одно и то же событие повторяется года три-четыре подряд, мы называем его традиционным. Ну а если более ста лет? Немногие спортивные соревнования могут похвастаться столь богатой историей, такими давними и прочными традициями, как Уимблдонский теннисный турнир, отсчитывающий свою родословную с понедельника, 16 июня 1877 года.

Существует версия, что все началось с машинки для стрижки газонов, которой пользовались во всеанглийском крокет-клубе в пригороде Лондона — Уимблдоне. Ее подарил клубу в 1872 году тогдашний секретарь Джон Уолш, поставивший при этом условие, чтобы его дочь была пожизненным членом клуба. Однажды машинка испортилась, и клуб решил провести соревнования теннисистов, чтобы собрать средства на ее ремонт.

Так начался первый Уимблдонский турнир, который собрал 22 участника и всего 200 зрителей. Современные турниры, по традиции стартующие в третий понедельник июня, привлекают игроков почти из пяти десятков стран разных континентов, а посещают их около 400 тысяч болельщиков. Число телезрителей пока не учтено.

Кстати, о крокете. В него здесь не играли с 1922 года, хотя слово «кркет» оставалось в названии клуба. Чувствуя некоторую неловкость, руководители возобновили игры в 1960 году, поставив небольшую — уменьшенную площадку, на которой проходят внутренние турниры по крокету.

Что же касается той старой машинки для стрижки газонов, то с 1922 года она стояла на центральном корте, а сейчас — при входе в музей тенниса, недавно появившийся в Уимблдоне. И то, что машинке нашлось место в музее, является еще одним подтверждением приверженности англичан к традициям и символам.

Травяные корты уимблдонского стадиона называют Меккой тенниса. Здесь выступали все без исключения вы-

дающиеся игроки прошлого и настоящего. Попасть в список участников соревнований — заветная мечта многих поколений теннисистов разных стран.

Более чем вековая история Уимблдона (турниры не проводились лишь в годы первой и второй мировых войн) — это история развития мирового тенниса, и организаторам других крупнейших международных соревнований мастеров ракетки, несмотря на все их старания, не удалось создать такую же атмосферу грандиозного теннисного фестиваля.

Великолепно подготовленные корты-лужайки (Уимблдон — единственный из турниров «Большого шлема» «травяной» чемпионат), цветочные клумбы, на которых высажено более 8 тысяч цветов, центральный корт, вмещающий 15 тысяч зрителей, увитый плющом, — это, пожалуй, одна из самых привлекательных спортивных арен. Всеанглийский клуб лаун-тенниса, сохраняя традиции, в то же время старается, несмотря на свои преклонные лета, не отставать от времени и поддерживать все нововведения, неумолимо вторгающиеся в сферу популярной во всем мире игры.

Уимблдон своими очертаниями напоминает большой корабль, плывущий в зелени живописного уголка Лондона, удаленного от суеты центра. Его главными сооружениями являются центральный корт и корт № 1. Они имеют трибуны, частично укрытые навесами, с различными помещениями, отдаленными под пресс-центр, кафеетерий, раздевалки, бары, мастерские. Всего в клубе 18 травяных кортов и 11 «твердых», два из которых — крытые. В распоряжение участников чемпионата для тренировок предоставляются также 14 травяных кортов примыкающего «Аоранджи-парка». Интересно, что трибуны и скамейки, установленные рядом с кортами, рассчитаны на 27 000 зрителей. Здесь несколько специфические правила — вход на трибуны разрешен только между геймами, а кроме того, запрещается занимать места и уходить куда-либо. Вот почему многие зрители, выбравшие себе программу дня, предусмотрительно запасаются бутербродами, коробками с соками и... зонтиками.

Теперь Уимблдон стал столь же неотъемлемым атрибутом английского образа жизни, как дерби, выставка цветов в лондонском районе Мейфэр, выезд королевы в карете с фрейторами в сопровождении конных гвардейцев на открытие сессии парламента...

Куда менее известна организационная и финансовая сторона ежегодных чемпионатов, где идет совсем другая

игра, успех в которой решает не точность удара и атлетизм. Дело в том, что клуб, являющийся официальным организатором Уимблдона, превратился, по свидетельству местных обозревателей, в бастион власти и богатства, ревниво оберегающий свои секреты от посторонних.

Сейчас в клубе 375 постоянных членов. Есть здесь и почетные члены — в их число входят победители Уимблдона в одиночном разряде, заслужившие признание своим выдающимся вкладом в игру. Кроме того, есть еще 100 временных членов, которые ежегодно... выбирают. Эти люди должны быть действующими игроками и регулярно пользоваться кортами, а также участвовать в клубных соревнованиях.

Почему ограничен прием в клуб? Дело в том, что по правилам каждый из его членов имеет право приобрести по два билета на каждый день чемпионата. Если число членов клуба увеличится, это, в свою очередь, уменьшит число билетов, попадающих в кассы. Правда, не обходится и без сенсационных... разоблачений. Дело в том, что некоторые из членов клуба, приобретя пакет билетов, с выгодой для себя... сбывают его перекупщикам, а дальше уже идет заурядная спекуляция. Причем в зависимости от хода турнира, погоды, удобства места на трибуне цена билета возрастает, и порой в десятки раз. Призывы к членам клуба не поощрять спекулянтов звучат ежегодно и стали, пожалуй, еще одной из традиций.

Попасть в члены клуба — значит вступить в магический круг, за которым начинаются привилегии и влияние. Неудивительно, что конкуренция здесь порой принимает не менее жесткие формы, чем схватки на кортах. Хотя теоретически доступ открыт любому англичанину, на практике, как писала газета «Дейли мейл», легче быть принятым в мафию, чем в уимблдонский клуб.

Для спортсмена выход лишь один — стать чемпионом Уимблдона в одиночном разряде, — и двери в клуб открываются автоматически. Как это ни покажется странным, но английские теннисисты — представители страны, проводящей самые престижные соревнования, давно уже не одерживают побед не только в Уимблдоне, но и на других больших международных соревнованиях. Известный английский спортивный обозреватель, президент Международной ассоциации спортивной прессы, Фрэнк Тейлор, с которым нам неоднократно приходилось встречаться, считает, что одна из причин этого в том, что доходы от Уимблдона идут не

на нужды массового спорта, а на охрану привилегированного статуса клуба.

Опять же согласно давней традиции Уимблдон официально начинается матчем на центральном корте с участием прошлогоднего чемпиона и завершается спуская две недели балом, который открывается вальсом пары чемпионов в одиночном разряде.

Список лауреатов Уимблдона открывает Спенсер Гор. Кстати, первые тридцать лет чемпионата среди мужчин неизменно побеждали хозяева турнира — англичане, среди которых был даже один священнослужитель, преподобный Хартли, сильнейший в 1879 и 1880 годах.

Восковая фигура Уильяма Реншоу выставлена в музее, открытом к 100-летию юбилею Уимблдона, вместе с двумя другими великими — американцем Биллом Тилденом и ныне здравствующим Фредом Перри, последним из англичан, побеждавшим среди мужчин (1936 год).

В Уимблдоне можно увидеть немало чугунных табличек, сообщающих, в честь чего или кого названы... ворота или что-нибудь еще. Так, в 1931 году преподобный Уильям Дохерти подарил клубу кованые ворота, названные в память его братьев Лори и Реджи Дохерти, блиставших на здешних кортах в начале века. Сейчас они являются главным входом на стадион.

В 1984 году была установлена статуя Фрэда Перри. Так клуб отметил 50-летие его первой из трех побед в мужском одиночном разряде. Одновременно именем Перри были названы ворота, через которые обычно проходят участники и журналисты. Кстати, в том же году над крышей дома членов клуба появился флюгер, подаренный сэром Брайаном Барнеттом по случаю его ухода с поста председателя.

В 1884 году Уимблдон открыл свои двери для представительниц прекрасного пола. Спустя три года первенство завоевала пятнадцатилетняя Шарлота Год, которая пока остается самым юным лауреатом турнира.

Однако многие эксперты считают лучшей теннисисткой всех уимблдонских времен французенку Сюзен Ленглен, которая была чемпионкой шесть раз и не проиграла здесь ни одной одиночной встречи. Заодно элегантная парижанка ниспровергла старую моду, по которой женщины играли в длинных, до земли, юбках и в блузках с длинными рукавами. В 1919 году она появилась на корте в короткой юбке, поразив чопорных англичан, а на следующий сезон вышла

на центральный стадион и без традиционной белой шляпки, заменив ее цветной лентой.

Менялась и мужская мода. В 1946 году француз Ивон Петра был последним чемпионом, выступавшим в длинных белых брюках. Кстати, в отличие от некоторых других современников, белая спортивная форма осталась неизменным условием в Уимблдоне. В 1988 году известную западногерманскую теннисистку Штеффи Граф попросили переодеться, когда она вышла потренироваться в цветной майке.

История уимблдонского турнира помнит много имен выдающихся мастеров ракетки. Игру спортсменов, выступающих сейчас, благодаря телевидению могут оценить и наши любители тенниса, которых становится все больше и больше. Кстати, первые телекамеры в Уимблдоне были установлены еще в 1937 году.

Можно только предполагать, как закончилось бы соперничество Ленглен с нынешними королевами корта — Мартиной Навратиловой, Штеффи Граф, Крис Эверт или Тилдена с Джими Коннорсом, Иваном Лендлом, Борисом Беккером... Несмотря на то что теннис ревниво оберегает свои традиции, он не стоит на месте. И темп игры, и физическая подготовка, и инвентарь нынешних чемпионов дает им преимущество. Не говоря уже о гонорах. Кстати, в 1988 году победитель среди мужчин Стефан Эдберг (Швеция) получил 165 000 фунтов, чемпионка Штеффи Граф — 148 500. А общий призовой фонд был 2 630 308 фунтов.

Помимо того, что уимблдонский турнир является большим спортивным событием, это еще и очень доходное предприятие. Доходы складываются из самых различных поступлений, а делятся между клубом — владельцем площадок, зданий и ассоциацией лаун-тенниса, проводящей, собственно, чемпионат. Первое соглашение между этими двумя организациями было заключено в 1984 году, а теперь оно продлено до 1999 года. И надо сказать, что ассоциация получает теперь такие суммы, что может смело разрабатывать различные программы, имея средства для их реализации. В 1981 году был переиден рубеж в миллион фунтов стерлингов, а в 1987 году цифры достигли 7 154 900 фунтов.

Организация любого турнира — довольно хлопотное дело. Она похожа на запуск ракеты — если сбой дает одна из систем, то дело может кончиться катастрофой. Поэтому надо учесть тысячи мелочей. К счастью, на турнире обойдется без жертв, но, если запуск ракеты можно отложить, то

Уимблдон должен начаться в третий понедельник июня — и ни днем раньше, ни днем позже.

Турнир этот уникален, поэтому мы предлагаем читателям материалы, которые принято называть статистикой, или

«ДАННЫЕ ИЗ СУНДУКА АРХИВАРИУСА»

Рекордсмены по количеству побед

Мужчины. Одиночный разряд

- 7 — У. Реншоу (Англия) — 1881—1886, 1889
- 5 — Х. Дохерти (Англия) — 1902—1906
- 5 — Б. Борг (Швеция) — 1976—1980
- 4 — Р. Дохерти (Англия) — 1897—1900
- 4 — А. Уилдинг (Н. Зеландия) — 1910—1913
- 4 — Р. Лейвер (Австралия) — 1961—1962, 1968—1969
- 3 — У. Бадли (Англия) — 1891—1892, 1895
- 3 — А. Гор (Англия) — 1901, 1908, 1909
- 3 — Б. Тилден (США) — 1920—1921, 1930
- 3 — Ф. Перри (Англия) — 1934—1936
- 3 — Д. Ньюкомб (Австралия) — 1967, 1970—1971
- 3 — Д. Макинрой (США) — 1981, 1983, 1984
- 3 — Б. Беккер (ФРГ) — 1985, 1986, 1989

Женщины. Одиночный разряд

- 8 — Х. Уиллс-Муди (США) — 1927—1930, 1932—1933, 1935
- 8 — М. Навратилова (США) — 1978—1979, 1982—1987
- 7 — Р. Чамберс (Англия) — 1903—1904, 1906, 1910—1911, 1913—1914
- 6 — Г. Хильярд (Англия) — 1886, 1889, 1894, 1897, 1899—1900
- 6 — С. Ленглен (Франция) — 1919—1923, 1925
- 6 — Б.-Дж. Кинг (США) — 1966—1968, 1972—1973, 1975
- 5 — Ш. Дод (Англия) — 1887—1888, 1891—1893
- 5 — А. Стерри (Англия) — 1895—1896, 1898, 1901, 1908
- 4 — А. Бро (США) — 1948—1950, 1955
- 3 — М. Буэно (Бразилия) — 1959—1960, 1964
- 3 — М. Конноли (США) — 1952—1954
- 3 — М. Смит-Корт (Австралия) — 1963, 1965, 1970
- 3 — К. Эверт-Ллойд (США) — 1974, 1976, 1981

Мужчины. Парный разряд

- 8 — Х. и Р. Дохерти (Англия) — 1897—1901, 1903—1905

Женщины. Парный разряд

- 9 — Э. Райан (США) (с разными партнершами) — 1914, 1919—1923, 1925—1927, 1930, 1933—1934

Мужчины. Смешанный разряд

- 4 — О. Дэвидсон (Австралия) — 1967, 1971, 1973—1974
- 4 — К. Флетчер (Австралия) — 1963, 1965—1966, 1968
- 4 — В. Сейкмас (США) — 1953—1956

Женщины. Смешанный разряд

- 7 — Э. Райан (США) — 1919, 1921, 1923, 1927—1928, 1930, 1932

Рекордсмены по числу побед во всех разрядах

Мужчины

- 13 — Х. Дохерти (Англия) — 5 одиночных, 8 парных (1897—1905)

Женщины

- 20 — Б.-Дж. Кинг (США) — 6 одиночных, 10 парных, 4 смешанных (1961—1979)

Во всех трех разрядах побеждали:

мужчины

- 1937 — Д. Бадж (США)
- 1938 — Д. Бадж (США)
- 1939 — Р. Ригтс (США)
- 1952 — Ф. Седжмен (США)

женщины

- 1920 — С. Ленглен (Франция)
- 1922 — С. Ленглен (Франция)
- 1925 — С. Ленглен (Франция)
- 1939 — А. Марбл (США)
- 1948 — А. Браф (США)
- 1950 — А. Браф (США)
- 1951 — Д. Харт (США)
- 1967 — Б.-Дж. Кинг (США)

1973 — Б.-Дж. Кинг (США)
1987 — М. Навратилова (США)

**Чемпионы, не проигравшие
ни одного сета:**

мужчины

1938 — Д. Бадж (США) — 21:0
1955 — Э. Траберт (США) — 21:0
1963 — Ч. Маккили (США) — 21:0
1976 — Б. Борг (Швеция) — 21:0

женщины

1922 — С. Ленглен (Франция) — 12:0
1923 — С. Ленглен (Франция) — 12:0
1925 — С. Ленглен (Франция) — 10:0
1928 — Х. Уиллс-Муди (США) — 12:0
1929 — Х. Уиллс-Муди (США) — 12:0
1930 — Х. Уиллс-Муди (США) — 12:0
1932 — Х. Уиллс-Муди (США) — 12:0
1938 — Х. Уиллс-Муди (США) — 12:0
1939 — А. Марбл (США) — 12:0
1946 — П. Бетц (США) — 12:0
1947 — М. Осборн (США) — 12:0
1951 — Д. Харт (США) — 14:0
1953 — М. Конноли (США) — 12:0
1954 — М. Конноли (США) — 12:0
1955 — А. Браф (США) — 12:0
1957 — А. Гибсон (США) — 12:0
1962 — К. Сасман (США) — 14:0
1965 — М. Смит-Корт (Австралия) — 12:0
1967 — Б.-Дж. Кинг (США) — 10:0
1981 — К. Эверт-Ллойд (США) — 14:0
1983 — М. Навратилова (США) — 14:0
1984 — М. Навратилова (США) — 13:0
1986 — М. Навратилова (США) — 14:0

«Супермарафоны» Уимблдона
(начиная с 1971 г. было введено правило
тай-брейка во всех сетах, кроме решаю-
щего)

Мужской одиночный разряд

112 геймов. П. Гонзалес (США) — Ч. Пассарел (США) —
22:24, 1:6, 16:14, 6:3, 11:9 (1969, 1-й круг)

Женский одиночный

54 гейма. А. Вейверс (Франция) — О. Андерсон (США) —
8:10, 14:12, 6:4 (1948, 2-й круг)

Мужской парный

98 геймов. Л. Скотт (США), Н. Пилич (Югославия) —
К. Ричи (США), Т. Ульрих (Дания) — 19:21, 12:10, 6:4,
4:6, 9:7 (1966, 1-й круг)

Женский парный

48 геймов. И. Уиткрофт, П. Брэйзир (обе Англия) —
Э. Нонвейлер, Б. Соамс (обе Англия) — 11:9, 5:7, 9:7
(1933, 1-й круг)
48 геймов. С. Чернева, Л. Савченко (обе СССР) —
К. Ллойд (США), К. Танвье (Франция) — 3:6, 7:6, 14:12
(1984, 3-й круг)

Смешанный разряд

69 геймов. П. Макнами (Австралия) — М. Навратилова
(США) — С. Дэвис — Б. Нейджелсон (обе США) —
6:7, 7:5, 23:21 (1985, 1/2 финала).

Самые юные чемпионы

Мужской одиночный разряд

Б. Беккер (ФРГ) — 17 лет 7 месяцев (1985)

Женский одиночный разряд

Ш. Дод (Англия) — 15 лет 10 месяцев (1887)

Мужской парный разряд

Д. Ралстон (США) — 17 лет 11 месяцев (1960)

Женский парный разряд

Б.-Дж. Моффит-Кинг (США) — 17 лет 7 месяцев (1961)

Смешанный разряд

Р. Лейвер (Австралия) — 20 лет 11 месяцев (1959)

Т. Остин (США) — 17 лет 7 месяцев (1980)

Самые «взрослые» чемпионы

Мужской одиночный разряд

С. Гор (Англия) — 41 год 6 месяцев (1909)

Женский одиночный разряд

А. Стерии (Англия) — 37 лет 9 месяцев (1908)

Мужской парный разряд

Г. Маллоу (США) — 43 года 7 месяцев (1957)

Женский парный разряд

Э. Райан (США) — 42 года 5 месяцев (1934)

Смешанный разряд

Л. Годфри (Англия) — 41 год 2 месяца (1926)

У. Дюпон (США) — 44 года 4 месяца (1962)

Наибольшее число геймов в одиночных финалах было сыграно:

мужчины

58 геймов. Я. Дробный (Египет) — К. Розуолл (Австралия) — 13:11, 4:6, 6:2, 9:7 (1954)

женщины

46 геймов. М. Корт (Австралия) — Б.-Дж. Кинг (США) — 14:12, 11:9 (1970)

Одним из самых «марафонских» матчей в истории Уимблдона был мужской парный финал 1968 года — 70 геймов: Д. Ньюкомб, Т. Роч — К. Розуолл, Ф. Столле (все Австралия) — 3:6, 8:6, 5:7, 14:12, 6:3.

Наименьшее число геймов в одиночных финалах было сыграно:

мужчины

20 геймов. У. Реншоу — Д. Хартли (оба Англия) — 6:0, 6:1, 6:1 (1881)

20 геймов. Ф. Пэрри (Англия) — Г. фон Крамм (Германия) — 6:1, 6:1, 6:0 (1936)

женщины

12 геймов. Д. Чамберс — П. Бутби (обе Англия) — 6:0, 6:0 (1911)

Самые длительные финалы

Мужской одиночный: 4 часа 16 мин. Дж. Коннорс — Д. Макинрой (оба США) — 3:6, 6:3, 6:7, 6:4 (1982)
женский одиночный: 2 часа 28 мин. М. Корт (Австралия) — Б.-Дж. Кинг (США) — 14:12, 11:9 (1970).

Самые короткие финалы

мужской одиночный: 37 мин. У. Реншоу — Д. Хартли (оба Англия; 1881)

женский одиночный: 25 мин. Д. Чамберс — П. Бутби (обе Англия; 1911).

Соревнования юниоров в Уимблдоне начали проводиться с 1948 года. В числе их победителей такие известные в дальнейшем мастера ракетки, как И. Лендл (Чехословакия), П. Кэш (Австралия), С. Эдберг (Швеция), Р. Кришнан (Индия), Б. Борг (Швеция), М. Орантес (Испания), К. Хантце, Т. Остин, З. Гаррисон (все США), М. Яшовец (Югославия) и др.

Лауреатами этих турниров становились советские теннисисты. **Чемпионы Уимблдона:**

1959 — Т. Лейус, 1965—1966 — В. Коротков, 1961 — 1962 — Г. Бакшеева, 1965 — О. Морозова, 1971 — М. Крошина, 1975—1976 — Н. Чмырева, 1986—1987 — Н. Зверева.

Финалисты Уимблдона:

1962 — А. Метревели, 1964 — Коротков, 1958 — А. Дмитриева, 1970 — М. Крошина.

В 1987 году Н. Зверева и Н. Медведева стали чемпионками в парном разряде. В 1986 году Зверева — Л. Месхи были вторыми, а в 1984-м второе место заняли Л. Савченко — В. Мильвидская.

СТАДИОН, ОТКРЫТЫЙ С НЕБА

21 мая 1881 года небольшая группа членов теннисного клуба встретилась в отеле на пятой авеню в Нью-Йорке, чтобы определить состав руководящей группы Ассоциации лаун-тенниса США. Новая организация поставила своей целью выработать стандартные правила игры и правила, по которым должны проводиться соревнования, пропагандировать и развивать этот вид спорта. С 1975 года она стала называться Ассоциацией тенниса Соединенных Штатов (ЮСТА).

Руководит ЮСТА совет директоров, имеющий представителей из каждого региона страны. Более ста специальных национальностей любительских комитетов следят фактически за всеми аспектами работы ассоциации. Многие тысячи нештатных сотрудников — волонтеров, помогают развитию программ ЮСТА на всех уровнях организации популярного вида спорта.

Первый национальный чемпионат США среди мужчин был организован на травяных кортах клуба «Казино» в городе Ньюпорте в августе 1881 года. Право выставить своих участников имели только те клубы, которые к тому времени успели вступить в недавно созданную ассоциацию. С того времени Ньюпорт более четверти века считался главным теннисным центром страны.

В 80-е годы прошлого века этот курортный городок на Род Айленде был одним из самых модных в США. Состоятельные люди приезжали сюда на лето развлекаться — дансинг, концерты, прогулки на яхтах и наблюдения за различными спортивными состязаниями заполняли их досуг. Многие обзаводились здесь коттеджами, насчитывавшими до... сотни комнат. По существу, «Казино» было закрытым мужским клубом — приземистое кирпичное здание староанглийского стиля, увенчанное невысокой башней с квадратом циферблата больших часов. Окружение турнира было изысканно-элегантным, однако бо-

гатые зрители по-настоящему не были теннисными болельщиками. Нередко во время розыгрыша мяча игроки слышали смех и громкие голоса обитателей первого ряда. Так что расставание с «Казино» в 1915 году не было для теннисистов огорчительным.

Сейчас, правда, в Ньюпорте на тех же самых травяных кортах проводятся крупные турниры серии «Гран-при». «Казино» перестало быть мужским клубом — теперь это международный теннисный Зал славы.

В 1915 году чемпионат переехал в Форест-Хиллс, где и проводился до 1920 года, затем на три года переместился в Филадельфию. Но после того как завершилось строительство теннисного стадиона в Вест-Сайде в 1924 году, чемпионат вернулся в Нью-Йорк, в Форест-Хиллс. Там он собирал весь теннисный свет до 1978 года. Начиная с 1978 года аренной главных баталий мастеров ракетки на территории США стал Национальный теннисный центр Флэшинг Мидоу. Гости, прибывающие в нью-йоркский международный аэропорт Лагардия, могут увидеть его на ближних подступах к крупнейшему городу США по правую руку от автострады.

Мысль о создании Национального теннисного центра появилась осенью 1976 года, когда У. Хестер, который вскоре после того стал президентом ЮСТА, пришел к идее проведения открытого чемпионата США в новых условиях. Он понимал, что масштабы и значение турнира переросли возможности теннисного клуба в Вест-Сайде, хотя название Форест-Хиллс уже прочно вошло в историю мирового спорта.

В один из зимних 1977 года во время полета на небольшом самолетике Хестер увидел стадион «Луиса Армстронга» в заснеженном парке Флэшинг Мидоу. С этого момента заботой Хестера стало получение согласия властей Нью-Йорка на создание того, что сейчас называется Национальным теннисным центром (ЮСТА).

Парк Флэшинг Мидоу (в переводе — «Цветущая поляна») когда-то был местом городской свалки, а в 1939—1940 годах здесь располагалась всемирная ярмарка. С 1946 по 1949 год на его территории временно располагался штаб-квартира ООН, а в 1964—1965-м проходила вторая всемирная ярмарка — некоторые из ее сооружений можно видеть и сейчас.

Стадион, который получил название «Луиса Армстронга», был построен к Всемирной выставке-64 кампанией по

производству швейных машинок «Зингер», а затем стал собственностью Нью-Йорка. Из-за нехватки средств у городских властей это сооружение долгое время влечило жалкое существование, а затем было вообще закрыто. Только когда руководители американского тенниса скооперировались с городскими властями, это белым на глазу, как его называли ньюйоркцы, превратилось в спортивную арену, сразу став всемирно известной.

Сооруженный по последним требованиям строительной техники и спортивной моды в 1977 году, теннисный стадион был призван стать не только новым «домом» для открытого чемпионата США, но и теннисным городком для жителей Нью-Йорка. По контракту с городом ЮСТА имеет право использовать его для собственных мероприятий не более шестидесяти дней в году. В течение остальных десяти месяцев 23 открытых и 9 кортов под крышей отданы в распоряжение желающих поиграть для своего удовольствия или получить индивидуальные либо групповые уроки. Но что касается самого чемпионата...

Каждый город, где проводится теннисный турнир, придает ему свой колорит. Флэшнинг Мидоу — это типичное детище Нью-Йорка, который всегда мечтал о крупнейшем теннисном стадионе. В Уест-Сайдском теннисном клубе, в другом районе крупнейшего города США — Форест-Холлсе было тихо, по стенам домов вился плющ. После игры можно было побродить по уютным улочкам. Теперь один из главных турниров мирового тенниса проходит в едва ли не самом шумном месте самого шумного города мира. Дело в том, что со всех сторон «Цветущую поляну» окружают скоростные автотрассы и железнодорожные пути, но главное шумовое оформление создают заходящие на посадку в аэропорт Лагардия самолеты — они проносятся прямо над стадионом.

Западногерманский журнал «Шпортс» писал: «Если Уимблдон — теннисная симфония, то «Цветущая поляна», используя музыкальную терминологию, больше смахивает на металлический рок. Открытый чемпионат США — мероприятие для людей с идеальным здоровьем и крепкими нервами: влажность воздуха здесь достигает 95 процентов, а жара — 40 градусов по Цельсию. Это — на трибунах, а на кортах, которые выглядят, как дно гигантского каньона, еще жарче.

К тому же на трибунах центрального корта, вмещающих 20 тысяч зрителей, болельщики ведут себя так, слов-

но ошиблись адресом и пришли на американский футбол, а не на теннис. Со всех сторон слышатся звуки груб, барабанов. Лайнеры проходят так низко, что некоторые болельщики даже держат пари, как будет выглядеть пилот следующего самолета — с усами, с бородой или бритый».

Теннис — это не только работа мышц, но и концентрация внимания, и определенная культура. Кое-кто после нью-йоркских турниров задается вопросом: как можно играть в обстановке «Цветущей поляны»? Оказывается, можно. В конце концов, дело вкуса.

Возьмем Уимблдон: здесь все держатся с достоинством, дисциплинированно, хотя и несколько старомодно. Мельбурн: огромный современный стадион и атмосфера гостеприимства, которой традиционно отличается австралия. Париж: турниры проводятся вот уже 60 лет, здесь все дышит цивилизацией. И действительно, Париж был городом мирового значения уже в те времена, когда в лесах, на месте которых стоит «Цветущая поляна», индейцы охотились на бобров. В Нью-Йорке самый богатый в мире призовой фонд — больше четырех миллионов долларов. Ну а когда спорт идет на поводу таких сумм, спортсмены на время смиряют гордыню и готовы мириться и с жарой, и с низколетящими самолетами, и с грубыми выкриками болельщиков на трибунах.

Несмотря на все неудобства, каждый год сюда съезжаются и игроки, и болельщики. Нельзя сказать, что они наслаждаются турниром, они просто стоически переносят его. Это касается в основном приезжих. Нью-йоркцы любят «Цветущую поляну» — ведь она мало чем отличается от города с его шумом, гарью, спешкой, автомобильными заторами.

Теннисные функционеры прекрасно понимают — пороки «Цветущей поляны» носят врожденный характер, поэтому подыскивают место для нового стадиона на Манхэттене. Говорят, там есть подходящий квартал под названием «Адская кухня».

Толковый словарь английского языка Уэбстер расшифровывает слово «ветеран» как «старый и опытный, в частности, в войне или военной службе», а «претендент» — тот, кто «вызывает другого участвовать в дуэли или состязании». Если следовать этой филологической интерпретации, то чемпионат, история которого перевалила за сотню лет, постоянно оказывается местом, где

относительно небольшая группа опытных ветеранов противостоит целому отряду рвущихся в бой и стремящихся завоевать место под солнцем молодых претендентов. Сейчас в открытом чемпионате США только в мужском турнире участвуют 248 игроков. 128 из них проходят через этап отборочного состязания, чтобы попасть в главную «сетку».

Одна из отличительных черт молодых теннисистов — раскованность, раскомплексованность. На чемпионате-86, например, одним из самых популярных игроков у журналистов был юниор Ричард Матушевски. Он появился во Флэшинг Миду в шортах и рубашке с ракеткой в руках утром в тот день, когда начинались квалификационные игры. Его тренер Джон Хоббел, взглянув на него, недоумоенно спросил:

— Где твоя сумка?

— Да я дома переоделся, так и приехал.

— А где твои ракетки?

— Да вот же ракетка, — ответил парень.

— Рич, — глаза тренера округлились, — это открытый чемпионат США. Ты должен быть готов ко всему. А если лопнет струна?

— Тренер, — заявил теннисист, — вот моя ракетка, и я готов играть.

Матушевски выиграл все три матча в «квалификации», а затем в первом круге основной «сетки» победил опытного турнирного бойца Стива Дентона.

Слово «открытый» присутствует в официальном названии турнира с 1968 года, когда здесь, как и в Уимблдоне, были открыты «двери» для участия профессиональных игроков. Однако в обычной трактовке открытыми, т.е. с приглашением зарубежных спортсменов, национальные чемпионаты США стали намного раньше. Англичане, например, присутствовали на них еще в конце прошлого века, и один из остротян — Х. Дохерти стал первым победителем, прибывшим из Старого Света, в 1903 году.

В 1926 году этот успех удалось повторить французам Р. Лакусту, переигравшему в финале своего соотечественника и товарища по знаменитой команде «мушкетеров» Ж. Боротра. Лакуст выиграл и на следующий год — в решающем матче у одного из великих американских мастеров ракетки Б. Тилдена.

В 1928 году наступила очередь еще одного «мушкетера» — А. Коше. Трижды (1933, 1934, 1936) чемпионом

США становился англичанин Ф. Перри. Затем до 1951 года американцы Д. Бадж, Б. Риггс, Ф. Паркер, Д. Крамер, П. Гонзалес и другие никому не отдавали пальму первенства своей страны. Эту традицию прервал австралиец Ф. Седжмен (1951—1952). Его соотечественники К. Роузуолл, М. Андерсон, Э. Купер, Н. Фрезер, Р. Эмерсон, Р. Лейвер неизменно доминировали в мужских соревнованиях с 1956 по 1962 год. В 1963 году отличился мексиканец Р. Осуна, а в 1965-м — испанец М. Сантана.

В 1966 и 1967 годах австралийцы Ф. Столле и Д. Ньюкомб снова перехватили инициативу, а затем вновь наступила эра «домашних» чемпионов: А. Эш, С. Смит, Дж. Коннорс, Д. Макинрой. Позднее свое слово сказал И. Лендл (Чехословакия).

Если просмотреть подобную статистику в женских соревнованиях, то окажется, что уже в пятом розыгрыше в 1891 году первенствовала М. Кахилл из Ирландии, повторившая свой успех и на следующий год.

Но затем на протяжении многих лет лишь англичанке В. Хутхолл (1930) удалось вклиниться в шеренгу местных победительниц. В 1937 году это сделала А. Лизана (Чили). В дальнейшем доминировали известные американские теннисистки А. Мабл, Л. Браф, М. Дюпон, М. Конноли, Д. Харт, А. Гибсон (первая чернокожая спортсменка, добившаяся такого успеха), пока в 1959 году впервые не взошла на верхнюю ступеньку М. Буэно (Бразилия), которая получила титул чемпионки США еще трижды (1963—1964, 1966). В 1968 и 1969 годах выдающаяся австралийская спортсменка М. Корт выиграла соревнования, проходившие в Бостоне.

Два года в США проходили по два чемпионата. Один из них по-прежнему назывался национальным, а второй — открытым. Так, в 1968 году А. Эш сначала выиграл в Бостоне национальный турнир, затем в Форест-Хиллсе победил в финале открытого первенства голландца Т. Оккера. Такой же дубль сделала в 1969 году М. Корт.

С тех пор как любители и профессионалы сошлись на турнирной тропе, накал борьбы на всех соревнованиях, в том числе и в США, значительно возрос. И побеждали действительно выдающиеся игроки, как доморожденные, так и приезжие. Первыми «открытыми» чемпионами в Форест-Хиллсе стали в 1968 году А. Эш и англичанка В. Уэйд.

До 1974 года соревнования продолжались на травяных

кортах Форест-Хиллса и подарили теннисному миру такие финалы:

1969. Р. Лейвер — Т. Роч (оба Австралия) — 7:9, 6:2, 6:2, 6:1
1970. К. Розуолл — Т. Роч (оба Австралия) — 2:6, 6:4, 7:6, 6:3
1971. С. Смит (США) — Я. Кодеш (Чехословакия) — 3:6, 6:3, 6:2, 7:6
1972. И. Нэстасе (Румыния) — А. Эш (США) — 3:6, 6:3, 6:7, 6:4, 6:3
1973. Д. Ньюкомб (Австралия) — Я. Кодеш (Чехословакия) — 6:4, 1:6, 4:6, 6:2, 6:3
1974. Дж. Коннорс (США) — К. Розуолл (Австралия) — 6:1, 6:0, 6:1

В 1975 году траву на стадионе «Вест-Сайд клуб» сменило искусственное покрытие хард-туру (разновидность асфальта). На авансцену вышло новое поколение чемпионов и призеров — Дж. Коннорс, Д. Макинрой, швед Б. Борг, аргентинец Г. Вилас и другие.

1975. М. Орантес (Испания) — Дж. Коннорс (США) — 6:4, 6:3, 6:3
1976. Дж. Коннорс (США) — Б. Борг (Швеция) — 6:4, 3:6, 7:6, 6:4
1977. Г. Вилас (Аргентина) — Дж. Коннорс (США) — 2:6, 6:3, 7:6, 6:0

1978 — чемпионат переезжает в новое место: на цементные корты Флэшинг Мидоу. Здесь в течение нескольких лет доминируют Коннорс и новая звезда американского тенниса, кумир нью-йоркских болельщиков (он родом отсюда) Д. Макинрой

Американские корты оказались заколдованным местом для выдающегося теннисиста Бьёрна Борга: пять побед в Уимблдоне, шесть — в открытых чемпионатах Франции и ни одной — в чемпионатах США.

На турнирах открытого чемпионата США даже родилась новая своеобразная теория относительности. Как известно, в физике существует теория относительности, выдвинутая Альбертом Эйнштейном. В теннисе швед четырежды выходил в финал и все сулили ему победу, исходя из его класса, результатов на других турнирах сезона. Не согласны были лишь его соперники и... Борг вошел в историю чемпионатов в Нью-Йорке как великий теннисист, который так ни разу и не выиграл этот чемпионат.

Знакомы все лица, и среди главных действующих лиц в новой истории женских состязаний на чемпионатах США независимо от того, на каких кортах — травяных, цементных или асфальтовых — проходила борьба в 1968—1982 годах, М. Корт, Б.-Дж. Кинг, И. Гулагонг, К. Эверт, М. Навратилова, Х. Мандликова — эти имена знают все любители тенниса. Американская теннисистка Т. Остин в 1979 году в 16 лет стала самой юной победительницей в истории этих соревнований в одиночном разряде. К сожалению, из-за болезней карьера этой талантливой спортсменки оказалась непродолжительной.

Итак, знакомьтесь — лауреаты «Большого шлема».

Вот результаты некоторых финалов:

1968. В. Уэйд (Англия) — Б.-Дж. Кинг (США) — 6:4, 6:2
1969. М. Корт (Австралия) — Н. Ричи (США) — 6:2, 6:2
1970. М. Корт (Австралия) — Р. Казалс (США) — 6:2, 2:6, 6:1
1971. Б.-Дж. Кинг — Р. Казалс (обе — США) — 6:4, 7:6
1972. Б.-Дж. Кинг (США) — К. Мелвилл (Австралия) — 6:3, 7:5
1973. М. Корт — И. Гулагонг (обе — Австралия) — 7:6, 5:7, 6:2
1974. Б.-Дж. Кинг (США) — И. Гулагонг (Австралия) — 3:6, 6:3, 7:5
1975. К. Эверт (США) — И. Гулагонг (Австралия) — 3:6, 6:3, 7:5
1976. К. Эверт (США) — И. Гулагонг (Австралия) — 6:3, 6:0
1977. К. Эверт (США) — У. Турнбулл (Австралия) — 7:6, 6:2
1978. К. Эверт — П. Шрайвер (обе США) — 7:5, 6:4
1979. Т. Остин — К. Эверт (обе — США) — 6:4, 6:3
1980. К. Эверт (США) — Х. Мандликова (Чехословакия) — 5:7, 6:1, 6:1
1981. Т. Остин (США) — М. Навратилова (Чехословакия) — 1:6, 7:6, 7:6
1982. К. Эверт (США) — Х. Мандликова (Чехословакия) — 6:3, 6:1

ОБЛАДАТЕЛИ «БОЛЬШОГО ШЛЕМА»

Теперь, когда вы уже знаете о четырех турнирах «Большого шлема», представим пятерку великих теннисистов и теннисисток. Их имена овеяны легендами, о них много

было написано в разных странах в разное время. В СССР в издательстве «Физкультура и спорт» была издана книга Маргарет Корт. Однако в нашей стране под одной обложкой все они ещё ни разу не встречались.

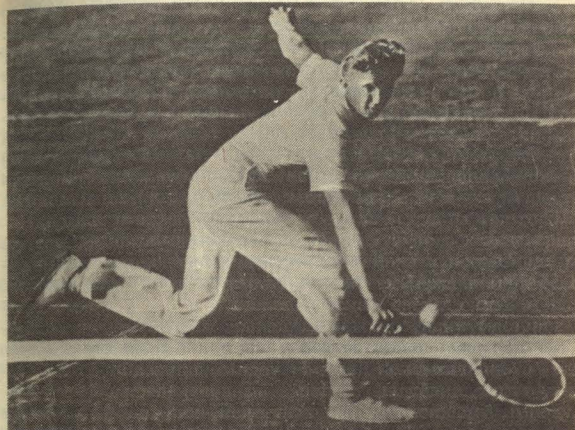
Дон Бадж

Дональд Бадж вошел в историю мирового тенниса не только как первый обладатель «Большого шлема», но и как один из самых ярких американских мастеров. Интересно, что в крупнейших любительских соревнованиях он выступал всего четыре года, но последний из этих сезонов завершил триумфально — выиграл «Большой шлем». Это произошло в 1938 году. Причем в Уимблдоне и Форест-Хиллсе Бадж не только победил в одиночном разряде, но и добился абсолютного результата, победив в парном и в смешанном турнирах.

Особенно блестяще Дон играл в Уимблдоне. Он не проиграл соперникам ни одного сета — такого еще не видели знаменитые травяные корты популярнейшего турнира. И всего лишь одну партию Бадж и его партнер уступили в парном первенстве.

К 1938 году, когда Бадж прибыл в Австралию, чтобы начать штурм «шлема», он уже был национальным спортивным героем, блестящим образцом для молодого поколения в спортивном поведении. Любовь же самого Баджа к теннису не всегда получала яркое подтверждение. Он, как говорят сейчас, был генетически талантливым в различных видах спорта. Отец его играл в футбол за команду «Глазго рейнджерс». Юношей Дон предпочитал теннису баскетбол и бейсбол. Его бейсбольный удар слева стал основой того, что затем было признано самым совершенным бэкхендом в истории тенниса.

На корт он пришел под влиянием старшего брата Ллойда, фанатичного поклонника тенниса, впоследствии ставшего хорошим тренером. С 11 до 15 лет Дон играл в теннис от случая к случаю, но однажды брат уговорил его выступить в чемпионате Калифорнии среди мальчиков, и после недельной тренировки Дон выиграл свой первый турнир. Почувствовав сладкий вкус успеха, он посвятил себя игре и, бурно прогрессируя, поднялся до звания чемпиона США 1933 года. Его теннис в то время был основан на игре с задней линии с использованием не очень модной тогда западной хватки при ударе справа. Поняв, что такой

Дон Бадж, открывший клуб «Большого шлема»

удар не даст ему подняться на вершину, на следующий год он переменял хватку на восточную и с помощью тренера Тома Стоу стал улучшать технику игры. Правда, его удар справа никогда не мог идти в сравнение с потрясающим ударом слева, но был достаточно надежен, чтобы отразить попытки соперников воспользоваться его слабым местом.

На взрослых национальных соревнованиях этот высокий рыжеволосый спортсмен появился в 1935 году, когда ему было 20 лет. В парных состязаниях чемпионата США он пробился в финал и заслужил право быть включенным в команду, которая готовилась к выступлениям в Кубке Дэвиса.

На следующий год Бадж с партнером Джином Мако завоевал парное первенство США, а в одиночном разряде он вышел в финал, где в пятом решающем сете проиграл знаменитому англичанину Фреду Перри — 8:10.

Первые встречи на большой международной арене были для Дона не слишком успешными. Так, в финале Кубка Дэвиса в 1935 году против англичан он проиграл обе свои одиночные встречи. На следующий год американцы были побиты на пути в финал австралийцами.

Но, видно, не случайно родилась поговорка: за одного битого... В 1937 году Бадж стал грозой для соперников.

— Я хотел сделать что-то, чего никто до меня не мог сделать, — с некоторой сентиментальностью вспоминал Бадж не раз рассказанную не одному поколению журналистов свою историю. — Я посмотрел статистические данные за 1937 год и обнаружил, что никому не удавалось выигрывать все четыре чемпионата. Джек Кроуфорд был на расстоянии одного сета от цели, но Фред Перри сумел выиграть у него в финале открытого чемпионата США. С этого началось это историческое восхождение?

С 23-дневного плавания на пароходе из Сан-Франциско в Австралию. В этом путешествии меня сопровождал партнер по парной игре Джин Мако, единственный человек, который знал об этой мечте.

Я никому не говорил о ней из-за боязни, что это вызовет дополнительное давление на меня. Если бы я начал болтать об этом, тогда каждый бы старался обыграть меня.

Была и еще одна причина, по которой Бадж был весьма немногословен: когда они приехали в Австралию — он потерял голос. К счастью, это было единственное, что он потерял.

Аделаида, где в тот год проводился чемпионат Австралии, не произвела впечатления на иностранных гостей: было мало зрителей, зато очень много кричали продавцы мороженого, которые разносили свой товар по трибунам, даже когда шел розыгрыш очка.

Бадж выиграл турнир, не уступив ни одного сета и победив за 47 минут в финале австралийца Джона Бромвича — 6:4, 6:2, 6:1.

— Но сложнее всего было победить январскую жару, — отвлекаясь от тенниса, продолжал свои воспоминания каллифоронец, который должен был бы быть привычен к солнцу. — Это был самый жаркий турнир из всех, на которых мне приходилось играть. В самый прохладный день было 105 в тени (по Фаренгейту), а последние два дня в тени было 115. Тогда не было кондиционеров, и потому спастись от жары было нелегко.

С турниром на «Ролан Гаррос» в Дона Баджа тоже связаны прежде всего не матчевые воспоминания.

Во время чемпионата Франции одним из зрителей турнира был знаменитый виолончелист Пабло Казальс.

— Он каждый день приходил посмотреть, как я играю,

а после матча мы вместе пили чай, — рассказывал Бадж. — После того, как я выиграл турнир, он пригласил меня и нескольких друзей к себе на квартиру неподалеку от Эйфелевой башни на частный концерт. Он сказал: «Ты играл для меня, а теперь я сыграю для тебя...»

Еще одно шоу Бадж устроил во время имблдонского турнира, прокатившись словно каток по соперникам и не проиграв ни одного сета. Затем он вернулся в США, чтобы сыграть в составе команды за Кубок Дэвиса против австралийцев. Вечером, накануне матча, он почувствовал жар и зубную боль и пошел к дантисту. Тут-то и обнаружилось, что у него абсцесс.

— Из-за этого у меня были все эти физические проблемы, поэтому-то я и потерял голос в Австралии — зуб отравлял горло.

После удаления зуба Бадж привел команду к победе в Кубке Дэвиса. А затем был заключительный этап «Большого шлема» — турнир в Форест-Хиллсе. Бадж вышел в финал против своего друга Мако, но... Налетевший ураган отсрочил матч на шесть дней. Тут хочется привести одну деталь, подчеркивающую отношения этих двух друзей. Они были молодыми и в ожидании финала решили не вести аскетический образ жизни. Но если один пошел бы в дансинг, а другой лег спать в десять вечера, то получил бы преимущество. Вот почему каждый день друзья согласовывали свой распорядок дня и твердо соблюдали уговор. А когда наступил день финала, ничто не могло остановить Дона, в том числе и дружба с Мако. Бадж выиграл — 6:3, 6:8, 6:2, 6:1. Так был выигран «Большой шлем».

Баджу предлагали 50 тысяч долларов за то, чтобы он перешел в профессионалы, но он отказался, сказав, что хочет отплатить Американской ассоциации тенниса за ту поддержку, которая ему оказывалась, и выступить в национальной команде Кубка Дэвиса в 1938 году.

В триумфальном для себя сезоне 1938 года Бадж к победам в серии «Большого шлема» добавил выигрыш обоих одиночных матчей в финале Кубка Дэвиса против команды Австралии. И вот, добившись всех титулов и призов, какие возможны в любительском теннисе, он в 23 года стал профессиональным игроком, начал выступать в показательных турнирах.

По свидетельствам очевидцев, видевших легендарного чемпиона на корте, Бадж всегда отличался очень спокойным, выдержанным характером. В его техническом арсенале

ле почти не было слабых мест, и соперники подолгу ломали себе головы, разрабатывая тактические планы борьбы с ним. Было у Баджа и главное оружие — удар слева. Именно им Дон выигрывал львиную долю очков, и парировать его почти никому не удалось. Он предпочитал игру на задней линии и выходил к сетке лишь тогда, когда в этом была логическая необходимость.

Еще одна отличительная черта этой звезды тенниса — он не стеснялся учиться. Так, у Перри Бадж учился выполнению ударов по восходящему мячу и выходам к сетке. Но то, чего Перри достигал своим ударом справа, Бадж добивался ударом слева. И даже теннисист с такой отличной реакцией, как Перри, был бессилен против обводящих ударов Баджа слева. Еще одна маленькая деталь, которая, впрочем, говорит о многом, — Бадж играл самой тяжелой (среди теннисистов его класса) ракеткой — весом 16 унций.

Закончив в конце 40-х годов активно выступать на корте, Дон Бадж занялся обучением теннису. Сейчас гротескнейшему ракетки идет восьмой десяток и на крупнейших состязаниях его часто можно видеть в ложе для самых почетных гостей. Играет ли он сейчас — неизвестно. Но вот любовь к музыке у него осталась. Под влиянием Мако в 30-е годы он увлекся джазом и, будучи «профи», возил с собой, как говорят журналисты, почти тысячу пластинок. Он входит в тройку прославленных ветеранов, которые, согласно недавно родившейся традиции, называют чемпионом мира среди мужчин.

За свою короткую карьеру Бадж провел немало блестящих матчей. Два из них вошли в список 20 лучших теннисных поединков столетия, составленный в 1977 году группой ведущих специалистов и деятелей мирового тенниса (мы приводим его полностью дальше).

Открывает великолепную «двадцатку» тот самый поединок Баджа с фон Краммом в Кубке Дэвиса-37. Кстати, и сам Бадж считал этот матч самым выдающимся в своей жизни. Кроме большого спортивного значения он имел и политическую окраску. Описание игры мы встречали в нескольких теннисных изданиях. Основываясь на различных источниках, мы решили попробовать дать читателям некоторое представление о лучшем матче в истории тенниса.

Итак, 1937 год. Полуфинал розыгрыша Кубка Дэвиса США — Германия. В силу различных обстоятельств было решено провести его на нейтральной площадке — в Ан-

В компании «великих». Андрей Чесноков, Панчо Гонзалес, Дон Бадж

гли, на центральном корте Уимблдона. Немцы никогда не выигрывали «Серебряную салатницу», но на сей раз они имели хороший шанс добиться успеха — англичане, защищавшие свой титул прошлогодних победителей, на этот раз имели слабую команду. В случае победы над американцами немецкие теннисисты могли рассчитывать на окончательный успех. Впрочем, американцы в случае победы также могли заказывать триумфальную встречу в Нью-Йорке.

Перед последним одиночным поединком счет в матче был ничейным — 2:2. Все должно было решиться в поединке первых ракеток — 22-летнего Дона Баджа и 28-летнего барона Готфрида фон Крамма, который был на вершине своей спортивной формы и в последние три года становился финалистом Уимблдона. Правда, в этот год Бадж в финале Уимблдона выиграл именно у фон Крамма, а поэтому расценивался как фаворит. Это обстоятельство едва не оказалось роковым.

Как известно, Гитлер в те предвоенные годы стремился во всем доказывать, что арийцы — высшая раса во всех областях жизни, в том числе и спорте. Фон Крамм был одним из тех, кому он покровительствовал лично. Так что никто не удивился, когда в раздевалке чемпиона Германии раздался телефонный звонок и фюрер обратился к нему с пожеланиями успеха и выразил веру в его победу.

С первых же мячей соперники ни в чем не уступали друг другу, но немецкий теннисист был чуть-чуть точнее, владел инициативой и выиграл первую партию 8:6, а затем и вторую — 7:5. Положение Баджа и всей его команды стало критическим.

В третьем сете Баджу однажды удалось выиграть подачу соперника и победить 6:4. Его игра усиливалась, и, когда он вышел вперед в четвертом сете, Крамм, видимо, решил просто «отдать» его, чтобы сберечь силы. Это ему удалось, и в пятой партии немецкий чемпион вырвался вперед — 4:1. В этот момент вдруг «ожил», воспрянул духом американец — и выиграл восемь очков подряд. Затем, взяв еще раз свою подачу, он сравнял счет — 4:4. А после серии великолепных ударов и комбинаций, продемонстрированных обоими теннисистами и вызвавших восторг зрителей, счет стал 6:6. Наконец Баджу впервые в этом сете удалось выйти вперед — 7:6, выиграв подачу соперника. Напряжение достигло предела, чаша весов в 14-м гейме клонилась то в одну, то в другую сторону, Крамм отыграл три матчабола...

Четвертый матчбол. Бадж сделал сильную косую подачу, Крамм мощно ответил по линии. Бадж ударом слева также послал мяч по линии, на что Крамм реагировал кинжалным, глубоким кроссом, который, казалось, невозможно достать. Но американец все же успел к мячу и отчаянным усилием перебил его на другую сторону площадки, по линии. Куда упадет мяч — в площадку или в аут? Бадж не мог этого видеть, потому что обессиленный рухнул на

корт. Он лишь чувствовал, что для Крамма это удар недосягаем. А мяч опустился в шести дюймах перед задней линией... Это было решающее, победное очко.

Американская команда вышла в финал, а затем легко выиграв у англичан, завладела Кубком Дэвиса.

Крамма поражение привело к трагедии. В Германии его обвинили в том, что он умышленно проиграл американцам, и спортсменов, пользовавшихся мировой славой, был брошен в нацистские застенки.

В 1962 году Бадж сердечно поздравил Рода Лейвера, который повторил его уникальное достижение. Рассказывают, что перед финалом он увез австралийца к себе в загородный дом и они не только хорошо побеседовали, но и сыграли два тренировочных сета. Дон Бадж как бы передал такому же, как сам, рыжеволосому кудеснику теннисной ракетки факел своей символической эстафеты.

Странно, что пока никто не выступил с инициативой утверждения реального приза (сколько их раздается на бесчисленных турнирах), который мог бы носить имя первого обладателя «Большого шлема».

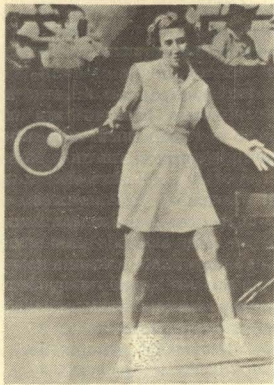
Морин Конноли

Прошло пятнадцать лет, прежде чем достижение Дона Баджа удалось повторить его соотечественнице Морин Конноли. В 1953 году она один за другим выиграла открытые чемпионаты Австралии, Франции, Уимблдонский турнир и чемпионат США. Карьера первой обладательницы «Большого шлема» среди женщин была блестящей, но, к сожалению, очень короткой.

Морин родилась в городе Сан-Диего в Калифорнии в состоятельной ирландской католической семье, но отец оставил их с матерью, когда девочке было четыре года, а отношения с отчимом у нее не сложились. Неподалеку от их дома находились теннисные корты, и, как многие обитатели этого района, Морин с семи лет стала проводить там все свободное время, осваивая азы увлекшей ее игры. Интересно, что от рождения она была левша, но ракетку приучилась держать в правой руке, и впоследствии удар справа стал главным оружием чемпионки. И автобиографическая книга Конноли называется «Удар справа».

Морин была, как говорят, девушкой с характером. Об этом вспоминал начинавший на тех же кортах ее сверст-

Морин Конноли. Чемпионка с трагической судьбой

ник Бен Пресс. Он же был и ее основным спарринг-партнером.

— Она всегда настаивала, чтобы я играл в полную силу и выигрывал с самым разгромным счетом, — вспоминал Бен. Кстати, в миксте они победили в 40 турнирах и проиграли лишь однажды.

В 1978 году американская телевизионная компания «Эн-Би-Си» посвятила выдающейся теннисистке фильм, который назывался «Крошка Мо» и который рассказывал о ее триумфальных победах и постигшей ее жизненной трагедии. Роль Морин исполнила голливудская актриса

Глиннис О'Коннор. Интересно, что до того, как начать сниматься в этом фильме, 22-летняя актриса, внешне напоминавшая Конноли, не играла в теннис. С помощью профессионального тренера Нэнси Кинер О'Коннор должна была не только научиться играть, но и выполнять все удары, а также двигаться по корту в той же манере, что и великая чемпионка.

Конечно, во многом актрисе помогала кинотехника, но и сама она оказалась способной ученицей. По окончании съемок Кинер сказала:

— Если бы Глиннис начала заниматься теннисом в семь-восемь лет, она могла бы стать игроком высокого класса.

Первую значительную победу Морин одержала в 1949 году в чемпионате США среди юниорок, а через два года 16-летняя Конноли впервые приняла участие в национальном первенстве среди взрослых в Форест-Хиллсе. Неожиданно для всех Крошка Мо (прозвища вообще очень популярны среди теннисистов) сумела дойти до финала, где ее ждала Ширли Фрай. В то время женский теннис считался зрелищем второго сорта, и на 16-тысячных трибунах центрального корта Форест-Хиллса собралось всего

2500 зрителей. Они-то и стали свидетелями рождения новой большой звезды мирового тенниса.

В упорнейшем поединке, проявив удивительную выдержку и волю к победе, Конноли взяла верх со счетом 6:3, 1:6, 6:4. Выиграв последний мяч, она бросила ракетку в воздух и стала... танцевать на корте. Она была сильнейшей в стране и в последующие два года.

Только в 1979 году также в 16-летнем возрасте сумела стать чемпионкой США Треиси Остин.

Можно сказать, что путь к завоеванию «Большого шлема» Конноли начала в 1952 году, когда выиграла Уимблдон, чемпионат США и была названа лучшей теннисисткой мира. В следующем сезоне она не знала себе равных во всех соревнованиях — в турнирах «Большой четверки» в одиночном разряде Конноли проиграла только один сет (в третьем круге в Париже). Ее финальная встреча в Уимблдоне с Дорис Харт (также США), которую Морин выиграла 8:6, 7:5, включена в число 20 лучших матчей столетия (1877—1977). В историю Уимблдона Конноли вошла и как трехкратная его победительница, не проигрывая там ни одного одиночного поединка.

Финал своего первого Уимблдона Конноли играла с другой теннисисткой США — многоопытной Луизой Бро, которая трижды занимала здесь первое место и проводила в английском турнире уже пятый решающий матч. Но она ничего не могла поделать против штурма, который с первых же ударов повела на ее позиции Крошка Мо, она едва удерживала ракетку в руках, отражая сильнейшие удары Морин.

За время непродолжительной спортивной карьеры Конноли самой основной ее соперницей была ее соотечественница Дорис Харт, у которой, кстати, в детстве была травмирована правая нога и которая благодаря занятиям теннисом не только научилась быстро бегать, но и выигрывать у лучших теннисисток того времени. В самый счастливый для себя 1953 год Морин в трех финалах турниров «Большого шлема» — в Париже, Уимблдоне и Форест-Хиллсе — играла именно с Харт. Они были очень дружны, но, встречаясь на корте, как говорила Харт, «жаждали крови».

Кто знает, каких еще достижений можно было бы ждать от Крошки Мо — способности ее были безграничны. Рассказывали, что однажды она за 45 минут разучила новую подачу. Стремясь к дальнейшему совершенствованию игры, она обратилась за помощью к знаменитому

австралийскому тренеру Гарри Хопману, и он принял ее в свой тренировочный лагерь. В некоторых турнирах Морин выступала в миксте с двумя самыми любимыми учениками Хопмана, вписавшими немало славных страниц в теннисную историю Австралии, — Лью Хoadом и Кеном Розуоллом.

После того как Морин уже в 19 лет добилась столь грандиозного успеха и стала одной из самых популярных спортсменок в стране (в 1953 году посмотреть на ее игру в Форест-Хиллсе собралось уже 12 500 зрителей), можно было предположить, что ее ждет замечательная жизнь в теннисе. Она объявила о своей помолвке с Норманом Бринкером, который разделял ее давнишнее увлечение лошадьми и входил в олимпийскую команду США по выездке.

Тренер спортсменки Элеонора Теннан всегда была против того, чтобы Морин ездila верхом, считая это опасным занятием, и как в воду глядела. 20 июля 1954 года Конноли вместе с двумя подружками ехала по тихой дороге на подаренной ей лошади, и тут из-за поворота выскочил грузовик. Лошадь испугалась, встала на дыбы, потом кинулась в сторону и прижала ногу всадницы к борту грузовика.

Тяжелейшая травма оборвала карьеру чемпионки. После выздоровления она, правда, смогла выходить на площадку, но о больших победах нечего было и думать. Вскоре Морин оставила спорт, вышла замуж. Но в возрасте 33 лет ее поджидало новое страшное несчастье: врач поставил диагноз — рак. Морин прожила еще лишь год.

Несмотря на то, что на теннисном небосклоне Конноли пробыла всего три года, она осталась в памяти поклонников этой игры как одна из самых выдающихся теннисисток. Она предпочитала играть на задней линии и редко выходила к сетке. Ее удары были исключительно сильными и великолепно пласированными. Обладая природной игровой интуицией, Конноли мыслила по-шахматному — на несколько ходов вперед своих соперниц.

В мае 1965 года в США стал выходить журнал «Теннис». И в первом же номере появилась публикация за подписью Морин Конноли. За три года она написала 34 материала, в которых касалась самых различных тем. Однако больше всего Морин любила писать о юниорах. Интересно, что ее материалы имели на ребят даже большее влияние, чем она могла предположить.

Через несколько месяцев после того, как врачи запретили Морин вести активный образ жизни и она вынуждена была отказаться от сотрудничества с журналом, на месте «колонки Конноли» появился материал, подписанный Алисой Тим, бывшей теннисисткой мирового класса.

«Это причудливый поворот судьбы, поставившей меня преемницей Морин на страницах журнала, — писала новая обозревателница. — Ведь именно она ввела меня в теннис. Ее пример был для меня настолько ярким, что я старалась следовать Конноли в своих устремлениях и в своем отношении к игре. Ни одна из героинь голливудских фильмов не произвела на меня такого впечатления. После нескольких занятий в школе Морин я была на теннисном «крючке»...

Морин обладала «железным» чемпионским характером, и даже говорили, что теннисистка, выходя на корт, испытывает нечто похожее на ненависть к своим соперницам. Она никогда не делила их на сильных и слабых, и если могла выиграть максимально быстро, то делала именно так. Например, в 1953 году в финале чемпионата Австралии она встречалась со своей подругой и партнершей в паре Джулией Сампсон. Зрители были удивлены, с какой «кровжадностью» накинулась на нее Крошка Мо. И успокоилась она только тогда, когда нанесла последний, беспощадный удар.

При этом все отмечали исключительно корректное, истинно спортивное поведение Морин, исключавшее инциденты с другими теннисистками или судьями.

Бесспорной заслугой Конноли является то, что своей игрой она привлекла на корты тысячи юных спортсменов и миллионы болельщиков на женские теннисные турниры. Именем Морин Конноли назван специальный приз, который ежегодно разыгрывают между собой юные теннисистки США и Англии.

Род Лейвер

Многие специалисты тенниса считают Рода Лейвера лучшим мастером в истории этой игры, обладавшим исключительно разнообразным арсеналом ударов, ювелирной техникой и прокладывавшим путь к победам с помощью рациональных тактических ходов. Рыжеволосый австралиец очень быстро передвигался по корту, но «выигрывал не только ногами, но и головой».

В детстве он был, что называется, гадкий утенок — ростом меньше всех ровесников, худой, конопатый, с впалой грудью — словом, спортивных данных никаких... кроме страстной любви к теннису и желания тренироваться с раннего утра до позднего вечера.

Тренеры группы, где начал заниматься Лейвер, делали ставку на других учеников, а он возьми да и выиграй в 13 лет первенство Австралии среди школьников. Тут он попал в поле зрения Гарри Хопмана — основателя австралийской «Фабрики чемпионов». Но и этот опытный наставник не сразу понял, что перед ним теннисный самородок, игрок, рожденный для того, чтобы поразить спортивный мир. А пока Род целыми днями ходил, сжимая теннисный мяч, и перетягивал ракетки, укрепляя кисти рук, «накачивал» мышцы в зале.

Анна Дмитриева рассказывала:

— Когда в пятьдесят восьмом году я увидела двадцатилетнего Лейвера в Бэкнеме — помню, он шел по улице и имитировал подачу, — то долго не могла понять, как этот худой рыжий малый сумел затесаться в компанию великих австралийцев и теперь, дико тренируясь, рассчитывает выглядеть не хуже других, — и в 20 лет Лейвер не походил на будущего чемпиона.

Потом я при каждой возможности ходила смотреть его тренировки — ведь он, как и я, играл левой рукой, а «негативный» теннис, который довел до совершенства. Я считаю, что Лейвер произвел в игре революцию, подытожив все то, что привнесли в теннис его предшественники.

Впервые Род Лейвер привлек к себе внимание теннисных болельщиков в 1959 году, когда появился в составе австралийской команды Кубка Дэвиса в финале против теннисистов США. Двадцатилетний дебютант проиграл оба своих поединка, и только благодаря героическим усилиям старшего товарища Нила Фрезера «салатница» оказалась вновь в Австралии.

Род Лейвер. Кто повторит его феноменальный «дубль»?

Но в тот же сезон к Лейверу пришел и первый значительный успех в личных соревнованиях — он вышел в финал Уимблдонского турнира, правда, уступил там американцу Алексу Ольмедо. Вот тогда-то специалисты и начали предсказывать ему большое будущее, хотя и сам Род, и его тренеры видели много недостатков в игре и понимали, что предстоит большая учеба в теннисных университетах.

Совершенствуясь и выступая во многих соревнованиях, Лейвер в 1960 году выиграл национальный чемпионат, снова стал вместе с командой обладателем Кубка Дэвиса. Причем на это раз он принес два победных очка в общую копилку.

Выросший на травяных кортах Зеленого континента, он отлично чувствовал себя на теннисных лужайках Уимблдона и в 1960 году снова стал финалистом. И снова проиграл — своему соотечественнику и товарищу по команде Фрззеру. В 1961 году решающий матч Уимблдона наконец завершился успехом Рода, но разочарованием... зрителей. Встреча с Чаклом Маккини из США оказалась слишком скоротечной — 6:3, 6:1, 6:4.

К двадцати трем годам новый лидер австралийского тенниса созрел для того, чтобы завладеть званием первой ракетки мира. В 1962 году он был практически непобедим и повторил достижение Баджа, выиграв подряд четыре турнира «Большого шлема».

Интересно, что во всех четырех финалах он встречался со своими соотечественниками, причем трижды — с Роем Эмерсоном. Сначала они разыграли первенство Австралии — 8:6, 0:6, 6:4, 6:4. Победа в Париже на медленных кортах «Ролан Гаррос» далась Роду труднее всего. Начать с того, что в 1/4 финала его соперник — им был соотечественник Мартин Маликин — в четвертой партии имел два

матчбола (6:4, 3:6, 2:6, 10:8, 6:2). В финале Эмерсон вел по партиям 2:0, но Лейвер все же и здесь спас положение — 3:6, 2:6, 6:3, 9:7, 6:2.

Маллиган жаждал реванша в решающем поединке Уимблдона, но на этот раз ход встречи оказался совершенно иным — 6:2, 6:2, 6:1. Лейверу оставалось поставить последнюю точку на чемпионате США. На пути к финалу он проиграл лишь один сет. Еще один у него взял Эмерсон в день решающего матча, но счет был все равно более чем убедительный — 6:2, 6:4, 5:7, 6:4.

В том же сезоне Лейвер стал победителем открытых чемпионатов Италии и ФРГ — сделал максимум возможного как теннисист-любитель — и принял решение перейти в профессионалы, которые к тому времени уже имели в своих рядах целую группу выдающихся мастеров ракетки. На новом поприще ему не сразу удалось достичь привычных вершин. Например, в первые годы Лейвер регулярно проигрывал своему знаменитому соотечественнику Кену Розуоллу, ступившему ранее на профессиональную стезю. Тот был действительно великим мастером на протяжении всей своей длительной карьеры. Но постепенно, приобретя необходимый опыт выступлений в своеобразной системе профессиональных соревнований, Лейвер и здесь добился чемпионских почестей и... больших гонораров.

Среди журналистов и болельщиков он получил прозвище Ракета. Стиль его игры, техника многих ударов были великолепны и неподражаемы. Грозным оружием — крученым топ-спином с сильной левой руки Лейвер «выбивал» соперников с площадки. Сам же он бегал очень быстро и не только доставал, но и точно «укладывал», казалось, безнадежно проигранные мячи. Чувство мяча у этого спортсмена было такое, что иногда он демонстрировал поистине цирковые трюки, заставляя мяч летать по самым немислимым траекториям.

Хорошо знал Лейвера неоднократный чемпион СССР Томас Лейус. Он рассказывает:

— В конце 1968-го — начале 1969 годов мне удалось побывать в Австралии по приглашению родственников, и, конечно, одной из главных целей этого визита было познакомиться с австралийским теннисом, его игроками, поиграть, потренироваться, в общем — расширить кругозор. Во-первых, мне удалось побывать на тренировочном сборе австралийской команды перед их матчем на Кубок Дэвиса с американцами, который проводил знаменитый тренер

Гарри Хопман. А потом я принял участие в ряде турниров.

В течение нескольких месяцев я находился бок о бок с ведущими игроками Австралии: Лейвером, Рочем, Александером, Дентом, Розуоллом, Столле. Почти вся мировая десятка участвовала в тот год в традиционной серии турниров в различных штатах страны.

В этой же компании путешествовал и выдающийся американский мастер ракетки Панчо Гонзалес, которому тогда было под 40.

Кстати, с Гонзалесом мы в течение недели тренировались по два раза в день, и это тоже было незабываемое время. Он ведь был очень азартный, заводной человек. Я видел, как он однажды, взбешенный ошибкой судьи, с яростью запустил в него мячом и тому пришлось спастись бегством со скоростью Бена Джонсона. А в тренировках Гонзалес всегда играл «на интерес», долларов по 10 за сет, не меньше. Как же серьезно он относился к своему делу, в котором он состоял уже официальным профессионалом. Панчо был довольно замкнутым, любил уединиться; сыграв матч, садился в машину и уезжал куда-то в австралийские просторы, где можно ехать часами и не встретить ни одной человеческой души.

Я действительно играл тогда очень прилично и даже получил приглашение от Дональда Делла — известного американского игрока (он неоднократно участвовал в московских международных турнирах), начинавшего тогда свою деятельность менеджера, поехать в двухмесячное турне по США. Но пришла телеграмма из Москвы от Виктора Владимировича Коллегорского, руководившего нашим теннисом, с просьбой приехать на турнир в Москву, чтобы постараться не отдать первенства иностранцам. Я-то приехал, а сильных зарубежных игроков не оказалось, и мы играли в финале с Володей Пальманом.

А ведь была еще одна возможность повариться в гуще сильнейших теннисистов мира и повысить свой класс. Но я отвлекся, ведь нас интересует Лейвер. Мы встретились с ним в Окленде в 1/4 финала.

Тот матч я, конечно, помню. Вел 2:1 по сетам, 5:4 в пятом, но проиграл его 5:7. Помню, и как я в конце третьего сета угадал, куда он пробьет, и выиграл очко, которое Род, как говорится, уже положил себе в карман. Лейвер в сердцах так запустил ракеткой в судейскую вышку, что она (ракетка) разлетелась на несколько кусков.

Перед этим он только что выиграл открытое первенство

Австралии и начал поход за своим вторым «Большим шлемом».

Все считали его суперигроком. У нас разница в возрасте небольшая — Лейвер старше на три года, но я смотрел на него не иначе как на теннисного гиганта. А он в отношениях со всеми ни в чем не проявлял своего чемпионского положения. Надо отметить, что он не был слишком общительным, контактным, хотя никогда не отказывал в обращенных к нему просьбах. Но все же его можно скорее назвать замкнутым, чем душой общества.

Это объясняется еще, возможно, и тем, что большинство великих австралийцев, в том числе и Лейвер, свое образование вынуждены были ограничивать рамками теннисного корта, а университетов, как говорится, не кончали. Они отлично действовали ракеткой, а все их дела вели менеджеры и адвокаты.

Людей, более скромных, чем Розуолл и Лейвер, я не знал в тогдашнем теннисном мире. Уже в то время игра шла за большие деньги, но атмосфера общения между игроками была в большинстве случаев очень дружеская. Насколько я знаю, сейчас положение другое — у многих звезд натянутые отношения, они предпочитают тренироваться чуть ли не при закрытых дверях, создаются команды из спарринг-партнеров, тренеров, близких друзей, которые охраняют секреты подготовки.

Каким же был теннис Лейвера? Во-первых, очень быстрым. Как известно, он ушел в профессионалы в 1962 году, а появился на турнирах «Большого шлема» через шесть лет. В этот период широкая теннисная аудитория его в общем-то не имела возможности наблюдать, разве что только по эпизодам спортивной кинохроники. Известно, что в первых своих 25 профессиональных матчах с Гонзалесом и Розуоллом Род проиграл 24. Удар слева был его слабым местом, и такие большие мастера, как Панчо и Кен, это отлично использовали. Сам Лейвер тогда сказал: «Без удара слева нечего рассчитывать на заработок».

Через полгода удар слева, который приносил деньги, у него уже был. И в 1968 году он этим ударом владел так же великолепно, как и всеми остальными. Наверное, немного было и есть в теннисе людей, которые могли бы столько тренироваться, — работоспособность у Лейвера сохранялась на небывалом уровне и в те годы, когда, казалось бы, можно и поумерить пыл.

Часто он выигрывал матчи и за счет того, что был луч-

ше подготовлен физически, чем его соперник. В этом отношении его продолжателем стал позднее Бьёрн Borg. Многие начинали играть с ними, как будто на равных, но все знали, что пройдет час-другой и затем с каждой минутой шансы выиграть у Лейвера и Борга для их соперников будут неизменно уменьшаться.

Но в отличие от Борга Лейвер сам вел игру, диктовал условия, на каком бы покрытии ни проходила встреча. А на быстром корте единственным серьезным соперником оказывался для него только его соотечественник Тони Роч, которого некоторые считают самым талантливым теннисистом из той плеяды. Но, к сожалению, отношение к спорту и к жизни у него было совсем другое, прямо скажем, не идеальное. Он слишком растрачивал себя вне корта.

Одно из ценнейших качеств Лейвера, которое необходимо отметить: он не знал резких колебаний в игре — чуть-чуть лучше, чуть-чуть хуже, но общий уровень всегда оставался очень высоким. В современном теннисе это удастся, например, Лендлу.

С 1963 по 1967 год игру этого мастера можно было наблюдать в основном в США, где проводилась львиная доля крупнейших профессиональных турниров. Но в 1968 году, когда теннис пережил свой исторический момент и состязания традиционного международного календаря стали открытыми как для любителей, так и для профессионалов, Лейвер, как и другие бывшие чемпионы любительского корта, вернулся на арены Уимблдона, Парижа, Мельбурна и Форест-Хиллса.

И в 1969 году Ракета вышел на новую, невиданную доселе орбиту — тридцатилетний спортсмен во второй раз завоевал «Большой шлем». Этот успех расценивается еще более высоко, потому что он был достигнут в соперничестве с абсолютно всеми сильнейшими в то период теннисистами мира. Причем Лейвер победил в четырех разных финалах четырех разных игроков, уступив им только две партии. Это стало одним из величайших достижений в мире тенниса. Вот список финальных матчей:

Австралия. Лейвер — А. Химено (Испания) — 6:3, 6:4, 7:5. Франция. Лейвер — К. Розуолл — 6:4, 6:3, 6:4. Уимблдон. Лейвер — Д. Ньюкомб (Австралия) — 6:4, 5:7, 6:4. США. Лейвер — Т. Роч — 7:9, 6:1, 6:2, 6:2.

— В первый раз я даже не мечтал о том, что это произойдет, — признался Лейвер. — А что говорить о втором? Любопытно, что в тот год Род впервые произнес «Большой шлем».

шой шлем» только после победы в Нью-Йорке, когда он звонил жене в Австралию (она была беременна и не могла с ним отправиться в поездку).

После этого Род уже не выигрывал крупнейших соревнований, его спортивная форма пошла на убыль. Но до 1975 года он продолжал оставаться в десятке сильнейших в мире, и даже когда появлялся в сорокалетнем возрасте на некоторых турнирах, был серьезнейшим соперником для любого. Великого чемпиона и сейчас иногда можно видеть на корте — в состязаниях ветеранов.

Впрочем, не меньший интерес, чем его игра, привлекает мнение Лейвера о современном теннисе, об игроках. В частности, его мысли о поведении игроков — тема, ставшая, увы, актуальной.

Род Лейвер сейчас присутствует на крупнейших турнирах серии «Гран-при» и имеет возможность наблюдать за своими преемниками. По мнению многих, он жил в теннисе в тот период, когда недостойное поведение на корте было настолько же редким, насколько оно распространено сейчас.

— Я прошел школу команды Гарри Хопмана. Он устанавливал комплекс правил — кодекс поведения, конечно, неписаный, но который каждый должен был знать. Это было достаточно просто: ты представляешь свою страну, и если неправильно ведешь себя и не уважаешь игру, то не играешь в команде, — вспоминал Лейвер. — У меня было несколько идолов среди чемпионов прошлых лет, которые вызвали уважение: Хоади, Розуолл, Седжмен, Купер... Мы в Австралии были выходцами из маленьких провинциальных городков, где все люди знают друг друга и где между ними устанавливаются особые отношения. Поэтому для нас было естественно быть единой командой. Мы были едины, а при таком отношении никогда не возникает грубости и эгоистичного отношения.

— Я не думаю, что кто-нибудь испытывал радость от проигрыша, — говорил Лейвер. — Я не был таким. Внутри меня все кипело. Но самоконтроль помогал мне. В течение часа или двух ко мне лучше было не подходить, но затем я сам подходил к тому, кто меня победил, и мы снова были друзьями.

Но, может быть, одна из причин, по которой Ракета был таким, заключалась в том, что игроки в его время не играли за миллионы долларов. Если они выигрывали турнир, то получали лишь кубок. По наблюдениям Лейвера, сегодняшние ведущие игроки далеки друг от друга: «Они испытывают

уважение к игре других, но не испытывают никакой радости от того, что находятся в одной компании». По мнению Лейвера, большие денежные ставки не являются ни извинением, ни объяснением недостойного поведения. Решения судей и сегодня не отличаются от тех, какими они были 20 лет назад. Может, стоит, правда, поставить вопрос о том, чтобы матчи судили арбитры до определенной возрастной категории.

— Конечно, сейчас игроки испытывают определенное психологическое давление. Деньги, очки в зачет «Набиско «Гран-при», стремление попасть в турниры для 32 участников. Молодые теннисисты получают крепкие тумачи, и они понимают, что, когда снова попадут наверх, у них уже будут «расквашенные носы». Но я все-таки считаю, что игра остается игрой и к ней нужно относиться только в таком духе.

Лейвер с энтузиазмом отнесся к появлению буклета для теннисистов-юниоров и их родителей, в котором говорится о необходимости выработки в себе истинно спортивного поведения. Любопытно, что сам Лейвер, будучи мальчишкой, несколько раз швырял ракетку оземь. И тогда отец сказал ему: «Ты знаешь, сколько стоит эта штука? Эта ракетка должна у тебя выдерживать еще два года». Борг также на каком-то этапе вел себя неправильно, и родители сказали ему: «Две недели без тенниса». Это хорошо действует. В молодости так не хочется пропускать юниорский чемпионат!..

Вместе с тем Лейвер считает, что сегодняшние меры воздействия на ведущих теннисистов неправильны. «Когда игрок достигает лимита штрафов в 7500 долларов и ему запрещают 21 день участвовать в состязаниях, он только смеется. Дело в том, что он получает прекрасный отпуск, и никто не может прийти к нему и сказать: «Работай!» Но сделайте отлучение на 60 или 80 дней — это уже будет кое-что значить для него». По мнению Лейвера, действующий сейчас кодекс поведения слишком «медлительен» — предупреждение, штраф на очко, штраф на гейм, поражение. «Мне кажется, что сейчас слишком много предупреждений. В большинстве видов спорта делается два предупреждения и затем удаляют с площадки».

«На чемпионов смотрят, как на образец роли, которую хочется играть». На сегодняшний день, по его мнению, образцом для юниоров могут служить Матс Виландер, Крис Эверт, Тим Майот, Мартина Навратилова, Янник Ноа. К этому списку надо добавить, конечно, самого Рода Лейве-

ра, Кена Розуолла и Маргарет Корт. Если первую группу можно увидеть на кортах, то ветеранов — в учебных фильмах. И они доставят удовольствие любителям тенниса любого возраста.

Маргарет Смит-Корт

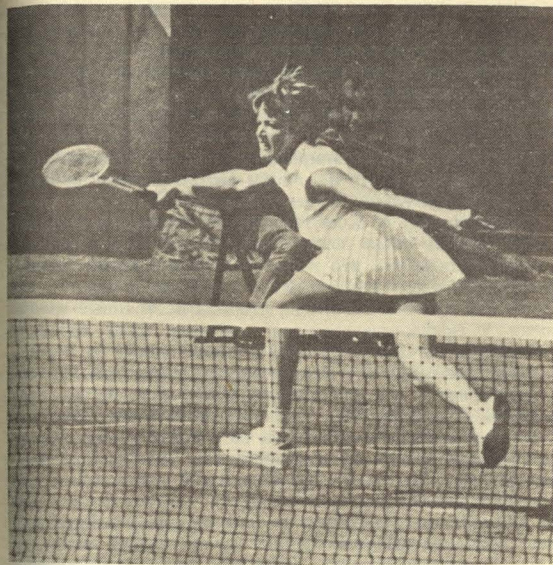
Несмотря на феноменальные достижения Маргарет Смит-Корт, ее иногда называли странной чемпионкой. У нее была более чем заслуженная репутация спортивной звезды первой величины, но публика редко находилась на ее стороне во время матчей, в которых она сокрушала соперниц. В годы ее явного превосходства в мировом женском теннисе даже австралийские зрители часто поддерживали тех, против кого она играла. Пресса, казалось, тоже как-то странно относилась к чемпионке — в отчетах подчеркивалось, насколько удачно противостояли ей конкурентки, а победы Маргарет подавались как нечто само собой разумеющееся, не вызывающее ярких эмоций.

Это, конечно, задевало спортсменку — человека с обостренным самолюбием, но она старалась не подавать виду, была поглощена одним делом — турнирами, большими и малыми, у себя в стране и за рубежом, и находила в этом утешение.

В 1982 году в издательстве «Физкультура и спорт» вышел перевод автобиографической книги выдающейся теннисистки, написанной с ее слов журналистом Джорджем Мак-Генном. Выдержки из нее помогают составить более полное представление о второй по счету обладательнице женского «Большого шлема».

Дом семьи Смит, в которой было четверо детей, а Маргарет — самая младшая, в предместье городка Альбери на границе штатов Новый Южный Уэльс и Виктория находился на одной из улиц, ведущих к местному теннисному клубу. Маргарет была, что называется, сорванцом, заводилой среди мальчишеской компании, интересовалась только мужскими видами спорта и никогда не играла в куклы. Доступные только для членов клуба корты манили ее неотступно. В восемь лет подруга матери подарила ей старенькую ракетку, которой она играла не один год и даже выигрывала первые детские соревнования.

В 14 лет по совету своего первого тренера девушка покинула родной городок и отправилась на поиски тен-

Атлетический теннис. Маргарет Смит-Корт

нисного счастья в Мельбурн, где ее дальнейшим спортивным образованием занялись бывший чемпион Уимблдона и преуспевающий бизнесмен Фрэнк Седжмен и один из ведущих тренеров страны Кейс Роджерс. Маргарет получила работу машинистки в офисе Седжмена и возможность в очень хороших условиях пройти теннисный университет. Наставники быстро убедились, что девушка готова без усталости трудиться и способна воспринимать и претворять в жизнь их советы. Маргарет со своей стороны поверила, что это те люди, которые смогут помочь ей, провинциалке, в большом городе найти дорогу в жизни и запустят на высокую спортивную орбиту. Тут надо отдать должное всем троим.

По признанию самой Маргарет, все, чего она добилась в теннисе, во многом объясняется тем, что физически она была подготовлена лучше, чем другие теннисистки. В Мельбурне она приехала высокой, угловатой, что называется, неотесанной. Поэтому ей пришлось основательно заняться физической подготовкой в гимнастическом зале под руководством Стена Никольса, который был известен тем, что помогал в тренировках чемпиону Олимпийских игр в беге Х. Эллиоту и лучшим австралийским теннисистам Хоаду, Розуоллу, Куперу и другим.

— Поскольку я была первой австралийской теннисисткой, которая после подачи предпочитала играть с лёта, многие считали, что это и сделало меня слишком физически развитой, — говорит Корт. — Поговаривали, что я играю как мужчина. Считали, что мои постоянные тренировки в гимнастическом зале сделают меня чересчур тяжеловесной. Действительно, я была одной из первых теннисисток, которые стали осваивать комплексы специальных физических упражнений. Спорт в то время, особенно в Австралии, был привилегией мужчин. Сейчас в спорте на женщин смотрят как на атлетов и никто даже не задумывается об их женственности. Но я всегда придерживалась мнения, что женственность нельзя приносить в жертву физическому развитию...

Маргарет рассказывала, что она посещала спортивный зал Никольса, который «лепил» из нее атлета, пять раз в неделю и проводила там около двух часов. Занималась с гантелями, поднимала укрепленные на блоках тяжести. Стен придумал упражнения, чтобы укрепить запястье, пальцы, предплечье для хорошего замаха. Он давал различные упражнения, позволявшие совершенствовать подачу, смех, развивать прыгучесть, быстроту. Уже когда Смит стала известной теннисисткой, тренеры по легкой атлетике не раз предлагали ей сменить спортивное амплуа.

Вскоре юная спортсменка могла успешно заниматься в спарринг-тренировках с мужчинами: Рексом Хартвигом и Эшли Купером — ведущими в то время игроками страны. В итоге на центральные корты мира вышла теннисистка, которой не было равных в силе и выносливости. Специалисты-медики, которые ее тестировали, обнаружили, что Маргарет превосходит по своим физическим кондициям многих теннисистов сильного пола.

Со своей стороны, Смит поставила себе за правило тренироваться с мужчинами, и это позволяло ей в сорев-

нованиях поддерживать темп и мощь ударов, которые оказывались не под силу соперникам.

К 17 годам Маргарет Смит была готова к штурму самых больших вершин. В чемпионате Австралии 1960 года в Брисбейне она в 1/2 финала встретилась с тогдашней первой теннисисткой мира Марией Буэно из Бразилии и выиграла напряженный матч — 7:5, 3:6, 6:4. В финале она победила свою соотечественницу и ровесницу Джен Лехейн, завоевав первый из 24 одиночных титулов «Большого шлема». Интересно, что, выступая параллельно и в юниорском турнире в Брисбейне, Маргарет уступила в финале другой известной в будущем австралийской спортсменке Лесли Тернер — 6:2, 2:6, 2:6. Тернер, которая самых больших звезд с мирового небосклона не хватала, оставалась и в дальнейшем крепким орешком для Маргарет.

А в то время у австралийского женского тенниса появилась хорошая молодая поросль, и было решено послать команду за океан. Но Маргарет по совету своих тренеров осталась дома и летом 1960 года в Мельбурне продолжала тренировки на корте и в гимнастическом зале.

На следующий год она начала покорять зарубежные корты: Уимблдон, Париж, Форест-Хиллс... В своей первой зарубежной поездке она не добилась первых мест, на турнирах «Большого шлема» проигрывая Марии Буэно из Бразилии, англичанкам Энн Хейдон-Джонс, Кристине Трумэн, Дорис Харт из США.

Этот тур был омрачен получившим широкую огласку конфликтом между юной спортсменкой и руководительницей команды Нел Хопман — женой известнейшего австралийского тренера Гарри Хопмана. На следующий год Маргарет даже отказалась от подобной поездки под руководством Хопман, которая требовала беспрекословного подчинения себе, как главе делегации.

Даже среди самых знаменитых чемпионов теннисной ракетки эта спортсменка выделяется. Ее с полным основанием называют наиболее удачливой собирательницей громких титулов за всю историю тенниса. Карьера Маргарет Смит-Корт была долгой, и, несмотря на то, что она пропустила два года, когда стала матерью, на ее лицевом счете 64 победных титула в соревнованиях «Большого шлема», в том числе 24 в одиночных, 21 в парных и 19 в смешанных встречах. А ведь она еще девять раз выиграла открытый чемпионат Италии, восемь раз — чемпионат

ФРГ, первенствовала на многих других турнирах в Европе, США и Австралии.

Маргарет родилась в 1942 году и выступала под фамилией Смит до 1967 года, когда вышла замуж за Барри Корта. Первую свою большую победу одержала на национальном чемпионате и не знала здесь поражений в течение семи лет подряд (1960—1966). В дальнейшем она была чемпионкой Австралии еще четырежды.

В 1962 году, выиграв чемпионаты Франции, США и Австралии, Маргарет сделала первую заявку на «Большой шлем». Следует отметить, что подобный «хет-трик» удавался ей еще дважды — в 1965 и 1969 годах. Ее главными конкурентами были в то время Мария Буэно и Билли Джин Моффит, позднее ставшая Кинг.

Стиль ее игры был действительно мужским. Высокий рост способствовал сильной подаче, а бистрота передвижения по площадке позволяла доставать такие мячи, о борьбе за которые многие соперницы и не помышляли. Она всегда находилась в отличной спортивной форме, и, как бы трудно ни складывался матч, теннисистка всегда держала себя в руках.

Впрочем, бывали и исключения. Анна Дмитриева в своей книге «Играй в свою игру» так описывает финальную встречу в Уимблдоне между Смит и Буэно:

«В решающем сете обе уже дрожали, боялись дотронуться до мяча. Перед каждым мячом Буэно сжимала кулаки, уговаривала себя пойти к сетке. Последний гейм они играли чуть ли не полчаса. Подавала Смит, но в счете все время вела Буэно. Едва Смит удавалось сравнять счет, она делала на подаче двойную ошибку. И опять у Буэно матчбол. Она вновь сжимала кулаки, шла к сетке и, наконец, выиграла решающий матч. Смит уныло подала ей руку...»

Сама Дмитриева встречалась со Смит в 1964 году в Англии в турнире Куинс-Клуба и проиграла вполне достойно — 5:7, 6:8.

Тактически теннис чемпионки был не очень разнообразен. И даже, сидя на трибуне, опытному болельщику не составляло труда предположить, как она проведет ту или иную комбинацию. Ее соперницы, конечно, тоже предлагалиходы Маргарет, но противопоставить им контрмеры, как показывают результаты встреч, не могли.

Как известно, среди обладателей «Большого шлема» австралийская теннисистка занимает особое место — она

не только выиграла составляющие его турниры в одиночном разряде, но и имела еще одно, так сказать, неофициальное достижение, о котором упоминается очень редко, — «Большой шлем» в смешанном разряде. Здесь она добилась успеха в 1963 году, выступая со своим соотечественником Кеном Флетчером. Они провели в общей сложности в четырех турнирах 21 матч и проиграли только пять сетов. Партнер Маргарет не имел больших побед в одиночной игре, но обладал даром играть в паре или в миксте.

В последние годы в смешанных состязаниях редко принимало участие ведущие игроки. Этот вид программ считается утешительным для тех, кто не может претендовать на признание как солист. Если мы посмотрим хотя бы протоколы последних Уимблдонских турниров, то не увидим в сетке смешанного разряда таких теннисистов, как Лендл, Беккер, Кэш, Коннорс, Эдберг, Виландер, Мечирж...

Тот давний успех Смит и Флетчера никому больше не удалось повторить. И по свидетельству очевидцев, партнерша играла в прославленном дуэте далеко не подсобную, как это часто приходится видеть в других микстах, роль — ее вклад в каждый победный матч был достаточно весомым.

В 1965 году Маргарет снова выиграла большую четверку турниров в смешанном разряде, но с разными партнерами: в Австралии с Джоном Ньюкомбом, во Франции и Уимблдоне с Кеном Флетчером, в США с Фредом Столле. В 1973 году она была близка к завоеванию «Большого шлема» в парном разряде, когда с англичанкой Вирджинией Уэйд выиграла чемпионаты Австралии, Франции и США.

В 1963 году, когда Смит-Корт в паре с Флетчером завоевала «Большой шлем» в смешанном разряде, она впервые стала победительницей Уимблдонского турнира. Но в следующем сезоне, после побед на австралийском и французском первенствах, последовали поражения от Буэно в финалах Уимблдона и чемпионата США. В 1965 году до заветной цели снова не хватило одного шага — не удалось стать сильнейшей в Париже.

То ли от разочарования, что «Большой шлем» опять ускользнул, то ли от усталости, накопившейся за несколько лет напряженной турнирной жизни, выдающаяся теннисистка неожиданно для всех в 1966 году сошла со сцены

и не появлялась на ней пятнадцать месяцев. О ней даже стали забывать на трибунах стадионов.

Но, как оказалось, тайм-аут пошел на пользу. Звездный час этой спортсменки был еще впереди. Маргарет снова заиграла так, как будто и не было длительного перерыва. Кстати, Бьёрн Borg, решивший какое-то время отдохнуть от соревнований, так и не смог в дальнейшем восстановить былые кондиции и в конечном счете сошел со спортивной арены.

В 1969 году Маргарет Корт выиграла очередной чемпионат Австралии, в третий раз — чемпионаты Франции и США и лишь Уимблдон ей опять не покорился: поражение в 1/2 финала от будущей победительницы — англичанки Джонс.

Зато на следующий сезон Маргарет наконец удалось замкнуть круг четырех самых главных турниров.

Чемпионат Австралии был первым из турниров «Большого шлема». Он проводился в январе на стадионе «Уайт-сити» в Сиднее. Это была ее родная территория. Здесь Маргарет выигрывала чемпионский титул восемь раз. Не проиграв ни одного сета, она завоевала девятый титул.

Перед открытым чемпионатом Франции спортсменка по секрету от всех улетела в Лос-Анджелес, где с ней занимался тренер Джерри Тигерген. Позже она вспоминала:

— Как обычно, Джерри корректировал мою игру, вносил поправки в подачу и в удар справа, что вернуло мне уверенность при их исполнении. Он также занимался со мной вопросами выработки стратегии игры, «освежил» мои удары с задней линии и движения, которые очень забываешь, играя неделю за неделей...

В Париж Корт прилетела уверенной, а может быть, и чересчур. Во втором круге она едва не потерпела катастрофу в игре с Ольгой Морозовой. Ольга выиграла первый сет — 6:3. Во втором австралийка проигрывала 3:5, и в воздухе уже носилось предчувствие сенсационного поражения великой Маргарет Корт. Зрители, рассеившиеся по другим площадкам, поспешили на центральные трибуны.

— Не знаю как, но я сумела перехватить инициативу и выиграла второй сет 8:6, — вспоминала потом Корт. — Я просто мчалась к сетке и старалась доставать мяч повсюду. Затем я вдруг ощутила ужасную боль в правой ноге, которая, кажется, скрутила мышцу. Ольге нужно было

только заставить меня бегать, но, к моему счастью, она не поняла мое состояние и я выиграла третий сет...

Судорога, которую она ощутила в этом матче, причиняла ей еще немало хлопот, но все-таки после победы над Морозовой Маргарет сумела успешно закончить этот турнир.

В Уимблдоне Корт была посеяна первым номером, а Кинг — вторым. Маргарет легко прошла первые три круга, а в четвертом встретилась с Хельгой Ниссен из ФРГ. При счете 6:6 в первом сете Корт неловко упала и подвернула левую ногу. Потом выяснилось, что она серьезно травмировала колено. Понимая, что ей необходимо изменить ход матча, австралийка во втором и третьем сетах постоянно находилась у сетки, и счет оказался весьма необычным — 6:8, 6:0, 6:0.

Доктора, осмотрев ее колено, советовали ей выйти из турнира. Она последовала этому совету на две трети — отказалась от игры в парном и смешанном разрядах. С помощью лекарств Корт через два дня в полуфинале выиграла у Розы Казалс (США) — 6:4, 6:1.

В финале она вышла на центральный корт, получив два обезболивающих укола в плотно забинтованное колено, а матч оказался самым продолжительным в истории женских финалов Уимблдона. Прошло 2 часа 27 минут, прежде чем белая от боли Маргарет получила поздравление от своей соперницы Билли-Джин Кинг, — 14:12, 11:9.

Лондонские газеты писали об этой встрече в таких выражениях:

«Матч был образцом игры, с которой в женском теннисе ничто или почти ничто не может сравниться», «Это был самый долгий финал женских турниров и в определенном смысле самый жестокий», «В матче было то захватывающее великолепие, которое заставляет стечь кровь в жилах», «Любители тенниса должны теперь приветствовать Маргарет Корт как абсолютную королеву этой игры».

Доктора прописали три месяца отдыха, но турнир в Форест-Хиллс должен был состояться через два месяца, и Корт отправилась в Америку.

— Я не могла позволить боли в ноге удерживать меня от достижения самой большой цели, — призналась она...

За день до начала открытого чемпионата США на тренировке Маргарет вновь почувствовала боль в левом колене. Ей сказали, что нужно отказаться от турнира, но стало известно, что и ее главная соперница — Кинг —

находится в госпитале по поводу операции колена. В этой ситуации практически никто не мог остановить ее на пути к «Большому шлему». Второй в этом турнире была посеяна Казалс, которую она уже обыгрывала в Париже и Лондоне. Встретившись с миниатюрной калифорнийкой в финале, Корт выиграла первый сет 6:2, но во втором проиграла трижды свою подачу и партию.

— Публика чувствовала, что может произойти сенсация, и всячески поддерживала Розы, — рассказывала Маргарет. — Но на меня это действовало успокаивающе. Мы вышли на площадку, чтобы начать третий сет, и я помолилась: «Боже праведный, пожалуйста, помоги мне. Я не могу проиграть сегодня». Моя молитва была услышана. Я выиграла финальный сет 6:2, и наконец «Большой шлем» стал моим. Значение этого момента было слишком велико, чтобы я могла его ощутить. Я почувствовала себя опустошенной...

Затем, несмотря на травму колена, Маргарет Корт выиграла женский парный турнир и смешанную пару.

На следующий год произошел спад результатов. Так, в чемпионате Франции Маргарет выбыла из борьбы в третьем круге, а в Уимблдоне в финале проиграла своей 19-летней соотечественнице Ивонн Гулагонг. В том же году она объявила, что ждет ребенка, и болельщики решили, что на сей раз ее карьера завершилась окончательно.

Однако в 1973 году, после рождения сына, Корт снова вернулась в большой теннис и продолжила прерванную серию побед: в одиннадцатый раз стала сильнейшей на чемпионате Австралии, затем последовали выигрыш у восходившей тогда звезды американского тенниса Крис Эверт в решающем матче в Париже и реванш у Гулагонг в финале чемпионата США.

После рождения второго ребенка она продолжала играть на международном уровне, но побеждала лишь однажды — в паре с англичанкой Вирджинией Уэйд на первенстве США.

В спортивной жизни Маргарет были не только розы. Одно из самых больших разочарований оказалось связанным с Уимблдоном. В июне 1962 года она приехала в Лондон после побед на австралийских и французских кортах и была посеяна в турнирной таблице под первым номером. Но так случилось, что ее первой соперницей оказалась американка Кинг, бывшая тогда только третьей

ракеткой своей страны. Выигрывая в решающем сете 5:3, австралийка оказалась в итоге побежденной. После этого выдающиеся спортсменки сыграли между собой множество матчей в течение 12 лет в разных уголках мира.

В 1965 году игру Маргарет могли наблюдать любители тенниса в Москве. В своей книге она так описывает этот визит в нашу страну:

«Я решила поехать в Россию, приняв приглашение, которое мне делали неоднократно. Мне казалось, что русским нравится моя игра и мой атлетизм. Их игроки и тренеры неизменно оказывались за боковыми линиями корта во время моих матчей, снимая фильмы. Они были самыми заинтересованными моими поклонниками и болельщиками. Каждый год они приглашали меня принять участие в чемпионате их страны.

Боб Хоу, австралийский теннисист, живший в Лондоне в качестве представителя фирмы «Данлоп», организовал группу игроков на московский турнир, и я дала согласие присоединиться к ним. Я хорошо выступила в этом чемпионате, выиграв в финале у Галины Бакшеевой. С Джуди Тегарт и Хоу мы первенствовали в парах.

Меня поражали фотографии и операторы, которые присутствовали на всех матчах, снимая меня во всех ракурсах. Даже во время разминки, когда мы бегали взад и вперед, они не прекращали съемок. Русские анализировали мою игру со всех точек зрения, как это не делал никто прежде.

Я знаю, что все матчи, которые играют русские, подробно разбираются ими самым тщательным образом. Я не собираюсь критиковать эту систему, поскольку на протяжении ряда лет они сумели подготовить целый ряд игроков высокого, мирового класса, например Алекса Метревели и Ольгу Морозову, которая побеждала сильнейших соперниц мирового калибра...»

В тот год, когда австралийская теннисистка выиграла «Большой шлем», она не знала препятствий на своем пути — во всех четырех турнирах отдала лишь три сета. Один из них приходится на долю Ольги Морозовой. Это было в Париже в том самом матче второго круга — 3:6, 8:6, 6:1.

На следующий год на турнирах в Австралии Маргарет предложила Ольге выступать вместе в паре.

Морозова рассказывает:

— В свое время Маргарет Корт для меня и других

наших теннисистов была «учебным пособием» — кинограммы, отображавшие технику ее игры и других сильнейших игроков мира, тренер сборной СССР Сергей Сергеевич Андреев демонстрировал нам во время тренировок занятий, увлеченно собирая и всю другую малодоступную тогда информацию о международной теннисной жизни.

В 16-летнем возрасте я впервые попала на Уимблдонский турнир и по именам знала всю элиту во главе с Маргарет Смит. Мне, естественно, казалось, что они где-то там, на небесах, и до них невозможно дотянуться. И вот в Бекнеме во время местного турнира Анна Дмитриева, вводившая меня в курс дел теннисного света, видит, что я как будто остолбенела, и говорит: «Да успокойся ты. Да, это действительно Маргарет Смит, не веришь, пойдй ушпини ее, поймешь, что это тебе не привиделось».

Я много следила в дальнейшем за ее игрой, она мне очень импонировала своей мощью, агрессивностью и тем, что австралийская спортсменка всегда была в отличной физической форме. Бросались в глаза ее длиннющие руки, благодаря чему она перекрывала все пространство у сетки. В паузах между розыгрышами очков Маргарет старалась быть очень грациозной, ходила неторопливо, плавно, подчеркивая свою женственность, в то время как игра ее была в мужском стиле.

Впервые мы встретились с ней на корте в финале смешанного разряда Уимблдона 1968 года. Я — с Метревели, она — с Флетчером. До этого у нас был ряд отличных побед. Алик всегда любил давать ценные указания и в этой игре все время твердил: «Играй на нее». А что было в этом толку. В данном случае призыв Метревели «Шерше ля фам» был гласом вопиющего — удары мужской силы летели с той стороны от обоих наших соперников, причем Маргарет даже чаще, чем Кен, брала игру на себя и завершала розыгрыш очка.

Мы, как известно, проиграли — первый сет легко, второй — 8:10. После этого австралийка как бы спустилась для меня с небес на землю, я поняла, что играть против нее можно и не быть при этом «девочкой для бития».

Но самое первое мое знакомство с Маргарет произошло в 1965 году, когда она приезжала на московский турнир и я подавала ей мячи.

В 1970 году во время чемпионата Франции стояла страшная жара, наша встреча второго круга была назна-

чена на центральном корте. По сравнению с Корт, я была в мире тенниса никем, серьезно, как к сопернице, одна из лучших теннисисток мира ко мне вряд ли относилась. Хотя матч проходил на медленной земляной площадке, мы обе провели его целиком по схеме: подача — выход к сетке. Я подавала в тот день удачно и сломя голову неслась вперед, где творила чудеса. Помню, что когда мы начали, то публики было мало, но постепенно трибуны начали заполняться, потому что по стадиону разнеслась весть о том, что Морозова выиграла первый сет и не сдается во втором. Не удивительно, что зрители поддерживали слабейшую, т. е. меня.

Этот матч запомнился еще и тем, что я получила первый большой урок по части, так сказать, околوماتчевой стратегии, а точнее, хитрости. Тогда перед решающим сетом полагался перерыв. По известным мне правилам ровно через 10 минут я снова была на площадке, а она пришла еще минут на десять позже. Я тогда не знала, что 10 минут можно было находиться собственно в раздевалке. Короче говоря, опытная соперница заставила меня «перегореть» в ожидании, а сама добавила себе еще некоторое время для отдыха. К концу от напряжения я очень устала, но, хоть и проиграла, была довольна. В конце турнира выяснилось, что единственный сет, проигранный Маргарет в тот год в Париже, достался мне.

Чем, на мой взгляд, отличалась игра Кинг и что роднит ее со Штеффи Граф? У нее было несколько до автоматизма отработанных комбинаций, которые она выполняла на невероятной для того времени скорости и с потрясающей точностью, причем могла повторять эти «ходы» наподобие запрограммированного компьютера, и в «программе» было заложено: «Точно, точнее, еще точнее...» Это был пресс, который бил монотонно и безжалостно.

Если сравнивать ее с Давил-Джин Кинг, Марией Бузо или Ивонн Гулагонг, то они, конечно, играли более творчески, более зрелищно, более интересно и для зрителей, но такой эффективности добывания очков не было ни у кого. Сейчас такие комбинации, выполняемые по схеме, но неотразимые для соперниц, есть в арсенале Граф.

На Уимблдоне-88 мы встретились с Маргарет у одного из кортов, где играли Лариса Савченко и австралийская теннисистка, которую опекала Корт. Международная федерация тенниса приглашает великую чемпионку вместе со всей семьей на турниры «Большого шлема» в качестве

почетной гостью. Сама Маргарет после того, как закончила выступать, стала очень набожной, она закончила духовную семинарию и теперь читает проповеди, которые приходят слушать тысячи людей. Еще большую аудиторию собирают телерепортажи, в которых также участвует прославленная теннисистка...

Штеффи Граф

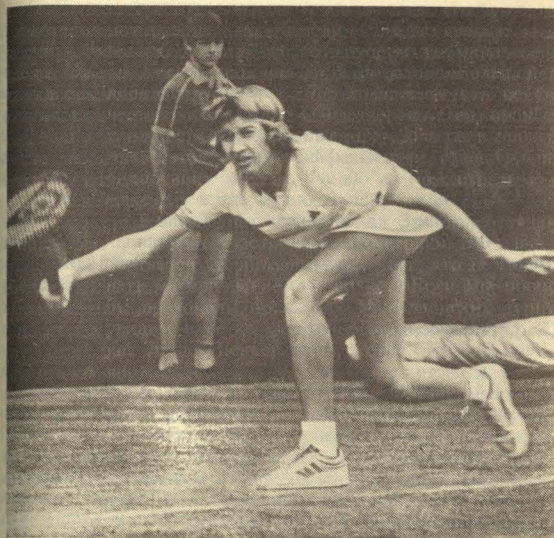
Теннисистка из ФРГ Штеффи Граф в 1988 году решительно вошла в закрытую много лет дверь символического клуба «Большого шлема». Волна восторженных оценок хлынула с телетайпных лент информационных агентств, со страниц газет и журналов, зазвучала в телевизионных и радиорепортажах. На родине Штеффи встречали как национальную героиню, в ее адрес шли поздравления от канцлера, премьер-министра, руководителей политических партий ФРГ...

Но у самой именинницы даже не было времени, чтобы почувствовать все это, освоиться в компании великих игроков. Буквально через несколько дней путь ее лежал в Сеул, на Олимпийский турнир, и Граф предстояло сделать то, что еще не удавалось никому из ее предшественников — добавить к «Большому шлему» золотую олимпийскую медаль.

О большинстве героев «Большого шлема» советские любители тенниса, особенно молодое поколение, знают, как говорится, понаслышке. Штеффи Граф благодаря телерепортажам из Уимблдона, Парижа и Сеула стала у нас в стране популярной спортсменкой, как и во всем мире. Трудно не согласиться с теми журналистами, которые называют ее теннисным вундеркиндом — безусловно, она родилась под счастливой спортивной звездой. К тому же Штеффи — пример современной акселерации: по физиологическому развитию она, как считают физиологи, идет на пару лет впереди своего возраста.

В 18 лет Штеффи достигла очень многого: феноменальных спортивных результатов, всемирной славы, но при этом ее совершенно не коснулась звездная болезнь и еще один комплекс чемпионов — боязнь проиграть более слабому сопернику.

Вспоминается ее матч с Ларисой Савченко в $1/4$ финала Олимпийского турнира. Первый сет уверенно выигра-

Штеффи Граф. На пути к «Большому шлему»

ла Граф. Во втором, зная, что терять ей абсолютно ничего, красиво, мощно и точно стала набирать очки наша теннисистка — и сравняла счет. Она же повела и в решающей партии — 3:1. Зрители на трибунах центрального корта, журналисты в ложе прессы стали многозначительно переглядываться: неужели произойдет фантастическая сенсация?

В тот момент интересно было наблюдать за лучшей теннисисткой мира, которая действительно приблизилась к опасной грани — не предполагаемому никем поражению. Ни одним жестом или гримасой она не давала возможности понять, что происходит в ее душе. Но стоило Савченко чуть-чуть ослабить напор, сделать пару ошибок, как ее соперница, словно тигрица, «выскакивала из засады». Куда делись ее неточные удары? Она не стала дожидаться следующих промахов Ларисы, упускающей

нить игры, а перешла в решительное наступление. Подача с первой попытки ложилась точно в квадрат, удары с задней линии не только попадали в нужное место площадки, но и стали еще мощнее.

Стало ясно, что состояние мандража, т.е. невозможности справиться со своими нервами в нужный момент, которым теннисисты очень часто любят оправдывать свои неудачи, незнакомо Штеффи Граф. Встречу с Савченко она заканчивала очень обидно для нас и очень привычно для поклонников чемпионки, играя уже в одни ворота.

А вспомним, какой шквал неотразимых ударов обрушила Штеффи на Наташу Звереву в финале чемпионата Франции, как расправлялась она с Мартиной Навратиловой в заключительной стадии их решающего поединка в Уимблдоне? Известная канадская теннисистка Карлинг Бассет-Сегусо, получившая на одном из турниров две «баранки» от Граф, сказала:

— Я часто тренируюсь с мужчинами и знаю, что такое мужской теннис. Совсем другой темп и сила ударов. Во многих эпизодах Штеффи выходила за пределы возможности женской игры.

Спортивная карьера выдающейся западногерманской теннисистки, по сути дела, только начинается, и можно предположить, что она повторит в «Большом шлеме» дубль Рода Лейвера, а также основательно перекроит таблицу достижений мирового женского тенниса. Удивительная одаренность, великолепная физическая форма, потрясающая выносливость и превосходные данные — при росте 173 см она весит 57 кг — позволили ей буквально взорвать теннисную элиту. Известна точная дата вояжирования Граф на троне первой ракетки: 16 августа 1987 года. Тогда Штеффи обыграла Крис Эверт и, согласно расчетам специального компьютера, возглавила мировую табель о рангах. С тех пор она не опускает лидерства.

— Однажды я играла со Штеффи, ей было тогда 13 лет, на турнире в Штутгарте, — вспоминала известная американская теннисистка Треиси Остин, бывшая в свое время чудо-девочкой. — Она была каждый мяч так, что он летел со скоростью 400 миль в час, и я сказала: «Это еще что за ребенок?» (Самой Остин было в то время 19 лет, и она значилась среди лучших теннисисток мира). Но, вы знаете, ее это ни в коей мере не беспокоило. Она играла со мной так, словно я была ее соседкой и между нами нет никакого различия.

Западногерманскую спортсменку отличают хладнокровие и расчетливость на корте, четкая плановость в тренировках, жесточайшая самодисциплина вне спорта. Эти ее качества особенно импонируют землякам Штеффи — жителям провинциального бюргерского городка Брюля, где чемпионка родилась и выросла. Они гордятся Граф не только потому, что она принесла славу городу, но и за ту серьезность, с какой Штеффи занимается делом, — это в здешних традициях.

14-тысячное население Брюля любит Граф за преданность местным идеалам, самому городу. Здесь очень популярны различные объединения, союзы, клубы, скажем, любителей хорового пения, немецких овчарок, и каждый из клубов считает Штеффи своей. Знаменитая чемпионка всегда откликается на их приглашения: в одном клубе у нее есть любимый пес, которого она навещает всякий раз, возвращаясь на родину с очередного победного турнира, в другом — любимые песни.

Работают в городе два теннисных клуба. Одним из них, пожалуй самым маленьким не только в Германии, руководит отец Штеффи — Петер Граф. В нем 12 человек, и именно здесь, как это часто бывает в теннисе, Штеффи по наследству досталась ракетка. Петер Граф подарил ее в день рождения дочери, когда той исполнилось пять лет. А сам стал ее первым тренером, советчиком и партнером. Ракетка вытеснила из сердца девочки кукол, и все свободное от сна и еды время Штеффи с ней не расставалась. Правда, в брюльский клуб ее так и не приняли — устав допускает в него только мужчин.

Лет через десять, когда пришли первые победы на европейских теннисных турнирах, Петер понял, что дочь обещает вырасти в мировую звезду. Тогда он продал свое автомобильное дело и занялся только Штеффи. На семейном совете было решено: девочка оставит школу. Тренировки, частые разъезды отнимали все время, а главное — в доме посчитали, что быстрорастущий счет в банке вполне заменит девушке аттестат зрелости.

Петер Граф стал менеджером дочери. Именно через него заключаются все контракты, договариваются об интервью. Более того, чаще интервью дает он сам — Штеффи этого делать не любит. Надо отдать ему должное: папа-менеджер вовремя понял, что больше не может быть тренером Штеффи. Был приглашен известный в прошлом чехословацкий теннисист Павел Сложил, который и по сей

день руководит ее игрой. Больше того, со Штеффи работает бригада специалистов, внешне не имеющих отношения к теннису. Кто же входит в эту команду, подобранную Петером Графом для своей дочери? Весьма вероятно, что она достаточно большая. Но в печать просочились сведения лишь о нескольких специалистах.

За ее общефизической подготовкой следит Эрко Прулд, который некогда сам был легкоатлетом международного класса и выступал на дистанции 800 метров. «Лампи» Лехневски был нанят для того, чтобы обучать Штеффи... баскетболу. Это должно было улучшить ее технику прыжка. Известно также, что она уделяет внимание и занятиям со штангой.

В 1986 году семнадцатилетняя девушка была признана лучшей спортсменкой ФРГ. Тем самым было воздано должное как популярности тенниса в стране, так и ее успехам. Дело в том, что она стала третьей теннисисткой мира, к тому же в течение года потерпела лишь шесть поражений от блиставших тогда Мартины Навратиловой, Крис Эверт и Ханы Мандликовой.

Зато в 1987 году ей уже сулили громкие победы. Она начала тот год во Флориде, буквально разгромив своих главных соперниц: за 56 минут — Навратилкову, за 59 минут — Эверт. После этого специалисты стали с самым серьезным видом обсуждать, удастся ли Штеффи выиграть в сезоне «Большой шлем». Они чуть-чуть торопились. Папа Петер не планировал еще такого успеха.

В финале Уимблдона-87 Мартина Навратилова нашла слабую точку в игре юной соперницы — та не любит мячи, посланные под левую руку.

...В начале 1988 года Маргарет Корт заявила, что не сомневается в том, что Штеффи Граф в ближайшем будущем удастся повторить ее успех. Правда, Корт при этом оговорила одно условие: «Для этого она должна оставаться всегда хладнокровной. Она часто волнуется. Думаю, что сейчас самая большая ее проблема — оказываемое на нее психологическое давление в ФРГ со стороны общест-венности, болельщиков и средств информации». А затем Корт поделилась и другим впечатлением о юной теннисистке: «Она чем-то напоминает меня — так же серьезно во время игры. При подаче она, как мы делали раньше, держит в руке два мяча. Мне она симпатична».

В середине сезона-88 та же Корт сказала:

— Штеффи сейчас с физической точки зрения силь-

нейшая в мире. Она и до этого сезона обладала высокой техникой, но, прибавив в «физике», сразу вырвалась вперед. Это дает ей возможность варьировать тактикой во время игры. Теперь она часто выходит к сетке, а не находится постоянно, как это было раньше, у задней линии. Я предчувствую, что у нее блестящее будущее и что она сумеет побить многие из существующих ныне рекордов...

Петер не расстанется с дочерью ни на миг, в этом нам довелось убедиться в Сеуле. Он и два телохранителя были свитой Штеффи и ее защитой от поклонения фанатиков и любителей автографов.

Но, несмотря на все это, Штеффи — нетипичная звезда. Она крайне редко и неохотно участвует в рекламе, в отличие от своей постоянной соперницы аргентинки Габриэлы Сабатини. Редко можно увидеть ее и на каком-нибудь шоу, в обществе. Словом, Штеффи отклоняет практически все деловые предложения и светские приглашения. Всем развлечениям она предпочитает теннис, и если сама не играет, то с удовольствием наблюдает за игрой других. Кстати, тренировки Штеффи привлекают множество любителей и специалистов, но она предпочитает проводить их «при закрытых дверях» и никогда не тренируется с женщинами — не хочет давать соперницам шанс адаптироваться к своей манере игры.

Какова же она на корте? Наиболее точно это определила знаменитая в прошлом американская теннисистка Билли-Джин Кинг:

— Она — настоящая чемпионка. Штеффи стремится к совершенству, постоянно горит желанием улучшить игру. А в игре делает все, чтобы перевести ее в удобное для себя русло. Мы часто видим, что ее соперницы ошибаются, но тем и отличаются великие игроки, что они заставляют вас ошибаться. С первого раза, когда я увидела ее четыре года назад, мне стало ясно — она из плеяды великих. Штеффи была, как Бэмби, на длинных ножках, но, увидя ее удар справа, я уже знала, что мячи, которые летели в аут, через пару лет будут точно ложиться в цель. А кроме того, она любит играть в условиях острого соперничества — это для нее как бы вызов...

В 1988 году на центральном корте Уимблдона Штеффи снова встретилась с Навратиловой и уверенно принимала любя мячи, а ее удары ставили именитую соперницу в тупик.

— Она играла гораздо лучше. Я не думала, что она

сможет настолько улучшить свою игру, — сказала Навратилова. При этом воздадим должное Мартине, которая не стала говорить об упущенных возможностях, а нашла в себе мужество признать силу соперницы. Та же Навратилова отметила скоростные качества Граф такими словами:

— Я хорошо билa с лёта, но она успевала ко всем мячам. Другие их даже не могли бы достать, а она не только «вытягивала», но и выигрывала очки ответными ударами...

Граф стала первой немецкой спортсменкой, которой удалось выиграть Уимблдонский турнир после 1931 года, когда здесь первенствовала Силли Ауссем.

Теннисист чувствует возможность своего успеха или поражения в разные мгновения. На Уимблдонском турнире Штеффи поняла, что выиграет финал, когда, переживая дождь, соперницы сидели в раздевалке:

— Я увидела Мартину, — сказала Штеффи, — она выглядела сникшей, она не могла расслабиться. И я подумала, что ей будет нелегко вернуться в игру...

После Уимблдона стало ясно, что Штеффи может выиграть «Большой шлем». Но сколько спортсменов были всего на один шаг от финиша и... проигрывали. Играть, зная цену каждого очка, — тяжелейшее испытание. Незадолго до начала открытого чемпионата США Штеффи призналась, что ей «трудно выбросить «Большой шлем» из головы. Все думают и говорят о нем, задают одни и те же вопросы».

И все же сразу после окончания чемпионата США Граф отправилась в Сеул — это было ее давним решением. Она приняла его еще в 1984 году, когда выиграла первое место на пробном Олимпийском турнире в Лос-Анджелесе.

— Хотя это и будет трудно — играть сразу после одного турнира другой, тем не менее я буду стремиться к победе и там, — заявила девушка, удивляя всех своим спокойствием и хладнокровием.

Ее можно сравнить с покорившим Эверест альпинистом, который стоит на высшей точке планеты и озирается вокруг в поисках новой вершины — повыше.

А сама Штеффи так ответила на традиционный вопрос о своих дальнейших планах на пресс-конференции в Сеуле:

— Часто люди не понимают меня. Не понимают, что я гонюсь не за титулами или за тем, чтобы быть первой ракеткой мира. У меня иная цель — играть как можно лучше. Но когда получаешь золотую медаль или выигры-

вашь «Большой шлем», все вокруг выглядит более приятным, улучшается настроение. Вот почему я хочу добиться наибольшего совершенства в игре. Мне кажется, это единственный и самый лучший мотив, чтобы тренироваться по шесть часов в день.

Кстати, несмотря на юные годы и огромные соревновательные нагрузки, Штеффи пробует себя и на тренерском поприще. Правда, ученик у нее пока один — младший брат Михаэль. Но к своим наставническим обязанностям она относится чрезвычайно серьезно. Достаточно, наверное, сказать, что после открытого первенства США никто не надеялся увидеть ее в Брюле уже через несколько часов. Тем не менее ровно в десять утра она сидела на трибуне брюльского теннисного клуба.

— Как я могла опоздать, — говорит Штеффи. — Ведь должен был играть Михаэль.

Успехи Граф на мировой арене «подогрели» теннисный бум, вспыхнувший в ФРГ после побед Бориса Беккера. Федеративная Республика Германии стала одной из ведущих теннисных держав мира, где в лучах теннисных суперзвезд засверкали новые юные дарования. Но все же главная любимица болельщиков — блистательная и расудительная Штеффи. Где бы она ни выступала, весь Брюль бросает свои дела и приникает к экранам телевизоров.

Такое время особенно любит шеф местной полиции. Он утверждает, что именно тогда он может спокойно отдыхать. В эти часы в городе не было еще ни одного правонарушения.

Итак, еще раз воздадим должное главным героям этой книги — пятерке обладателей «Большого шлема». Но ведь история тенниса, как и история «Большого шлема», знает имена еще многих и многих великолепных игроков, при упоминании о которых часто употребляют слова «легендарный», «великий». По разным причинам они не сумели добиться того, что удалось Баджу, Лейверу, Конноли, Смит и Граф, но блистали на мировом теннисном небосклоне тоже очень ярко.

Болельщики в любом виде спорта в любой стране примерно одинаковы: поговорка «О вкусах не спорят» — не для них. В дискуссиях на тему «кто есть кто» или «кто был кто» на футбольном поле или теннисной площадке часто сталкиваются непримиримые мнения и оценки разных поколений любителей спорта. И от болельщика со стажем, вспоминающего старые добрые времена, проведенные им на трибуне, можно услышать, что игра нынче не та, что, мол, «были люди в наше время...»

Сравнение мастерства теннисистов разных эпох и поколений — задача и трудная, и неблагоприятная, а точнее сказать — нереальная. Но в теннисном мире до сих пор не проходит ностальгия по таким именам, как, например, Фрэд Перри, Панчо Гонзалес, Кен Розуолл, Мария Буэнно, Билли-Джин Кинг...

Трудно предположить, что они смогли бы победить, выйдя на корт против Ивана Лендла, Бориса Беккера, Джона Макинроя, Мартины Навратиловой или Штеффи Граф, которые уже тоже вошли в список легендарных чемпионов. Предлагаемая нами шеренга корифеев корта всех времен и народов справедливо может показаться неполной и субъективной. Но здесь уместно будет привести афоризм Козьмы Пруткова — «Нельзя объять необъятное».

О многих спортсменах, которым будут посвящены сле-

дующие страницы, авторы только слышали, кое-что читали. С другими имели, как говорится, общих знакомых, некоторых удалось повидать в «деле» и проинтервьюировать.

Предлагаем вам пройти по своеобразной галерее теннисной славы, увешанной портретами чемпионов прошлого и настоящего.

Билл Тилден

Многие годы отделяют нас от той поры, когда на мировых кортах блистал человек, ныне открывающий галерею звезд мирового тенниса. Поэтому пришлось обратиться к материалам разных лет, прежде всего американской печати. Однако обойти молчанием это имя невозможно.

Когда он выходил на корт в неизменных элегантных белых брюках и белой рубашке, то из-за своей худобы казался еще выше, чем был на самом деле. Билл Тилден играл для зрителей, не стесняясь показывать свое недовольство ошибкой судьи, и выглядел обескураженным, когда сам делал ошибки. Иногда Вильям (это его полное имя) играл слабо и проигрывал сопернику первые два сета. Но именно в тот момент, когда многим казалось, что он уже «побит», спортсмен выливал себе на голову кувшин холодной воды, вновь выходил на корт и ... побеждал.

Американец Билл Тилден был, быть может, наиболее драматичной и привлекательной фигурой в мире тенниса в начале века. Некоторые считают его величайшим игроком в истории этого вида спорта. Не будем опровергать эту легенду, как говорится, поверим на слово тем, кто видел Тилдена на площадке в его лучших матчах.

Он родился в состоятельной семье в Филадельфии в 1893 году. Когда Билл начал играть в теннис в клубе неподалеку от дома, то многие говорили, что у него талант. Но в юности на соревнованиях со сверстниками он не выигрывал. У него была репутация человека малообщительного, даже странного. О таких говорят — «себе на уме». Когда он был первокурсником в колледже, умерла его мать. Это печальное обстоятельство сделало Билла еще более замкнутым, он бросил учебу, в течение года редко выходил из дома, слушая пластинки и мечтая о карьере актера. Он не успел прийти в себя, как в течение нескольких месяцев один за другим умерли отец и единственный

брат. Жизнь Билла снова на долгое время приобрела траурную окраску.

В 23 года молодой человек принял важное для себя решение — стать лучшим теннисистом мира. Другие в этом возрасте уже были чемпионами, а он только начинал.

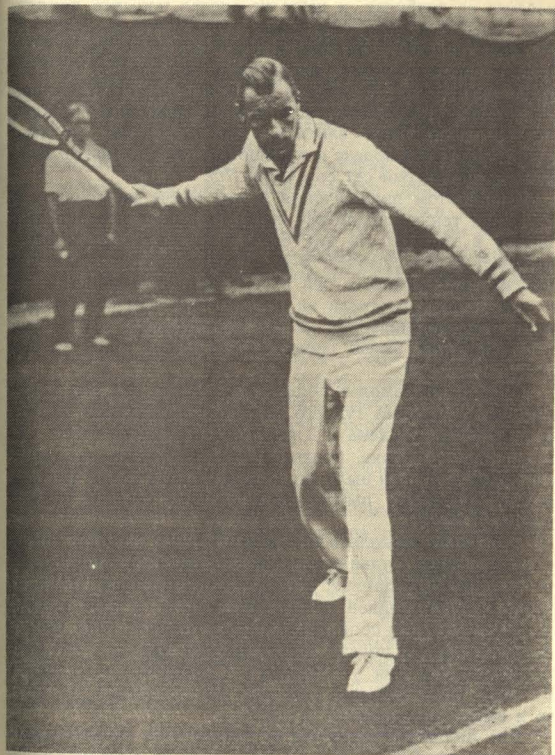
В 1916 году он записался на чемпионат США в Форест-Хиллсе и вылетел из него в первом же круге. Год спустя дошел до четвертьфинала, в 1918-м — до полуфинала, в 1919-м в финале проиграл со счетом 0:3 Биллу Джонстону, который добился успеха в этой встрече, направляя мяч сопернику под левую руку.

Когда у человека есть высокая цель, он готов жертвовать многим для ее достижения. Всю зиму Билл использовал любой свободный час для того, чтобы тренировать удар слева. Он предлагал играть кому угодно, но ставил условие — бить ему под левую. Мало-помалу его удар улучшался, и к весне он был уже достаточно хорошим. В июне Тилден приплыл в Старый Свет, включился в Уимблдонский турнир и в финале без больших трудностей победил тогдашнего фаворита — Джеральда Паттерсона. В конце лета он снова дошел до финала в Форест-Хиллсе и снова встретился с Биллом Джонстоном. Публика окрестила их Большой Билл и Маленький Билл. Дело в том, что Джонстон был сантиметров на 15 ниже Тилдена. Сохранилось описание одного из наиболее драматичных матчей, сыгранных в Форест-Хиллсе, причем не только самой игры.

...Около 10 тысяч зрителей заполнили деревянные трибуны. В первом сете Большой Билл победил легко — 6:1. Но второй с таким же счетом выиграл Маленький Билл. Третий сет — за Тилденом — 7:5, и, казалось, четвертый

Билл Тилден. Теннисная «легенда»
20-х годов

также будет его. При счете 5:4 Тилден вел 30:0 на подаче Джонстона. Но тому удалось сделать 30:30, а затем отыграть матчбол. В дальнейшем Джонстон сумел выиграть гейм.

В тот теплый день синоптики предсказывали дождь, и во время розыгрыша очередного очка с неба на землю устремились струи воды. Зрители поспешили в укрытие, а Тилден решил, что судья остановил игру из-за беспо-

койства на трубунах, и даже не сделал попытки принять мяч соперника после его удара. Но арбитр заметил, что не давал никакого сигнала, и присудил очко Джонстону. Тилден спорил, кричал, жестикулировал, злился, но... все было бесполезно. А встреча была все-таки остановлена. Когда дождь прекратился и игроки вернулись на корт, Тилден, продолжая злиться, трижды сделал двойные ошибки на своей подаче и в конце концов Маленький Билл выиграл четвертый сет со счетом 7:5.

Но на этом приключения в том матче не кончились. Во время теннисных встреч судья на вышке нередко призывает к тишине. Но как быть, если над кортом вдруг начинает летать самолет? В 20-е годы аэропланы были для многих диковинкой, и оба игрока останавливались и некоторое время смотрели на него, прежде чем возобновить игру. Самолет появился на высоте примерно 150 метров над трибунами, затем, сделав новый заход, пролетел еще ниже.

Маленький самолет появился в третий раз над комплексом, но ровный гул его моторов неожиданно сбился. Все, включая Тилдена и Джонстона, взглянули вверх. Самолет вошел в пике, пролетел над трибунами на высоте полсотни метров, и было видно, как из его кабины высовывается фотограф, пытающийся сделать снимки игры с птичьего полета.

Еще через несколько мгновений метрах в 300 от кортов раздался взрыв. Судья испугался, что авиакатастрофа вызовет на трибунах панику, и обратился к игрокам: «Можете продолжать?» Тилден понял, что многое в этот момент зависит от него и соперника, кивнул головой, взял мячи и пошел на линию подачи. Когда зрители увидели, что матч продолжается, они успокоились. Спокойным выглядел и Большой Билл, который уверенно контролировал ход матча и выиграл решающий сет 6:3.

Два Билла еще пять раз встречались на национальных чемпионатах, и каждый раз победа была на стороне Тилдена. Тилдену удалось ввести элемент возбуждения в теннис. Его драматичное поведение на корте сделало популярными как игру, так и самого теннисиста. Даже те, кто никогда не интересовался теннисом, стали приезжать на турниры, чтобы посмотреть, как он играет.

А сам спортсмен, которого журналисты называли «Мистер Теннис», сказал однажды:

— Если зрители оказывают честь игроку, присутствуя

на его матче, он обязан стараться играть свободно, охотно и весело, ибо только так он может отплатить зрителям за оказанную ему честь...

В команде за Кубок Дэвиса Тилден и Джонстон были партнерами и друзьями. Они сумели привезти «салатницу» в Америку в 1920 году, а затем в течение шести лет отвоёвывали ее у претендентов.

Только в 1927 году, когда Тилдену было уже тридцать четыре года, они с Джонстоном проиграли французам. В 1930 году Тилден вновь появился на кортах Уимблдона и выиграл чемпионат в 37 лет — он остается самым старшим игроком, которому удавалось выиграть этот титул. Он был сильнейшим на кортах Англии также в 1920 и 1921 годах.

В 1931 году Большой Билл стал профессионалом и начал ездить по США, играя с другими бывшими чемпионами, которые старались заработать себе на жизнь с помощью тенниса. Говорят, что Тилден даже в 50 лет мог поспорить с любым игроком мира в матче из трех партий. Он написал книги об игре и сделал первые учебные фильмы.

Тилден старался, и умел это делать, быть любимцем публики и актером на корте. История тенниса помнит его великолепные матчи против французских чемпионов Анри Коше, Рене Ланкоста и Жана Боротра, где соперники были достойны друг друга.

«Мистер Теннис» был не против того, чтобы при жизни (он умер в 60 лет) о нем слагались легенды, в которых рассказывалось, в частности, о том, что он — заядлый курильщик, а перед ответственным матчем, как правило, заправляется огромным бифштексом. Но один факт бесспорен — при атлетическом телосложении Тилден играл очень легкой, почти женской ракеткой.

Последнюю свою книгу о теннисе он посвятил прославленному сопернику — Вильяму Джонстону.

В то время игроки должны были быть любителями, чтобы получить право играть в важных турнирах — денежных призов они не получали. Тилден зарабатывал тем, что писал о теннисе для газет. Кроме того, он секретно получал большие суммы за то, что появлялся на некоторых турнирах, где его имя привлекало зрителей. Хотя Билл и принимал эти платежи, но неоднократно высказывался против бесчестной системы. Он был адвокатом открытого тенниса, в котором профессионалы и любители

могли бы играть вместе. Но до времени открытых чемпионатов он не дожид.

Джек Кроуфорд

Джек Кроуфорд мог бы стать одним из самых главных персонажей в рассказе об истории «Большого шлема». Он был близок к нему, как никто другой — на расстоянии всего одного сета.

В 30-е годы Кроуфорд по праву завоевал репутацию лучшего австралийского игрока и одного из самых популярных в мире, был известен и громкими победами, и красивой манерой игры. Он выходил на корт неизменно аккуратно причесанным на прямой пробор, в кремовых брюках, приталенной льняной рубашке с застегнутыми на пуговицы рукавами. Правда, когда Джек тщательно заворачивал правый рукав выше локтя, все знали, что в ответственном матче дело дошло до критической точки.

Он двигался по корту с неторопливой грациозностью и элегантностью, казалось — парил, а не мчался к мячу и бил по нему так, что это выглядело, словно Джек не прикладывал никаких для этого усилий, а просто подставлял ракетку. Вел себя на корте он настолько по-джентльменски, что дружелюбный австралиец имел друзей, кажется, во всем мире.

Начал играть в теннис Джек на семейном корте позади фермы в городке Альбери, где, кстати, родилась и Маргарет Смит. В те годы в Австралии у фермеров было принято выстригать лужайку, разметать ее на квадраты, не очень заботясь о гладкости поверхности, натягивать между столбиками некое подобие сетки и гонять мяч. На таком «стадионе» и рос будущий чемпион. Джеку было 12 лет, когда семья переехала в пригород Сиднея, где поблизости не было теннисной площадки, и в течение двух лет он был лишен возможности играть.

Но в 18 лет Кроуфорд выиграл титул чемпиона Австралии среди юниоров, а в 20 выступил в полуфинале главного чемпионата Австралии, но проиграл прибывшему из Франции Жану Боротра, в то время четвертой ракетке мира. После матча француз заявил, что еще не видел столь многообещающего молодого игрока.

Однако в молодости Кроуфорд часто стремился не только к победам над соперниками, но и, так сказать, к

мирским удовольствиям, предпочитая их упорным тренировкам. Для многочисленных друзей, окружавших талантливого спортсмена, Джек был легким на подъем, любил светскую жизнь, но при этом, к сожалению, страдал от астмы. Женитьба заставила его вести более дисциплинированную жизнь, и занятиям на корте он стал уделять больше времени.

В 1930 году, совершив далекое путешествие в Англию, Кроуфорд добился первого успеха на Уимблдонском турнире, победив в соревновании смешанных пар с Банни Райан, также теннисисткой Зеленого континента. В паре, как и в одиночных состязаниях, он придерживался игры на задней линии, а партнерша с энтузиазмом перехватывала мячи у сетки. Так что в теннисном мире их прозвали Райан и мисс Кроуфорд.

В чемпионатах страны в 1931—1933 годах Джек был явно выше по классу игры, чем другие участники, и после побед на родине вместе с супругой отправился в длительное турне в Европу. Он завоевал титул чемпиона Франции 1933 года, выиграв в последних трех кругах у всех соперников с одинаковым счетом партий 3:0, и оказался первым иностранцем, добившимся триумфа на кортах «Ролан Гаррос».

Затем наступила очередь Уимблдонского турнира, где главным соперником Джека считался молодой американец Элсворт Вайнс, посеянный в турнирной таблице под первым номером. Они уверенно продвигались к финальному матчу. По мнению многих экспертов, теннисисты в тот день разыграли один из самых впечатляющих поединков в истории Уимблдона. Он продолжался почти четыре часа. На стороне Вайнса были «пушечные» подачи, агрессивность, а Кроуфорд отвечал элегантной игрой с задней линии.

Первый сет был за Вайнсом — 6:4. Во втором Кроуфорд с большим трудом перехватил инициативу и выиграл — 11:9. В третьем австралиец уверенно доминировал — 6:2. Однако соперник дал понять, что еще не все потеряно, и выиграл четвертый сет с таким же счетом. До последнего момента никто не мог предсказать результат встречи.

В спорте огромное значение имеет элемент неожиданности. Вспомнив об этом, Кроуфорд в гейме, который оказался последним, буквально парализовал американца неожиданными выходами к сетке и резкими атаками. И хотя

подача была у Вайнса, Джек выиграл этот гейм, как говорят, всухую. В итоге счет пятого сета стал 6:4.

Впервые, как мы уже говорили, термин «Большой шлем» появился в газете «Нью-Йорк таймс» перед началом финала в Форест-Хиллсе. И другие газеты писали в превосходных степенях о главных звездах чемпионата США Джеке Кроуфорде и англичанине Фрэде Перри. После первых трех сетов перевес был на стороне австралийца — 3:6, 13:11, 6:4. Так что ему нужно было выиграть лишь одну партию, чтобы стать первым обладателем «Большого шлема». Увы, судьба в этом поединке «играла» против него. В разгар борьбы он сломал свою любимую ракетку, а сырая погода обострила астму. Считают, что ошибкой было и его решение использовать десятиминутную паузу для отдыха на трибуне рядом с женой, в общении с болельщиками. Перри же за это время успел принять душ. Продолжив матч, который для австралийского теннисиста мог стать историческим, посвежевший англичанин закончил борьбу удивительно легко — 6:0, 6:1.

В 1989 году отмечалось 80-летие Фрэда Перри. Его чествовали в разных странах. Он побывал и в Форест-Хиллсе и с удовольствием вспомнил о том замечательном матче. А в те исторические для мирового тенниса времена спустя несколько месяцев Перри лишил Кроуфорда и титула чемпиона Австралии.

В 1935 году Джек решил предпринять новую попытку в погоне за «Большим шлемом». В Мельбурне в день финала чемпионата Австралии 12 тысяч зрителей заполнили все места на срочно сооруженных дополнительных трибунах, чтобы посмотреть, как «джентльмен Джек» в очередной раз будет сражаться с Перри. Кроуфорд, к радости соотечественников, показал свою лучшую игру. Его длинные и точные драйвы удерживали английского мастера ракетки от попыток выйти к сетке. Даже известный удар англичанина справа по восходящему мячу не мог вывести его вперед. В итоге Кроуфорд стал в четвертый раз чемпионом Зеленого континента, победив со счетом 2:6, 6:4, 6:4.

Но это был последний большой успех «без пяти минут» обладателя «Большого шлема». Он мог утешить себя лишь тем, что взял реванш у своего главного соперника, поединки с которым украшали мировой теннис тех времен и который не дал ему возможности завоевать «Большой шлем».

В 1924 году непобедимая Сюзанна Ленглен приехала в Уимблдон в компании двух соотечественников. Одного из них звали Жан Боротра, другого Рене Лакост. Нисколько не смущаясь и не взирая на признанные авторитеты, оба они вышли в финал, и Боротра стал первым французом, выигравшим чемпионат на английских кортах.

На следующий год они снова встретились в решающем поединке, но победа досталась Лакосту, только что отметившему свое 20-летие. Боротра довольствовался первенством в миксте с Ленглен, и чемпионками среди мужских пар тоже оказались французы — Анри Коше и Жак Брюньон. Эта четверка в дальнейшем совершила немало теннисных подвигов и вошла в историю как команда «мушкетеров». Но, объединившись в дружную четверку, которая принесла Франции шесть побед в Кубке Дэвиса, каждый из этих спортсменов создал и свой неповторимый образ на мировой теннисной сцене.

— Наше медленное восхождение к Кубку Дэвиса, — вспоминал Лакост, — началось в конце войны 1914—1918 годов. Начиная с 1922 года Боротра, Коше и я, а мы в одиночной игре были сильнее Брюньона, стали помогать друг другу своим соперничеством. Мы были полны решимости заплатить за победу полной ценой — в течение пяти лет каждый день по три-четыре часа зимой и летом проводили на корте, порой играли и два раза в день. Я больше помню о том, с каким трудом изменял положение большого пальца на ручке ракетки, чем об овациях зрителей...

Брюньон прославился как блистательный парный игрок. Он имел отличную подачу, в дуэте действовал разнообразно и артистично, но, самое главное, изумительно «чувствовал локоть» партнера. Во многих спортивных играх — футболе, хоккее, гандболе, волейболе ценятся как бомбардиры, так и разыгрывающие. Так вот Брюньону отлично удавалось амплуа «подносчика патронов», он искусно и грамотно разыгрывал мяч, выводя Коше или Боротра на эффектный завершающий удар. Брюньон четыре раза выигрывал парный Уимблдон — по два раза с Коше и Боротра.

Три других «мушкетера» добились славы и как мастера одиночных баталий: они по два раза побеждали в Уимблдоне, Коше и Лакост дважды первенствовали в чем-

пионате США, Боротра был лучшим в чемпионате Австралии. Свой «домашний», французский турнир на «Ролан Гаррос» Коше выиграл четырежды, Лакост — трижды, Боротра — один раз.

Теннис принято считать индивидуальным видом спорта, а четверка блистательных французов, пожалуй, впервые продемонстрировала заложенный и в этой игре привлекательный дух командного взаимодействия, взаимопонимания и поддержки, который выражен в девизе мушкетеров из романа Дюма — «Один — за всех и все — за одного».

И спустя много лет после того, как Боротра, Коше, Лакост и Брюньон зачехлили свои грозные ракетки, они оставались всеобщими любимцами, овеянными ореолом национальных спортивных героев. Даже такие современные звезды, как Яник Ноа и Анри Леконт, не могут вытеснить из сердец посетителей «Ролан Гаррос» воспоминания о дружной четверке золотой поры французского тенниса.

Мы хотим привести отрывок из статьи, опубликованной в одном французском журнале и посвященной «мушкетерам». В ней, в частности, цитируется такое высказывание Рене Лакоста:

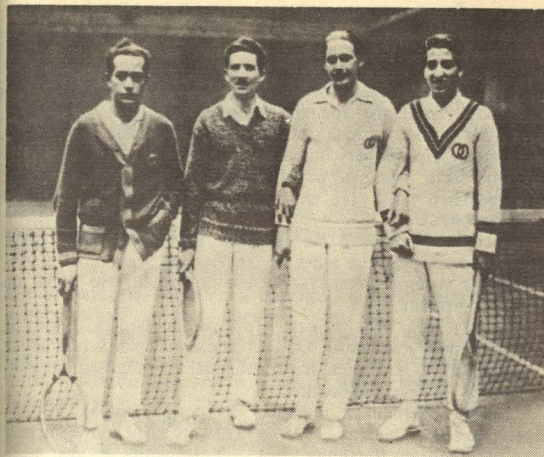
— Прежде всего давайте не забывать, что теннис — это только игра, в которой более или менее сильно надо ударить ракеткой по мячу. Каким бы в отдельные минуты ни был энтузиазм общественности либо печати или же наш собственный, будем говорить об этой игре с определенной сдержанностью и не теряя представления об относительных ценностях...

Унизительно, говорил великий Тилден, терять голову и приходить в восторг из-за двух людей, которые посылают друг другу мячи через сетку. Выдающийся американский игрок, неоднократный триумфатор Уимблдона, был дружен с литератором-соотечественником Самюэлем Мэрвином.

— Я смущался, когда видел, что люди устремляются ко мне и не знают, кто такой Мэрвин, — говорил Тилден. — Я отдал бы все свои теннисные знания за умение написать новеллу, которая стоила бы одного из его произведений...

Французский журналист Дени Лалан в одной из статей пишет:

— Не следует скрывать, что «Ролан Гаррос» в мае превращается в место, где у лауреата Нобелевской

Слаженный квартет французских «мушкетеров»

премии по литературе гораздо больше шансов остаться незамеченными, чем у безвестного болтуна с телевидения или у 67-й ракетки мира по классификации компьютера Ассоциации профессионального тенниса.

Анри Коше всегда насмешливо и скептически относился к проявлениям спортивного идолопоклонства. Самое тщеславное заявление, которое он сделал на свой собственный счет, было следующим:

— Я кое-что смыслил в смехе...

Это было сказано с полным безразличием к тем восторгам, которые высказывались о его великолепном искусстве гасить свечку.

У Жака Брюньона скромность была еще более выраженной, но подобная добродетель в сердце чемпиона показалась бы совершенно бессмысленной, не отличаясь он максимумом боевитости и честолюбия на корте. Мы жестоко ошиблись бы в наших «мушкетерах», если бы полагали, что наслаждение жизнью, галантность или дружеские увлечения хоть в какой-то мере могли ослабить их дух турнирных бойцов. Напротив, эти совершенные джен-

тльмены были тиграми борьбы, рыцарями корта без страха и упрека.

Рене Лакоста, родившегося в Париже в 1905 году, специалисты признавали самым талантливым из четверки «мышкетеров». А ведь он занялся теннисом, чтобы поправить не слишком крепкое здоровье. И, уже став знаменитым игроком, продолжал свое физическое совершенствование. После регулярных тренировок на корте Рене можно было увидеть отрабатывающим удары у стены собственного дома (ее приходилось каждый год заново штукатурить).

Рассказывают, что он никогда не пользовался лифтом, а бегал вверх и вниз по лестницам, укрепляя мышцы ног, и любил посещать тех своих друзей, что жили на верхних этажах.

Лакост был прекрасным игроком на задней линии и очень тонким тактиком. Он вел досье на своих основных соперников. О нем писали: он «обладает холодным спокойствием и мужеством бойца».

Лакост одерживал победы на трех турнирах «Большого шлема». Между 1925 и 1929 годами он выиграл три чемпионата Франции, два — Уимблдона и два чемпионата США. Кроме того, он был лидером национальной команды, которая в 1927 году впервые привезла во Францию Кубок Дэвиса. Французы бесспорно владели почетным призом до 1932 года.

Последствия болезни, перенесенных в детстве, все же сказались, и Рене вынужден был уйти из большого тенниса слишком рано — в 24 года, в последний раз выиграв первенство в своем родном Париже.

Жизнь вне корта он посвятил производству спортивной одежды и остался живой легендой французского тенниса.

Теннис высшего класса всегда заключал в себе большие дозы психологического соперничества, и в этой области Жан Боротра был непревзойденным «дуэлянтом». Он постоянно строил соперникам ловушки тактического плана, усыплял их бдительность мнимой пассивностью и безразличием к исходу матча, а затем, преобравшись, ошеломлял бешеным темпом и одерживал победы. Боротра любил поразвлечь публику смешными выходками (в этом смысле его достойным учеником может считаться Джимми Коннорс), хотя сам при этом сосредоточивался. Подобные актерские импровизации прив-

лекали на его сторону трибуны и деморализовывали оппонентов.

Боротра родился в 1909 году в Басконии. И за ним укрепилось прозвище Скачущий баск — Жан обладал необычайной подвижностью и свои коронные удары у сетки выполнял в головокружительных прыжках. До того как стать чемпионом в теннисе, он увлеклся игрой басков «пилотой» и регби. В возрасте 14 лет он провел пару месяцев в Англии, совершенствуясь в языке, и во время этого визита познакомился с теннисом. Здесь по-настоящему и проявился его спортивный талант.

Во время первой мировой войны Боротра был командиром батареи, награжден орденом, его имя дважды упоминалось в сводках военных действий. После войны Боротра занялся учебой и получил степень юриста в Сорбонне и степень инженера после окончания еще одного элитного заведения «Эколь политехники». Все эти годы он увлекался теннисом и в 20-е годы стал одним из лучших мастеров Франции.

Большим игрокам обычно подражают, но никто не мог перенять совершенно необычную технику ударов Боротра, особенно удара слева, который он выполнял, выворачивая локоть, бил по мячу той же стороной ракетки, что и справа. И при этом Боротра был очень эффектен на корте. Коше в своей книге писал так:

— Его удар с лёта кистью, резкий и точный, являлся моделью. Но я не рекомендую копировать его. Он совсем неплох, наоборот, он превосходен, но ... только для Боротра...

А другой великий игрок-американец Билл Тилден, неоднократно встречавшийся с Боротра на корте, сказал:

— У меня нет ни малейшей возможности дать техническое описание манеры игры Боротра. Можно только сказать, что игра его ослепительна, это действительно игра, а не труд и не ремесло...

В поездках по белу свету Боротра успевал совмещать соревнования с решением деловых вопросов фирмы, которую он представлял и деятельность которой была связана с добычей нефти. Так, приехав на чемпионат Австралии, он начал с того, что предложил выгодные условия сотрудничества местным предпринимателям и, как писала австралийская пресса, еще до начала турнира «набрал несколько очков».

Боротра играл в беретах — головном уборе басков — и менял их по ходу развития матча. Он был мастером создания эффектных ситуаций: мог, делая вид, что достает уходящий за пределы площадки мяч, взбежать на трибуну и галантно поцеловать ручку приглянувшейся ему симпатичной зрительнице...

Анри Коше дважды приезжал в Советский Союз — в 1936 и 1937 годах, посетил Москву, Ленинград, Киев, Тбилиси, Ростов-на-Дону, Саратов. Во время первого визита французский теннисист проводил показательные матчи с лучшими игроками нашей страны, а на следующий год в течение двух с половиной месяцев он руководил сбором примерно сорока наиболее способных советских теннисистов.

Среди тех, кто посещал «школу Коше», был и многократный чемпион СССР Борис Ильич Новиков. Он рассказывал:

— Приезды Коше стали большим событием для молодого тогда советского тенниса, практически не имевшего контактов с зарубежными коллегами. В Москве занятия проходили на площадках ЦДКА. С помощью переводчика Коше сначала проводил вступительную беседу, предлагая программу очередной тренировки. Затем он по тогдашней моде в белых брюках и с полотенцем на шее медленно переходил от одной площадки к другой, корректируя выполнение ударов своих подопечных.

Самое интересное начиналось тогда, когда француз назначал тренировочную встречу с кем-нибудь из нас. Такой чести удостоивались только Евгений Кудрявцев, Эдуард Негребеский и я. И в 36 лет он оставался в хорошей спортивной форме, отлично двигался и предугадывал многие «ходы» соперников. Насколько я помню, гость не проиграл нам за все время ни одного сета...

В газетах той поры мы нашли сообщение о некоторых встречах Коше с нашими ведущими теннисистами: у Негребеского он выиграл со счетом 6:3, 6:1, 6:2 за 41 минуту, у Новикова — 7:5, 6:2, 6:1 за 50 минут.

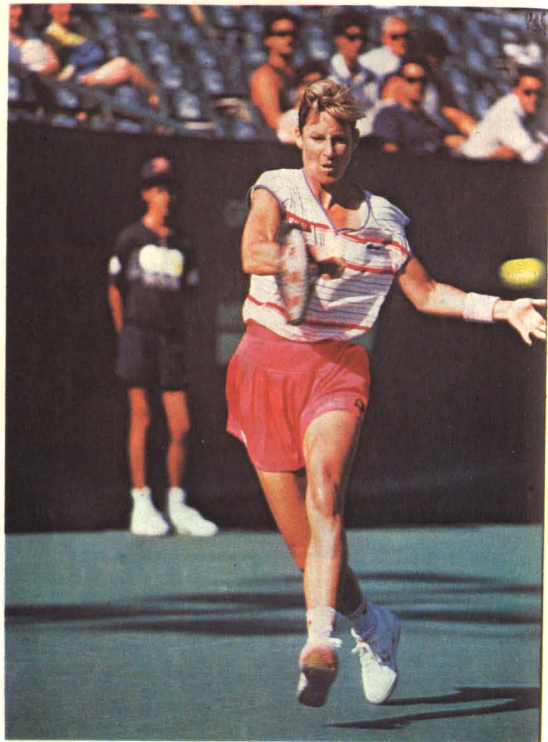
Ведущий теннисный обозреватель Борис Ульянов писал, комментируя выступление француза:

«Будучи блестящим техником, А. Коше по колориту своей игры всегда стоял, да и сейчас стоит несколько особняком от остальной группы мировых чемпионов ракетки.

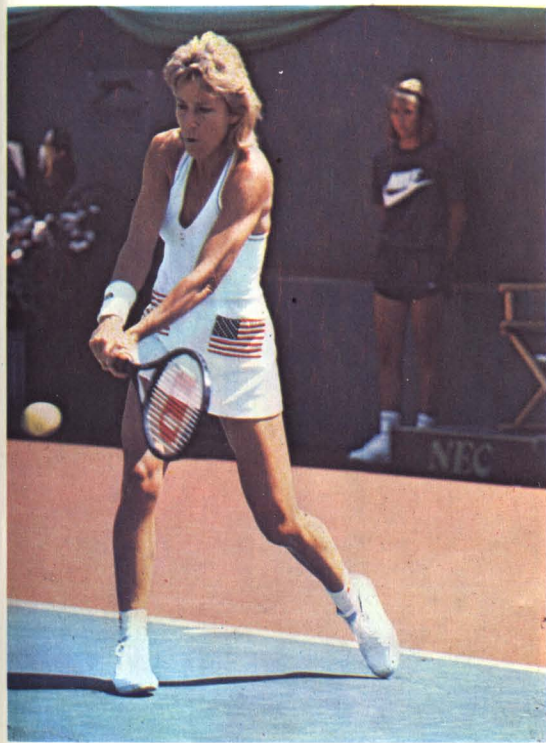

Фред Перри остался в Уимблдоне на века — небольшая бронзовая скульптура трехкратного чемпиона установлена здесь недалеко от входа в музей тенниса

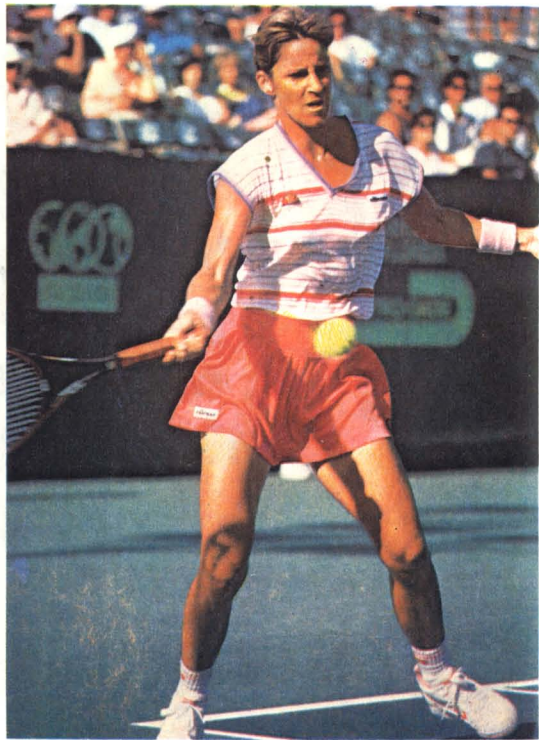

Крис Эверт — одна из тех, кто прожил долгую и яркую жизнь на корте

Главное «оружие» американки — удар слева двумя руками

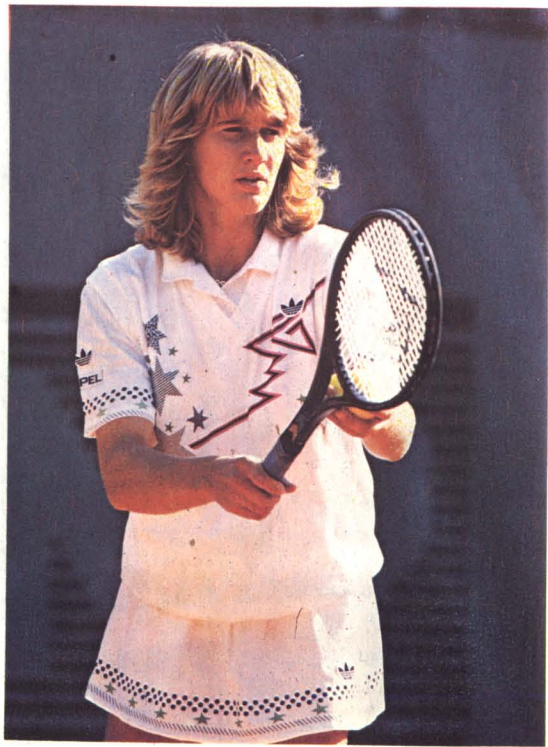

*Для Эверт не имело большого значения,
на каких кортах и на каком континенте она
играла...*

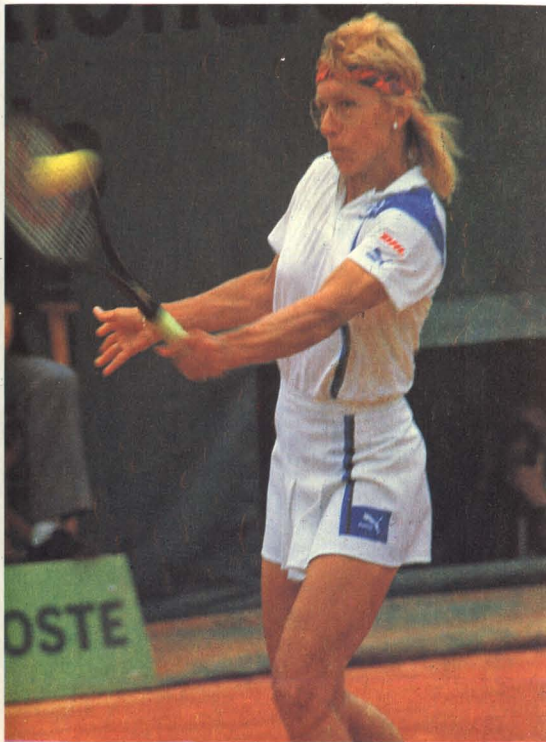

*Крис побеждала во всех четырех турнирах
«Большого шлема», но в разные годы*

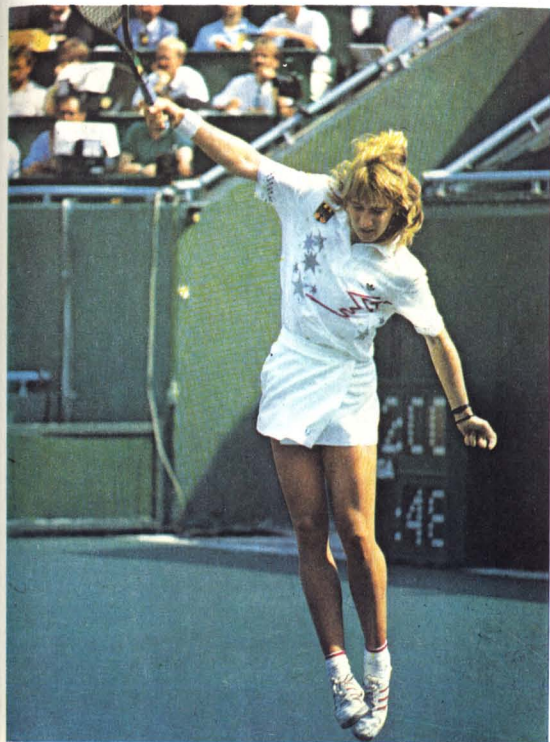
О Штеффи Граф говорят, что она не по годам серьезна. Но и завоевать «Большой шлем» — дело не шуточное

Мартина Навратилова была признана великой теннисисткой всех времен даже по окончании карьеры

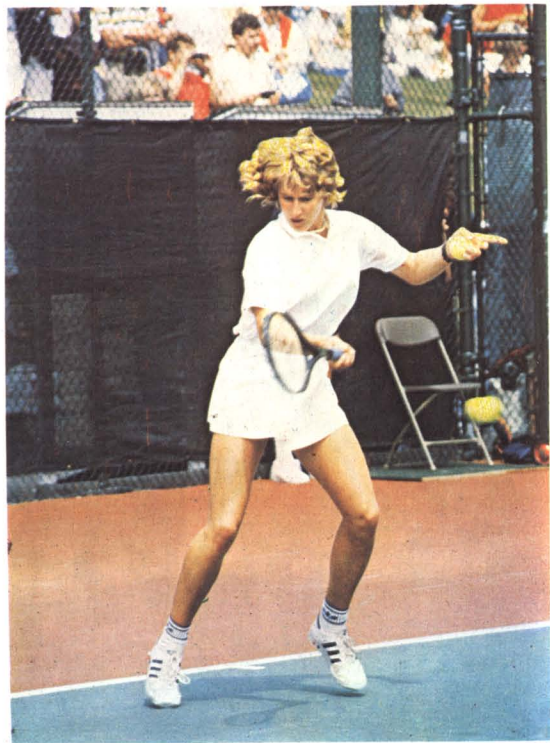

*Одной из сильнейших черт Навратиловой
являлось ее умение быть предельно
собранной в игре*

Штеффи Граф на... взлете

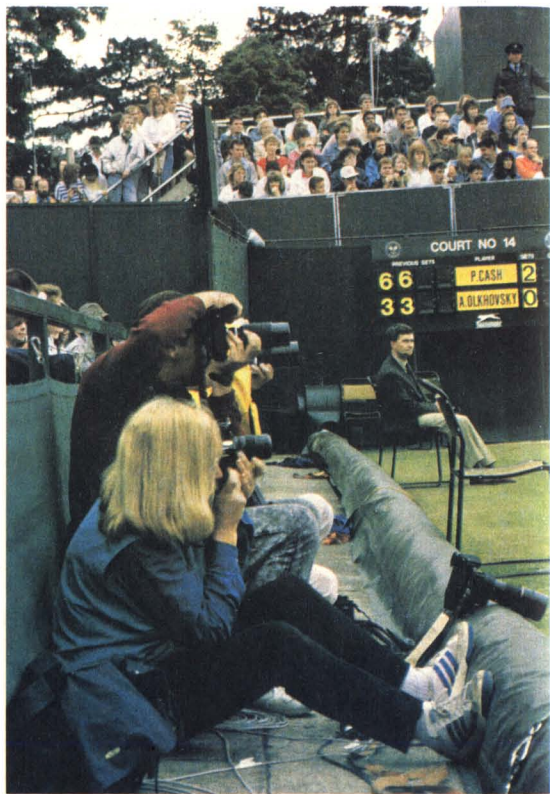

Любимый удар обладательницы «Большого шлема» — справа

Пока в активе Наташи Зверевой — участие в финале турнира «Ролан Гаррос». Все впереди!

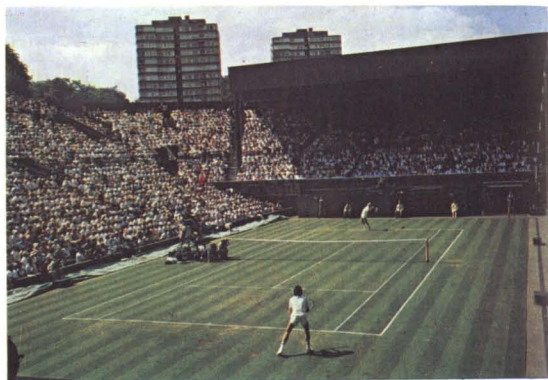

Теперь на Уимблдоне собирают зрителей
и матчи с участием наших теннисистов

Долгое время паре Мартина Навратилова —
Памэла Шрайвер не было равных соперниц

Так выглядят главные арены стадионов,
где проводятся турниры «Большого шлема»
и «Гран-при»

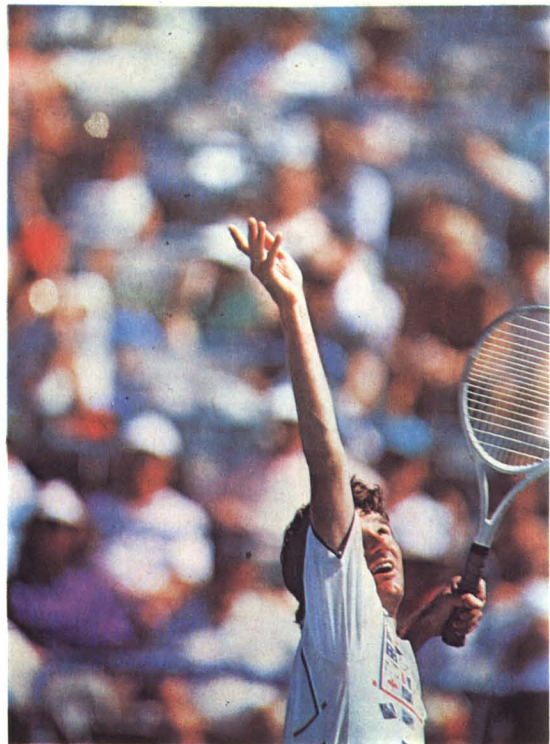

*Одна из отличительных особенностей
Беккера — постоянное движение вперед*

*Джон Макинрой — один из самых
неординарных теннисистов мира*

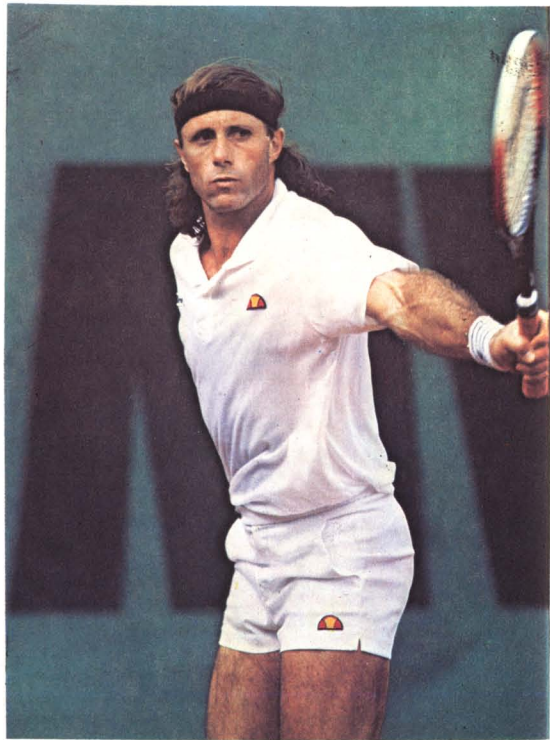

Они соперничали на самом высоком уровне.
Подает Коннорс... —

8

... принимает подачу Вилас

*Аргентинский теннис достиг своих
наивысших успехов в «эпоху» Гильермо
Виласа — теннисиста и поэта*

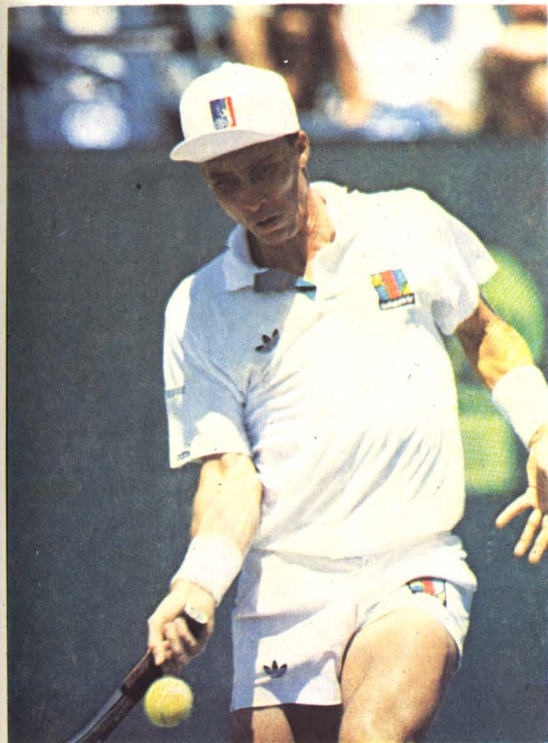

*Когда на корте Джимми Коннорс, трибуны
не пустуют*

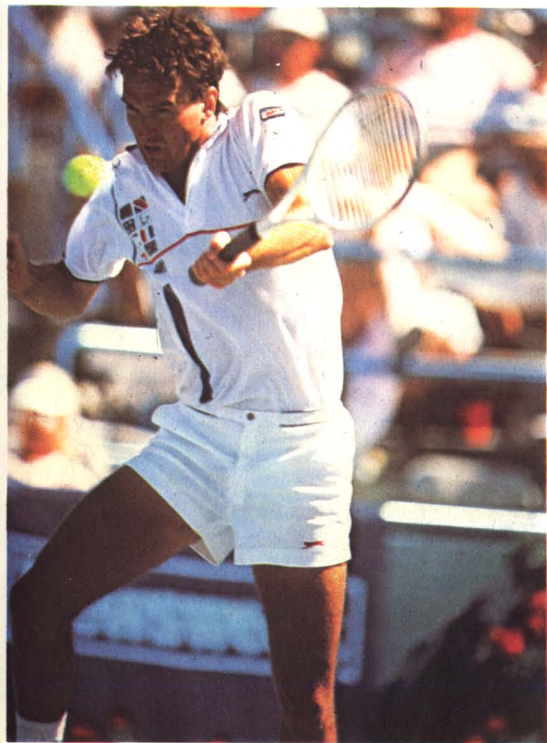
В 1985 году Борис Беккер стал самым юным чемпионом Уимблдона

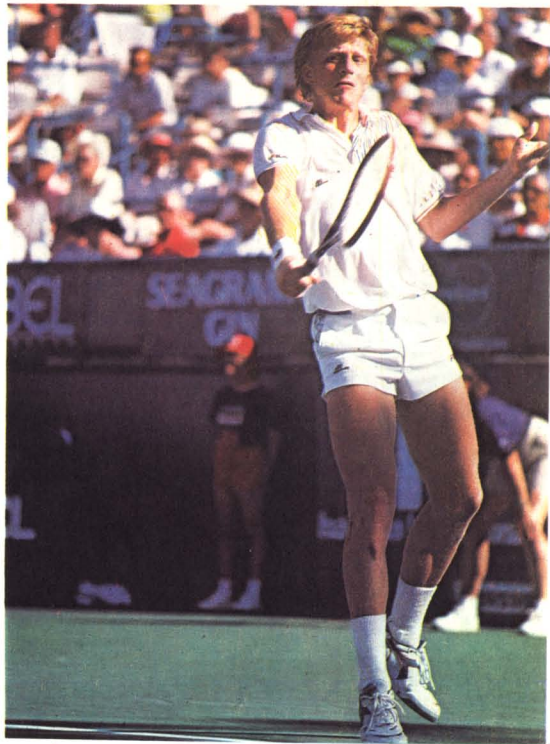
По лицу Лендла невозможно понять его внутреннее состояние. Однажды его сравнили со... Сфинксом

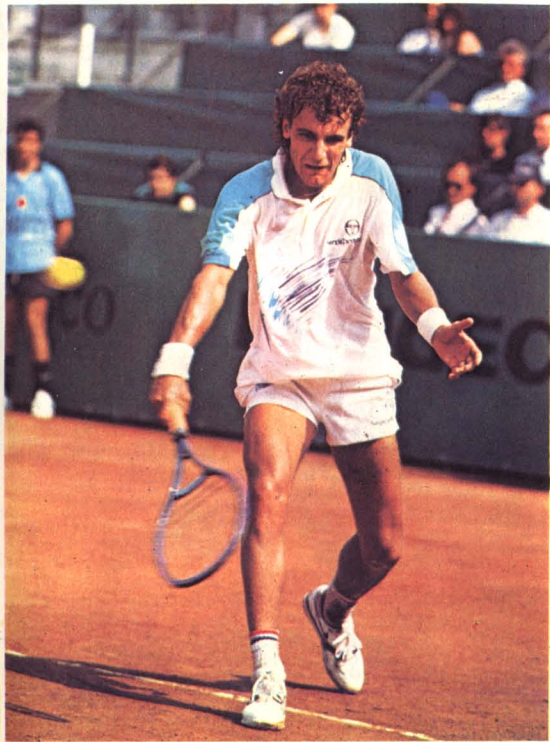
*Стать первой ракеткой мира необыкновенно
трудно и почетно. И Лендл и Коннорс
носили этот титул по праву*

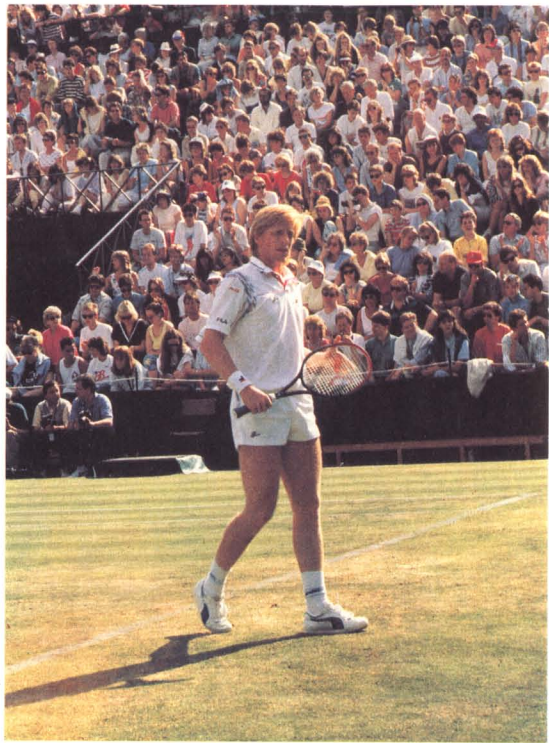

Сам Беккер, говорит, что его «фирменный» турнир — Уимблдон

В 1988 году Виландер покорил три вершины «Большого шлема», оставившись только в Уимблдоне

*Выход Беккера на корт всегда собирает
полные трибуны*

*Матс Виландер был признан наследником
Бьёрна Борга*

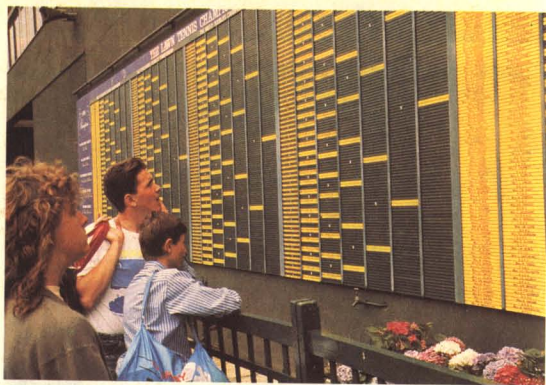

«Ближний бой» в теннисе выглядит так...

Пэт Кэш блеснул в Уимблдоне-87, но
развить этот успех не смог

На Уимблдоне турнирная «сетка» занимает целую стену

Его необычайно быстрые рефлексы, поражающие нас даже теперь, когда они, судя по откликам заграничной прессы (в связи с возрастом), значительно приуменьшились, позволили ему усвоить своеобразный стиль игры. Основное в ней — быстрота, осложненная для соперника необычайно быстрым выполнением удара. Главным его принципом является стремление как можно скорее пробить летящий мяч. Он почти никогда не дает ему времени подняться до высшей своей точки после удара о землю, беря его значительно раньше. Получаемая таким образом скорость ответов, сильно затрудняющая противника, придала его манере игры характер какого-то фокусничества. Вот это самое «трик-качество», доступное если не ему только одному, то, конечно, очень немногим, и придает игре А. Коше совершенно своеобразный, еще не повторенный колорит. Надо быть Коше, чтобы так играть».

Очень ценным вкладом в занятия нужно признать введение частых утренних подготовительных упражнений для укрепления мышц и внутренних органов. Часть этих упражнений была предложена самим Коше. Тут были упражнения на растяжение и расслабление, бег, прыжки и т. д. Все это должно теперь войти новым ценным комплексом в нашу дальнейшую теннисную учебу...

По общему мнению, «школа Коше» принесла большую пользу и посещавшим ее игрокам и тренерам. «А не обратиться ли к опыту более чем пятидесятилетней давности? — подумали мы. — Ведь большинство молодых наших игроков и их наставников продолжают «вариться» в собственном соку, о самых современных методах обучения в теннисных университетах они знают понаслышке.

Часто можно услышать о том, что за рубежом для оказания помощи в развитии того или иного вида спорта отправляются советские тренеры и специалисты. Можно только представить, с каким энтузиазмом был бы встречен приезд к нам со своей «школой» чехословацкого, шведского или американского теннисного специалиста.

Фред Перри

В Лондоне есть знаменитый и популярный среди туристов Музей восковых фигур мадам Тюссо. В числе его

экспонатов в компании королей, выдающихся политических деятелей, актеров, и других знаменитых людей можно увидеть и «как живого» Фрэда Перри, с которым, если посчастливится, вы окажетесь рядом и в толпе посетителей уимблдонского турнира. При жизни редко кому удавалось попасть в коллекцию мадам Тюссо, а те, кто знал Перри много лет назад, утверждают, что он, родившийся в 1909 году, с течением лет почти не меняется.

— Я никогда больше не встречал чемпионов, которые выглядели бы так по-чемпионски, как Фред Перри, — сказал как-то известный американский теннисист, организатор профессиональной группы Джек Крамер. Он имел в виду не только великолепные, сшитые по специальному заказу спортивные рубашки и подобранные к ним в тон безукоризненно отглаженные брюки, в которых появлялся на корте Перри и которые подчеркивали его элегантность. Образ чемпиона складывался для окружающих и из уверенности, спокойствия и солидности, которые исходили от этого высокого, широкоплечего, сильного атлета, прочно стоявшего на ногах и вызывавшего всеобщую симпатию.

Свой путь к вершинам мирового тенниса Перри начал, будучи уже чемпионом мира... по настольному теннису. Это звание он завоевал в 1929 году в Будапеште в возрасте 20 лет. Отец Фрэда был членом английского парламента от лейбористской партии. Но не принадлежность к высшим кругам общества привела его в теннисный клуб, хотя в те времена это был, безусловно, аристократический вид спорта и в Англии, и в других странах. Фред, видимо, родился спортсменом — жажда соревнования, соперничества, желание доказать сверстникам свое превосходство в физических упражнениях не давали ему покоя.

Кое-то считал, что молодой Перри слишком уж активен в своих действиях — истинный английский джентльмен должен был бы быть более сдержанным, даже если он устремился в путь за самыми громкими спортивными титулами. Олимпийское спокойствие он обрел позднее вместе с признанием его таланта и среди тех, кто стоял выше на общественной лестнице и вне спортивной арены, имел возможность демонстрировать свое превосходство.

Перри добился успехов, которых представители анг-

лийского тенниса не достигали со времен легендарных братьев Дохерти. В 1929 году он прошел через квалификационный турнир и попал в главную «сетку» Уимблдона, где продержался два круга. На следующий год Фрэда «остановил» в пятисетовом матче Колин Грегор — в то время британский теннисист номер один.

У Перри была привычка поздравлять своего оппонента с удачно сыгранным мячом, и это отличало его от большинства игроков, которые с раздражением воспринимали хорошие удары соперников.

К середине 30-х годов Перри «сконструировал» свой стиль игры (например, ударам по восходящему мячу он учился у Анри Коше), что позволило ему прослыть одним из лучших мастеров ракетки в мире. Его «коронным» был очень техничный и стремительный удар справа с одновременным движением вперед — теннисисты называют это ударом с ходу. Постичь секрет исполнения такого удара не удастся и сегодня многим сильнейшим теннисистам.

В Форест-Хиллсе англичанин не дал возможности австралийскому асу Джеку Кроуфорду продолжить свое восхождение к «Большому шлему», победив претендента в пяти сетах, выиграв 12 из последних 13 геймов.

В списке лучших матчей столетия значится поединок Перри с Доном Баджем в финале открытого чемпионата США 1936 года, который Фред выиграл со счетом 2:6, 6:2; 8:6, 1:6, 10:8.

Бадж характеризовал своего непримиримого соперника так:

— Перри обладает лучшей игрой у сетки, которую мне когда-либо приходилось видеть. Он силен не только своим уверенным смесом и ударом справа, но, глав-

Фред Перри. Без него нет истории мирового тенниса

ным образом, быстротой исключительной. Перри выходит к сетке после точно подготовленных ударов с задней линии и при этом редко упускает случай выиграть очко. Другое неприятное для соперников свойство игры Перри заключается в том, что, благодаря своей скорости, он все время торопит их, не дает возможности подготовиться или передохнуть между розыгрышами очков. Нужно иметь огромную выдержку, чтобы после трех-четырех партий, сопровождающихся такой «гонкой», сохранить равновесие в игре. Соперника Перри больше всего при этом раздражает его отличное состояние в течение всего матча и избыток неиссякаемой энергии...

Очевидцы вспоминают, что Перри замечательно владел христоматийно-классической комбинацией: «крос» справа, затем удар справа по линии и выход к сетке, где он со своим ростом был хозяином положения.

Перри трижды выигрывал свой «домашний» турнир — Уимблдон. В 1934 году он победил в финале Кроуфорда, а в двух последующих — немецкого чемпиона Герберта фон Крамма. Только 36 лет спустя Бьёрн Борг смог повторить (а затем и улучшить) этот результат. Англичанин также выиграл чемпионат Франции в 1935 году и трижды — чемпионаты США. В истории «Большого шлема» Перри занимает одно из самых почетных мест — ему первому удалось выиграть все четыре составляющих заветный трофей соревнования, но, к сожалению, не в течение одного года.

Биографы этого спортсмена не оставляют без внимания и то, что он прошел «Большой шлем» в личной жизни — был женат четырежды и каждый раз это были события для газет, специализировавшихся на светской хронике. Перри принял американское гражданство и служил в качестве сержанта в войсках США во время второй мировой войны.

В ореоле теннисной легенды Фрэд Перри побывал в 1957 году в Москве (вскоре после того, как советский теннис вступил в Международную федерацию), чтобы присутствовать на турнире, входившем в программу спортивных игр Всемирного фестиваля молодежи и студентов. До этого Перри уже был хорошо знаком с нашими ведущими спортсменами и тренерами, которых по-отечески опекал на Уимблдонских турнирах.

В 50-е годы Фрэд Перри обратил свою энергию, популярность и связи в бизнес — стал заниматься вы-

пуском теннисной одежды. Лавровый венок — фирменный знак Перри известен во всем мире. Много лет он постоянный обозреватель теннисных событий в ряде газет, с его мнением всегда считались при разрешении самых сложных проблем международного тенниса. Фрэд Перри — неизменный член жюри, состоящего из великих теннисистов, которое в последнее время определяет чемпиона мира.

Адриан Квист

В Нью-Порте в США существует теннисный Зал славы, учрежденный в 1954 году, членами которого являются самые выдающиеся игроки прошлого и настоящего. В 1984 году там состоялось чествование австралийского спортсмена — Адриана Квиста. В течение многих лет он входил в десятку сильнейших в мире, а кроме того, прославился тем, что оказался единственным теннисистом, который выигрывал титул чемпиона Уимблдона до и после второй мировой войны. Следует отметить, что добился этого Квист в парных соревнованиях.

В дуэте с разными партнерами Адриан покориł и все остальные вершины, составляющие «Большой шлем», — выиграл чемпионат своей страны, а также США и Франции.

Квист обладал практически всеми лучшими качествами парного игрока высокого класса — отличной реакцией у сетки, уверенным приемом подачи соперника, подвижностью при обороне и, несмотря на небольшой рост, сильным смехом.

Отец его предпочитал другой вид спорта — крикет. Адриан в детстве был шулым. И родители установили для него строгий распорядок дня. Значительное время в нем отводилось упражнениям в гимнастическом зале. Так что когда он начал появляться на теннисных стадионах, то при росте 170 сантиметров производил внушительное впечатление благодаря развитой мускулатуре.

В летописи «Большого шлема» самым удачным для Квиста был 1935 год, когда вместе с Джексом Кроуфордом, чье имя вам уже известно, они выиграли парный разряд на чемпионате Франции и в Уимблдоне. С другим соотечественником — Джоном Бромвичем Адриан первенствовал в 1939 году на чемпионате США.

Когда после второй мировой войны на мировые корты вышло новое поколение очень сильных игроков, дуэт Квист — Бромвич сумел в последний раз тряхнуть, как говорится, стариной, да так, что в 1950 году стал сильнейшим в Уимблдоне. Но самый уникальный рекорд Адриану удалось установить на открытых первенствах Австралии — в течение 15 лет подряд ему принадлежал титул чемпиона в паре.

Но не надо думать, что в одиночных соревнованиях Квист был легкой добычей для соперников. С перерывом в 12 лет он выиграл звание сильнейшего в стране. В 1936 году любители спорта Аделаиды приветствовали успех своего земляка, когда он сумел в финале одолеть в напряженном пятисетовом матче самого Кроуфорда. Во время войны Квист служил в армии и о любимом виде спорта мог только мечтать. Когда у него снова появилась возможность взять в руки ракетку, он быстро наверстал упущенное благодаря тому, что теннисистом, по мнению очевидцев, был, как говорится, от рождения.

В чемпионате Австралии 1948 года прочили успех новой восходящей звезде — юному Фрэнку Седжмену, который вывел из борьбы Кроуфорда, но в дальнейшем уступил Бромвичу. Давние и удачливые партнеры по парной игре сошлись в решающем поединке, и, как и 12 лет назад, счет дошел до пятой партии. В тот день в Мельбурне было очень жарко, и, когда оба соперники были уже порядочно измотаны, Квист нашел в себе силы совершить несколько смелых рейдов к сетке и точными ударами заволадать решающие победные очки.

Местные газеты писали тогда, что на состоявшемся чемпионате зрители стали свидетелями того, как ветераны укрощали «молодых львов». «Зачехлив» ракетку, Адриан Квист не спрятал ее в чулан, а, можно сказать, передал как эстафету тем самым «молодым львам» — воспитанникам одного из его соперников Гарри Хопмана, которые вскоре сделали Австралию ведущей теннисной державой.

Фрэнк Седжмен

Принято считать, что именно с Фрэнка Седжмена начинается тот список великоленных австралийских теннисистов, которые вошли в историю этого вида спорта как «австралийская династия» и которые поднимались на пье-

десталы почета крупнейших соревнований, в первую очередь «Большого шлема», постоянно на протяжении четверти века.

...Его чуть рыжеватые волосы отливали на солнце золотом, а «крылатые» ноги позволяли буквально летать над кортом, вызывая удивление своей неутомимостью. Его манера поведения на площадке тоже нравилась всем — часто широкая дружелюбная улыбка появлялась на лице Фрэнка, когда он признавал, что соперник сделал великолепный удар. Его выносливость в продолжительных матчах выглядела неистощимой, а быстрота рефлексов у сетки вызывала возгласы на трибунах.

Появление Седжмена на теннисных кортах не было случайностью. Дело в том, что отец Фрэнка занимал должность секретаря теннисного клуба в Блэкберне, пригороде Мельбурна, и мать была страстной любительницей этой игры. Гарри Хопман заметил его на школьном турнире, когда мальчику было 12 лет, и пригласил в свою группу юниоров, с которой он занимался на кортах стадиона «Куйонг». К семнадцати годам парень был достаточно хорош, чтобы уверенно набирать очки на корте и выигрывать... конкурс за место в одной из компаний, выпускавших спортивный инвентарь.

Помимо тренировок на площадке Фрэнк усердно занимался в тренировочном зале, наращивая силу мышц. Он следовал системе Хопмана, считавшего, что только таким способом можно подготовить высококлассного игрока. В 1948 году игра Седжмена была настолько впечатляющей, что мельбурнская газета «Геральд» учредила специальный фонд, чтобы послать талантливого юношу на Уимблдон. Тогда он достиг четвертого тура в одиночном турнире, проиграв Бобу Фалкенбургу, ставшему в тот год победителем, а в паре с Джоном Бромвичем они стали чемпионами.

В 1949 году Седжмен еще больше прибавил — улучшил свою игру, но мало кто предполагал, что в финале чемпионата Австралии он сможет победить Бромвича — в то время лучшего в национальном рейтинге. Но Фрэнку понадобилось всего 64 минуты, чтобы открыть список побед в турнирах «Большого шлема».

Итак, в 21 год он был назван «золотым мальчиком» и поднялся на вершину австралийского тенниса. На следующий год Фрэнк повторил свой успех. Позже, в том же сезоне, Седжмен прекрасно сыграл в составе команды

Кубка Дэвиса, и «Серебряная салатница» благодаря усилиям его и Бромвича вернулась в Австралию.

Цепочка успехов продолжалась. В 1951 году он был неустойчивым на чемпионате США в Форест-Хиллсе. В полуфинале он «нокаутировал» соперника, одержав победу за 46 минут, а в финале против одного из ведущих американских игроков Виктора Сейксаса — за 48 минут. Более того, Седжмен стал абсолютным чемпионом, выиграв и парный и смешанный разряды.

На следующий год он победил Ярослава Дробного в финале Уимблдонского турнира, помог австралийской команде сохранить Кубок Дэвиса и... подписал профессиональный контракт с Джеком Крамером.

Фрэнку нелегко было приспособиться к условиям профессионального тура, и он проиграл свою первую серию встреч с Крамером, но сумел собрать немалую сумму денег и был известен среди игроков как человек экономный, даже прижимистый. Среди друзей Седжмена ходила даже такая шутка — у него якобы сохранился первый заработанный цент.

С другой стороны, этот теннисист много сделал для молодых спортсменов. Так, он и материально, и морально очень помог Маргарет Корт, которая несколько лет жила в семье Седжменов и всегда с большой благодарностью вспоминает и самого Фрэнка, и его жену.

Любители тенниса помнят его как великолепный образец австралийского теннисиста, проложившего дорогу, по которой последовали многие другие. Среди соперников этот мастер ракетки имел репутацию скромного и симпатичного игрока, который следовал лучшим правилам игры в теннис. Его привлекательный, атакующий стиль собирал полные трибуны теннисных центров и помог становлению тенниса как самого популярного вида спорта в послевоенной Австралии.

Панчо Гонзалес

В жизнеописания многих выдающихся спортсменов любят влетать легенды — действительные и вымышленные. Вот и Рикардо Гонзалес — замечательный американский теннисист 50-х годов, наверное, привык к тому, что в числе других эпитетов в его адрес всегда присутствует слово «легендарный». Настоящее имя Гонзалеса мало кто

знал — в историю тенниса он вошел как Панчо. Посчастливилось тем, кто видел его в лучшие годы. Наши теннисисты Александр Метревели, Томас Лейус, Сергей Лихачев встречались с Гонзалесом и играли против него на зкате карьеры чемпиона.

Летом 1988 года Панчо отметил свое 60-летие в кругу многочисленной семьи, друзей и бывших соперников. Когда его спросили, собирается ли он выступать в турнирах ветеранов в новой возрастной категории, он сказал:

— Боюсь я играть среди 60-летних. Ведь придется признать, что ты стал стариком.

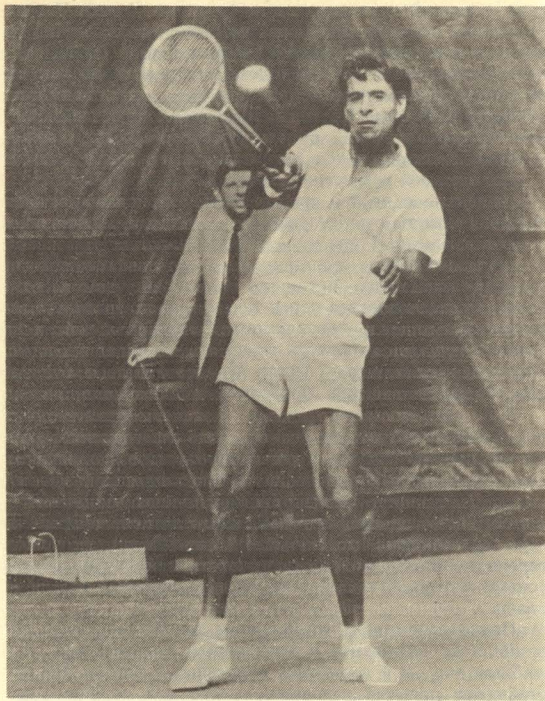
Но вообще-то Гонзалес — неперенный участник различных ветеранских состязаний, и в них он собирает на трибунах множество истинных ценителей игры. Панчо шутит, что разминается перед такими встречами со своим восьмьюлетним ребенком — двухлетним Скайларом. У юного Гонзалеса есть возможность переброситься мячом и с действующим чемпионом — Андре Агасси. Один из сильнейших теннисистов мира приходится ему родственником.

Для самого Панчо начало его спортивной жизни складывалось совсем не гладко. В 1947 году 18-летний юноша мексиканского происхождения из Калифорнии очень хотел попробовать свои силы в большом теннисе, в крупнейших национальных турнирах. Но теннис был спортом белых людей. Для цветных — негров, мексиканцев, пуэрториканцев и других проводились отдельные соревнования. На чемпионате США в Форест-Хиллсе игроки с темной кожей были те, кто все лето играл на солнце.

Панчо вспоминал, что в одном теннисном клубе его приняли за официанта и предложили пользоваться служебным входом и держаться подальше от кортов. Но настойчивые попытки завоевать «место под солнцем» все же увенчались успехом. Пропуском стала отличная игра, блестящие победы. Унижения, которые пришлось вытерпеть, оставили след: даже в моменты своих триумфов Гонзалес производил впечатление мрачного человека. Журналистам бывало трудно его разговорить, и высказывания его порой были очень резкими.

Он нежелательным гостем в привилегированных теннисных клубах, а в 1948-м со скоростью кометы взлетел на вершину славы, став чемпионом США. Болельщики никогда еще не видели такой мощной, технически совершенной и красивой подачи. Один из журналистов

Панчо Гонзалес. В теннисной сборной «всех времен»

сравнил его с пантерой, и это прозвище осталось за теннисистом надолго. Он играл агрессивно, постоянно выходя к сетке, был молод, силен и выглядел почти непобедимым.

На следующий год Гонзалес блеснул в финальном матче Кубка Дэвиса против австралийцев, выиграв оба одиночных поединка, затем отстоял звание чемпиона страны. Тогда в финале с Тедом Шредером он проиграл два

первых сета — 16:18, 2:6, а затем «взорвался» и разгромил соперника 6:1, 6:2, 6:4. Эта встреча вошла в число 20 лучших матчей столетия.

Вскоре после этого Панчо стал профессионалом. В свой первый сезон он сыграл 123 матча против Джека Крамера и проиграл 96 из них: в новом амплуа Панчо чувствовал себя неуверенно. Но вскоре был признан, правда неофициально, абсолютно лучшим теннисистом мира. Организаторы профессиональных турниров даже стали побаиваться, что его непобедимая игра может понизить интерес публики к состязаниям «профи».

Гонзалес стал звездой номер один в знаменитой труппе Крамера и остается только сожалеть, что его не было в том составе, который приезжал для показательных выступлений в Москву.

Позднее начались состязания Гонзалеса с молодыми профессионалами: Тони Трабертом, Кеном Розуоллом, Лю Хоадом, Родом Лейвером и другими, которых Панчо в большинстве случаев обыгрывал.

В 1968 году крупнейшие международные соревнования стали открытыми для профессионалов, но Гонзалесу в то время было уже 40 лет. Он играл в турнирах «Большого шлема», но первые места уже не занимал. В 1969 году в Уимблдоне ветеран еще раз вписал свое имя в список участников самых выдающихся матчей столетия и в книгу Гиннеса. Об этом матче мы расскажем отдельно, а пока приведем высказывание известного американского теннисного специалиста и журналиста Ларри Лоримера:

— Панчо Гонзалес помог открыть мир тенниса тем, кто не имел счастья учиться игре в дорогих клубах. Он явился вдохновляющим примером для многих молодых игроков, которые недостаточно комфортно чувствовали себя в атмосфере богатых турниров. Он помог приблизить день, когда теннис стал доступным для спортсменов, обладающих талантом, независимо от их социальной принадлежности...

В отличие от многих других выдающихся теннисистов Панчо Гонзалес не вписал ярких страниц в историю борьбы за «Большой шлем». Он набрал здесь всего два балла, дважды выиграв чемпионат США. Его высшим достижением в Уимблдоне была победа в паре с Фрэнком Паркером в 1949 году. В том же году в чемпионате Франции он дошел до полуфинала в одиночном разряде.

Всего два года ходил Панчо в любителях, и ему, видно, было не до погони за «Большим шлемом» — необходимость обеспечивать семью заставила его искать счастья в профессиональном спорте.

Уже в 41 год, в 1969 году, он после большого перерыва снова появился в Уимблдоне вместе с другими профессионалами. И в этот раз Гонзалес не стал победителем, но провел матч, равных которому пока больше не было.

В первом круге его соперником оказался Чарлз Пассарел — американец пуэрториканского происхождения. Ему было 25 лет, и два года назад он возглавлял американскую классификацию. Учитывая столь большую разницу в возрасте, Панчо нужно было стремиться выиграть, если это вообще вероятно, как можно быстрее. Игра началась в шесть часов вечера, а когда прошло два часа, оказалось, что продолжается еще только первый сет и счет равный — 22:22. Гонзалес отыграл 11 сетболов, но все же Пассарел выиграл партию 24:22. Такое количество геймов часто бывает достаточным для целого матча.

К началу второй партии стало темнеть, и соперникам приходилось напрягать зрение, чтобы разглядеть мяч. Панчо проиграл 1:6, и встреча была перенесена на следующий день.

В тот момент ветеран, наверное, вспоминал свой матч 1949 года с Тедом Шредером на открытом чемпионате США, когда ему удалось выбраться из труднейшей ситуации.

Об этой встрече сам Панчо рассказывает так:

— Я проиграл первые два сета. Еще во второй партии судья разрешил Теду надеть туфли с шипами (игра проходила на травяной площадке Форест-Хиллса), и это возмутило меня: Теду предоставляют преимущество.

Взвинтив себя, я начал при любой возможности выходить к сетке и, как говорят, творил там чудеса. Следующие два сета были за мной. Начался пятый... Теда тогда называли лучшим игроком пятого сета в мире. Но они не учитывали, что за всю жизнь я проиграл пятый сет только один раз...

И Гонзалес доказал тогда, что он отменнейший теннисный марафонец: взяв подачу соперника, он довел поединок до победы. Шредер и его хитроумная обувь были побиты. А игра продолжалась с полудня до вечера.

...Вернемся в Уимблдон. Игра Панчо и Пассарела возобновилась в полдень при ярком солнце. 15 тысяч зрителей пришли посмотреть, чем все это закончится. И они не прогадали. Снова начался теннисный марафон. Оба выиграли свою подачу и десять раз счет был ничейным, пока ветеран не добился успеха 16:14. Четвертый сет Панчо выиграл 6:3, но движения его становились все более медленными — физическая выносливость, когда тебе уже за 40, оставляет желать лучшего.

Вот драматическая хроника решающей партии, украсившей и без того великолепное зрелище. Пассарел довел счет до 5:4, а затем выиграл еще три очка подряд — 40:0 — тройной матчбол. Но Панчо не сломлен: три ответных «результативных выпада» — и счет 5:5.

Снова тройной матчбол при счете 5:6, затем еще один, когда было уже 7:8, и все они отыграны! Надо думать, что в тот момент Пассарел начал терять самообладание — перед ним был немолодой усталый человек и... перед ним была непробиваемая стена! На своей подаче он делает двойную ошибку, затем посылает мяч в аут, что позволяет Панчо наконец-то выйти вперед 10:9.

Подавая в этом гейме, ветеран, что называется, тряхнул стариной, вкладывая в свои удары все, что мог. Он заиграл агрессивно, вдохновенно — как будто скинул с плеч двадцатилетний груз. Гонзалес выиграл четыре мяча подряд, а с ними и исторический, рекордный по длительности матч, составивший 112 геймов, продолжавшийся в общей сложности 5 часов 20 минут.

Когда он медленно покидал поле битвы, публика устроила ему овацию. Один из журналистов, поинтересовавшийся,

как себя чувствует Панчо после победы, получил от всегда немногословного Гонзалеса ответ:

— Я немного устал...

Лью Хoad

Невиданную аудиторию собрал матч двух двенадцатилетних австралийских теннисистов в один из воскресных дней 1946 года. Лью Хoad и Кен Розуолл впервые встретились лицом к лицу в Сиднее на глазах двух тысяч болельщиков. Только что перед этим австралийская команда со счетом 0:5 потерпела на своей площадке поражение от американцев в матче Кубка Дэвиса.

Встреча мальчишек была показательной, она предшествовала товарищеским матчам сильнейших игроков Австралии и США. Уже в этом возрасте Хoad бил по мячу почти с мужской силой, но аккуратная расчетливая игра его соперника была противопоставлена силовой манере, и Хoad проиграл Розуоллу.

Джек Крамер — в то время ведущий американский игрок — предсказал обоим юным теннисистам большое будущее и не ошибся.

Белоголовый Лью и черноволосый Кен были совсем непохожи друг на друга, но с детства их стали называть двойняшками — они бок о бок шагали по ступенькам теннисного совершенствования, играли в паре и соперничали на самом высоком международном уровне.

Хoad, от рождения физически очень крепкий, завоевывал звание чемпиона школы по легкой атлетике, мог почти на сто ярдов бросить крикетный мяч, занимался боксом, играл в регби. Он стал и финалистом чемпионата Австралии по настольному теннису, прежде чем всерьез посвятить себя большому теннису.

И здесь его природенный спортивный талант дал себя знать — почти все удары он выполнял очень правильно с технической точки зрения, а тренеры не переставали удивляться, насколько сильно развита у юноши кисть правой руки. Кроме всего прочего, Лью до самозабвения любил тренироваться, не зная усталости, и все это должно было принести богатые плоды.

В 17-летнем возрасте Лью и Кен произвели первую сенсацию, выиграв Уимблдон в паре. Хoad играл в этом дуэте главную роль — он действовал более мощно, остро и быстро. У него часто получалась «пушечная» подача и кинжальный

удар справа, а бегал он так, что доставал самые, казалось, безнадежные мячи. Специалисты отмечали, что его «хавволлей» — лучший после легендарного Анри Коше. У молодого «австралийского танка» бывали такие дни, когда он был просто неудержим, защитные барьеры соперников рушились, как картонные домики.

Невысокого роста крепыш отлично играл не только с отскока, но и с лёта. Отмечалось, правда что его стиль был несколько авантюрным, характеризовавшимся Лью как «искателя приключений» в ходе состязаний. И не только в состязаниях. Однажды в Риме он и англичанин Майк Дэвис прогуливались после ужина. На одной из пустынных улиц они увидели, как группа молодых хулиганов издевалась над старым, не способным постоять за себя человеком. Не раздумывая, Хoad врезался в эту толпу, рассеяв ее, а когда один из парней попытался прижать его к стене, он коротким нокаутирующим ударом в стиле Джо Луиса заставил налетчика пролететь несколько метров вдоль тротуара.

И все-таки он не всегда умел извлечь максимум из своего таланта. Психологически он не был так силен, как физически, и порой не мог настроиться на борьбу в не слишком значительных турнирах, терпя поражения от соперников рангом ниже себя. К тому же Лью преследовали травмы спины.

Хoad стал национальным героем после Игр на Кубок Дэвиса в 1953 году. Во встрече с командой США он выиграл три партии подряд у Вика Сейксса, которому до того уступал дважды. Затем в драматическом матче он победил Тони Траберта в одном из самых изматывающих поединков в истории Кубка Дэвиса — 13:11, 6:3, 2:6, 3:6, 7:5. Розуолл тогда поставил точку выигрышем у Сейксса.

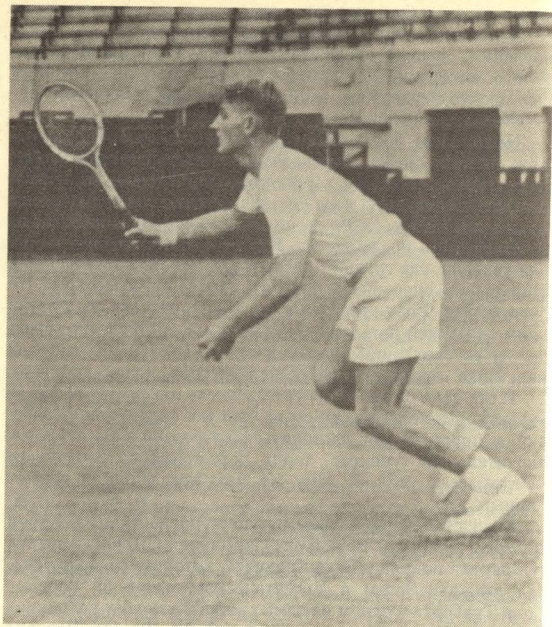
В 1956 году Хoad едва не повторил высший успех Дона Баджа — ему оставалось лишь выиграть в финале чемпионата США у Розуолла, но, как говорится, дружба дружбой... В тот день Кен, в отличие от Лью, был, что называется, в ударе — в прямом и переносном смысле слова. После встречи Хoad сказал:

— У меня было такое впечатление, что передо мною непробиваемая стена, после удара о которую любой мяч все равно перелетал на мою сторону...

Когда в 1970 году Розуолл снова выиграл чемпионат США, в беседе с журналистами он вспомнил о той финальной победе над Хoadом четырнадцатилетней давности:

— Вы должны понять мои чувства тогда — я выиграл

грандиозный турнир, меня носили на руках, а к радости примешивалась грусть «провинившегося» перед товарищем человека. Лю из-за меня остался без «Большого шлема», который он заслужил в полной мере...

И Розуолл, и Хоад, да и другие австралийские теннисисты всегда отличались сдержанностью, корректностью поведения по отношению к соперникам и судьям. И в минуты триумфа, и в минуты горьких поражений их реакция на происходящее была очень спокойной. Поэтому, видимо, так порастил всех в 1987 году Пэт Кэш, который после своей победы в финале Уимблдона нарушил все традиции и начал взбираться по трибунам в ложу, где сидели его родные и близкие. Комментарии этого эпизода заняли тогда в английских газетах не меньше места, чем описание самого матча.

Лью Хоад, Кен Розуолл.
«Двойняшки» австралийского тенниса

великолепно. Хоад взял газеты и, даже не взглянув на заголовки отчетов, оповещавших о его триумфе, спросил: «А что сегодня в разделе комиксов?» Он действительно проигнорировал репортажи о его победе над соотечественником Эшли Купером и принялся рассматривать свою любимую колонку комиксов...

Теперь Лью и его жена Джени живут в Испании. Они содержат ресторан и теннисную школу.

С Кеном Розуоллом они встречаются в Уимблдоне и на других крупнейших соревнованиях в ложе для почетных гостей, а иногда и в матчах прославленных ветеранов, которые традиционно сопровождают все турниры «Большого шлема».

Кен Розуолл

Кеннет Розуолл, родившийся 2 ноября 1934 года, был единственным ребенком в семье больших любителей и почитателей тенниса. Даже в детской коляске мальчик большую часть времени проводил рядом с кортом, а первую ракетку родители подарили ему в три года, облегчив ее за счет спи-

А об уравновешенности Хоада, например, ходили легенды. Тэд Тинлинг — легендарная фигура в мировом теннисе: крупнейший авторитет этой игры, меценат, дизайнер спортивной одежды — в своей книге «Тэд Тинлинг, 60 лет в теннисе» вспоминает, как он посетил Хоада и его жену Джени утром после того, как Лью выиграл Уимблдонский турнир второй год подряд:

— У тебя прекрасная пресса, Лью, — сказал Тинлинг, протягивая спортсмену пачку газет. — Обозреватели пишут, что ты играл

ленной наполовину ручки. Отец Кена соорудил для сына тренировочную стенку во дворе дома. Они вставали в пять утра, чтобы потренироваться пару часов перед тем, как сыну идти в школу, а отцу — в свой маленький магазинчик.

Такая преданность теннису была в дальнейшем оплачена сполна громкими победами Розуолла-младшего. В 15 лет Кен уже завоевал звание чемпиона Австралии среди юниоров. На следующий год он уже отличился в Аделаиде во взрослом турнире: в четвертьфинале победил своего соотечественника многообещающего юниора Эшли Купера (впоследствии чемпиона Уимблдона), а в полуфинале — одного из сильнейших игроков США Тони Траберта.

Финал оказался чисто американским: Кен Розуолл — Лью Хoad. Оба были в своей лучшей форме, и оба были любимцами австралийской публики.

В той встрече Кен контролировал игру не только с задней линии, но и у сетки. Четкость и стабильность его действий были на высшем уровне, а грубых ошибок спортсменов почти не совершал. В итоге 9:7, 6:4, 6:4.

Если Хoad был более сильным и быстрым, то Розуолл привлекал к себе внимание как тонкий стилист игры, владевший одним из лучших по эффективности и технике исполнения ударом слева среди всех корифеев игры. Вместе эти теннисисты привели Австралию к нескольким победам в Кубке Дэвиса под руководством известного тренера Гарри Хопмана.

Имя Гарри Хопмана хорошо известно в истории не только австралийского, но и мирового тенниса. Он был одним из ведущих игроков своей страны, особенно успешно выступал в парных состязаниях, а в 1936 году вместе со своей женой Нел (впоследствии руководительницей национального женского тенниса) был финалистом в смешанном разряде Уимблдонского турнира.

Гарри неоднократно выступал за австралийскую команду в Кубке Дэвиса, но прославился Хопман, когда встал у руля национальной сборной и привел ее к длительной серии побед (с 1950 по 1967 год Австралия только трижды уступала Кубок Дэвиса американцам).

Хoad, Розуолл, Род Лейвер, Рой Эмерсон, Тони Роч, Джон Ньюкомб и многие другие корифеи ракетки Зеленого континента прошли «школу Хопмана», тренировались по разработанной им системе. В его тренировочном лагере побывали и представители нескольких поколений игроков из других стран мира. С 1988 года в Австралии стал про-

водиться командный турнир, посвященный памяти наставника теннисных чемпионов.

Но вернемся к одному из учеников Хопмана — Кену Розуоллу. В теннисном мире у Кена было прозвище Мускул (Розуолл невысокого роста, но сложен атлетически). В повседневной же жизни знаменитый чемпион отличался очень мягким характером, скромным образом жизни, т. е. на вершине своей славы Розуолл совсем не походил на некоторых спортивных знаменитостей, дающих заработок репортерам светской хроники.

Жар-птица — «Большой шлем» был близкой целью Розуолла, но ему не покорялся Уимблдон. В 1956 и 1957 годах одиночный разряд в Уимблдоне выиграл Хoad, победив в первом из финалов своего друга Розуолла.

В Уимблдоне Кен не смог выиграть ничего, кроме парных соревнований. Но к его безусловным достижениям на английских кортах следует отнести участие в четырех одиночных финалах на протяжении 20 лет. В 1954 году Ярослав Дробный — чехословацкий теннисист-эмигрант, выступавший тогда как представитель Египта, выиграл у Розуолла марафонский поединок — 13:11, 4:6, 6:2, 9:7. А через два года «обидчиком» Кена стал Хoad.

В 1970 году другой соотечественник — Джон Ньюкомб победил Розуолла — 5:7, 6:3, 6:2, 3:6, 6:1.

Да, центральный корт Уимблдона был «гиблым местом» для этого великолепного во всех отношениях мастера ракетки. Однако неудачи он воспринимал философски. Иначе, наверное, будучи уже в возрасте 39 лет, Розуолл не сделал бы еще одну попытку покорить Уимблдон. Кен опять дошел до финала, но в решающем матче не смог противостоять Джимми Коннорсу.

Большинство специалистов сходятся во мнении, что уж кто-то, а Розуолл заслужил «корону» Уимблдона. И несколько лет назад Всеанглийский лаун-теннисный клуб выразил свое отношение к этому великолепному игроку, отметив его вклад в чемпионаты, и сделал австралийца почетным членом клуба. Как известно, такой привилегии удостоиваются только победители в одиночном разряде.

В начале 70-х годов у Розуолла наступила вторая молодость, которая совпала с началом совместных соревнований профессионалов и любителей во всех крупнейших турнирах. В 1970 году он стал чемпионом США (14 лет спустя после первого успеха на американских кортах), побив в финале в четырех сетах своего соотечественника Тони Роча.

В 1973 году Розуолл выиграл свой третий титул чемпиона Австралии. Ему было уже 36 лет, а его сопернику американцу Артуру Эшу на девять лет меньше. Но ветерану понадобилось всего полтора часа, чтобы выиграть матч — 6:1, 7:5, 6:3, продемонстрировав юношескую легкость в передвижении по площадке и неуязвимый бойцовский дух. Как и 16 лет назад, он стал сильнейшим в своем национальном чемпионате, не проиграв ни одной партии.

Розуолл был и самым молодым победителем австралийского турнира и старейшим его лауреатом. Журнал «Спортс-иллюстристед» в те годы писал, что Розуолл вошел в историю тенниса, как «человек, победивший время и пространство». Его до сих пор помнят, как «маленького виртуоза» с самым красивым и точным классическим ударом слева, запечатленным на кинограммах во многих теннисных учебниках. О нем писали также, как о труженике, способном «перекопать ракеткой весь корт», когда обстоятельства складывались против него, и вдохновенном мастере красивейших комбинаций, тихом созерцателе своей спортивной славы и любимом сыне теннисной Австралии.

Рой Эмерсон

...Только что закончился финальный поединок Уимблдонского турнира 1964 года. Толпа корреспондентов окружает победителя — стройного симпатичного молодого австралийца, который под смех всех присутствующих серьезно заявляет, что своим успехам он обязан тому, что в детстве постоянно доил коров на ферме отца и тем самым сумел хорошо развить и укрепить кисти рук. Шутника этого звали Рой Эмерсон.

Эммо (так звали его друзья и соперники) впервые обратил на себя внимание любителей тенниса в 1954 году, когда победил своего земляка Лью Хоада на турнире в Ньюпорте. В то время ему исполнилось 18 лет.

Последующие четыре года, однако, приносят Эмерсону больше огорчений, чем радостей. Его совершенствование в теннисе в тот период идет слишком медленными темпами. Наконец Рою надоело ходить в середнячках, и он решает на отчаянный шаг — в 1958 году добровольно отказывается от заманчивого заграничного турне в составе сборной Австралии и остается дома, твердо решив избавиться от изъянов в своем техническом арсенале. Всю

зиму напряженно тренируется, шлифует подачу и удар справа. Усиленные тренировки заложили прочный фундамент для восхождения Эмерсона на мировой теннисный Олимп.

Талант Эмерсона расцветает в полную силу в 60-е годы. Он дважды становится победителем Уимблдона, дважды выигрывает открытые чемпионаты США и Франции, шесть раз завоевывает лавры чемпиона Австралии.

Никто пока не выиграл больше титулов в одиночном разряде на турнирах «Большого шлема». К этому надо добавить, Рой Эмерсон — 14-кратный победитель турниров «Большого шлема» в парном разряде.

Рой был младшим сыном фермера, чье хозяйство располагалось в ста милях от города Брисбейна, и ему пришлось выдоить столько коров, что его руки и кисти действительно стали «стальными». Он был чемпионом штата среди школьников в спринте. И это не удивило историков тенниса, которые отмечали, что Эмерсон был, возможно, самым быстрым игроком на корте за всю историю игры.

Скорость сочеталась у него с великолепной физической подготовкой. Эммо фанатично стремился постоянно поддерживать спортивную форму и даже в день важных матчей по утрам пробегал несколько миль.

Краеугольным камнем его теннисной философии было убеждение, что если ты готов на сто процентов, то только случай может помешать тебе сыграть в хороший теннис. Интересно, однако, что при всех спортивных достижениях Эмерсона игра его не отличалась особой фантазией, импровизацией, калоритом.

Правда, у него были мощные удары и высокая мобильность на корте, но подача и тактический кругозор оставляли желать лучшего. Тактическое однообразие и неуме-

Рой Эмерсон. Игрок, который мог победить любого

ние варьировать игру по своему усмотрению, по мнению Альфа Чейва, капитана сборной Австралии 60-х годов, — основные недуги игры Эмерсона. Чейв, который хорошо знал Эмерсона с детства, утверждал:

— На травяных покрытиях скорость Эмерсона позволяет ему выиграть любой турнир. Однако его удары однообразны, что делает Эмерсона уязвимым. Мяч после его удара летит, как правило, на одной и той же высоте и с одинаковой скоростью. В игре Эмерсона отсутствует элемент неожиданности...

Эмерсон не был известен каким-либо «фирменным» ударом, но он был спортсменом, обладающим способностью сконцентрироваться на игре, и ничто не могло сбить его с выбранной линии борьбы. Надо признать, что он никак не мог выработать ту простоту и ритм, которые отличали, скажем, Ньюкомба. Его главным преимуществом была игра с лёта и способность добежать до любого мяча, что часто деморализовывало многих соперников. Редко можно было увидеть, как Эммо отдает легкое очко. Говорили, что играть с Эмерсоном труднее, чем сражаться с быком на кориде.

60-е годы были, как известно, периодом расцвета австралийского тенниса, и сильные игроки появлялись один за другим. При наличии «длинной скамейки» возникали и конфликтные ситуации. Так, Мартин Маллиган решил, что национальная ассоциация тенниса к нему несправедлива, не включив его — второго призера Уимблдона — в команду Кубка Дэвиса, и уехал в Италию. Кен Флетчер переехал жить в Гонконг. А Эмерсон продолжал год за годом выигрывать титул чемпиона Зеленого континента. Его главным соперником был Фрэд Столле, для которого стало привычкой проигрывать Эмерсону «большие финалы»: в Уимблдонском турнире, в Форест-Хиллсе... Когда на очередном чемпионате Австралии Столле попросили сказать несколько слов по поводу его поражения от Эмерсона, он лишь ухмыльнулся:

— Я к этому привык...

Артур Эш

Рассказывая о своей жизни в теннисе, Артур особо выделяет открытый чемпионат США 1968 года.

— Моя победа в финале стала памятной сразу по не-

скольким причинам. Во-первых, я стал первым американцем, который после 1955 года выиграл в Форест-Хиллсе. Во-вторых, это был первый чемпионат, в котором играли вместе любители и профессионалы. В-третьих, финал был отложен до понедельника из-за дождя. А в-четвертых, так как я был лейтенантом и все еще любителем, то я не мог получить чек, положенный победителю. Мне вручили серебряный кубок, а Тому Оккеру, которого я победил в пяти сетах, — 14 тысяч долларов. Тогда первый приз был именно таким. С тех пор многое изменилось...

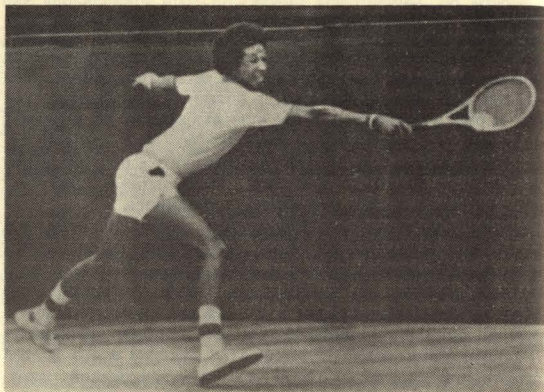
Артур Эш родился в Ричмонде в семье полицейского. В его коллекции много самых различных национальных и международных титулов, в том числе — победа в одиночном разряде на чемпионатах США, Австралии и в Уимблдоне. Последний титул он завоевал в 32 года, выиграв в финале у считавшегося беспспорным фаворитом Джимми Коннора. Тот сезон стал лучшим в его долгой спортивной карьере — Артур закончил его первой ракеткой мира. Участвуя в 24 турнирах, он выиграл девять и пять раз был финалистом.

В 1970 году Артур стал победителем чемпионата Австралии. Местные газеты писали об этом так:

— Профессионалы в тот момент делились на две соперничающие фракции: игроки Национальной теннисной лиги и группа, которую финансировал техасский нефтяной миллиардер Ламар Хант, — Теннисный чемпионат мира инкорпорейтед. Игроки НТЛ бойкотировали чемпионат, в результате на корт не вышли такие мастера, как Лейвер, Розуолл, Эмерсон и Столле. Артур Эш продвигался вверх относительно легко. В финале он встретился с юным австралийцем Виком Крили и практически не имел проблем, кроме одной, — он играл в очках и начинавший время от времени дождичек затруднял ему видимость. И хотя сам турнир по своему уровню не мог считаться соответствующим статусу «Большого шлема», тем не менее никому не приходило на ум сказать, что Артур Эш недостойн титула чемпиона.

К тому времени он уже был победителем в Форест-Хиллсе — первом открытом чемпионате США для профессионалов, а титул чемпиона Уимблдона ожидал его. В его игре было много мощи и разнообразия. Он демонстрировал тонкую тактику, а его подачу признавали абсолютной по совершенству исполнения. Потомок рабов, вывезенных из Западной Африки, он пробил для чернокожих

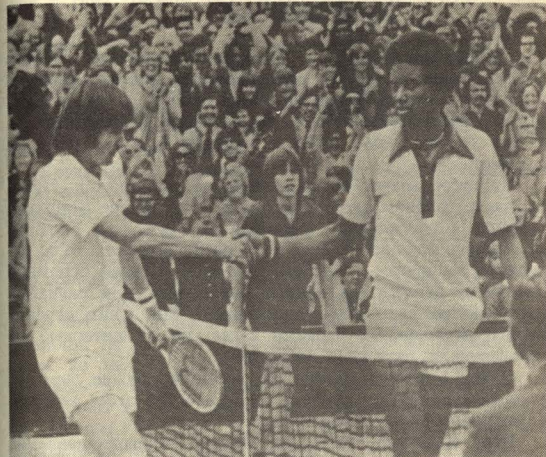
Теннисные уроки Артура Эша. В финале Уимблдона-75 его подучил Джимми Коннорс

игроков дорогу в американском теннисе, став первым негром, который получил теннисную стипендию в престижном университете в Калифорнии, а затем — первым негром, который представлял Соединенные Штаты в розыгрыше Кубка Дэвиса.

Но главное было не в том, что Эш делал, а как он делал. Он чувствовал ответственность за свой народ и всегда вел себя с достоинством, интеллигентно, что принесло ему признание тех людей его расы, которые последовали за ним.

В том же 1970 году Эшу было отказано в визе на въезд в ЮАР, и он активно включился в кампанию борьбы против апартеида.

Эш написал несколько книг о теннисе, постоянно участвует в телерепортажах, которые ведет с крупнейших национальных и международных соревнований компания Эй-Би-Си. Известно и его многолетнее активное сотрудничество в журнале «Теннис», где он ведет рубрику «Уроки тенниса для новичков». Многие люди, ни разу с ним не встречавшиеся, но научившиеся игре благодаря его советам, считают Эша своим тренером.

А вот известный французский мастер ракетки Яник Ноа с полным правом может сказать, что Артур его крестный отец. Американский теннисист «открыл» его во время своей поездки в Камерун — он понял, что десятилетний чернокожий мальчишка обладает незаурядным талантом. Эш рассказал о нем тогдашнему президенту Французской федерации тенниса Филиппу Шатрие (в дальнейшем — президенту Международной федерации) и посоветовал помочь Янику обосноваться во Франции. В годы своего становления как игрока международного класса Ноа находился под патронажем Эша, и они неоднократно выступали в паре.

Среди не совсем удачных предприятий Артура Эша, после того как он закончил активные выступления на корте, можно считать недолгое пребывание на посту капитана американской команды Кубка Дэвиса. Ему не удалось создать дружный коллектив из таких неуправляемых индивидуалистов, как Коннорс и Макинрой, и он вынужден был уйти в отставку.

Джон Ньюкомб

— Хочешь поговорить с Джоном Ньюкомбом? — обратился к одному из нас корреспондент газеты «Правда» в Сиднее Алексей Ивкин во время открытого чемпионата штата Новый Южный Уэльс на стадионе «Уайт Сити». — Я его хорошо знаю, никогда журналисту в интервью не откажет...

От такой возможности обычно не уклоняются. Правда, мы с Джоном уже встречались — на вечере открытия турнира в гостиничном ресторанном зале, где он приветствовал всех гостей. То и дело звучал его смех, то за одним, то за другим столиком, при этом в своей огромной ладони он держал неизменный бокал пива — не случайно австралийцев называют «пивоманами». Мы с ним перекинулись несколькими словами тогда, но об интервью не заговаривали, отложили на потом.

О нем известно многое, но все-таки прежде, чем мы приведем интервью, хочется рассказать об этом действительно выдающемся теннисисте.

Игру Ньюкомб строил на тактике силового давления на соперника. Осуществлял он это с помощью мощной подачи и удара с лёта. Удар справа у Джона был очень сильным, и потому, если ситуация позволяла, он часто забегал на левую сторону и отражал мяч более сильным ударом справа. Нельзя, однако, сказать, что удар слева был плох — его он использовал как вспомогательное средство при подготовке решающей атаки.

Как и многие австралийские теннисисты, он с юных лет был приучен к упорной работе по поддержанию высокой физической формы. По этому пути шла вся школа Хопмана, наиболее ярких представителей которой вы знаете. Правда, его увлечение было очевидным — это были кроссы, причем порой довольно продолжительные.

В результате такой направленной физической подготовки Ньюкомб внешне без особого труда играл затяжные матчи, охотно соглашался выступать в серии турниров, проходивших один за другим. Соперников удивляло, как ему удается сохранять свежесть и показывать стабильно ровную игру высокого уровня. Список его побед настолько велик, что заставляет предполагать — у него был не только выдающийся теннисный талант, но и талант победителя.

Вот главные турниры, которые он выигрывал: Уимбл-

дон — 1967, 1970 и 1971 годы; чемпионат США — 1967 и 1973 годы; чемпионат Италии — 1969 год; чемпионат Канады — 1971 год; чемпионат Австралии — 1973 и 1975 годы. Количество титулов среди мужских пар и смешанных практически не поддается учету. О стабильности его класса говорит тот факт, что он одиннадцать лет входил в первую десятку мира — с 1965 по 1975 год и четырежды был в ней первым.

Когда Джон Ньюкомб в 1967 году выиграл свой первый титул чемпиона Уимблдона, многие считали его везунчиком — ему-де помогли поражения Мануэля Сантаны, Роя Эмерсона и Тони Роча. Однако-такова природа спорта — каждый идет своим путем и не его вина в том, что соперники бывают подготовлены лучше или хуже, победитель турнира определяется в день финала.

В тот год произошел курьезный случай. Перевод его фамилии на русский язык звучит довольно неожиданно. Один из наших коллег попытался ее перевести и, порывшись в словаре, пришел к такому заключению — «чемпионат в Уимблдоне выиграл австралиец по прозвищу «Новый гребень». Другим он объяснял: «Так его прозвали за то, что всех «чешет».

Вообще-то иностранные фамилии переводить не принято, но вот так случилось...

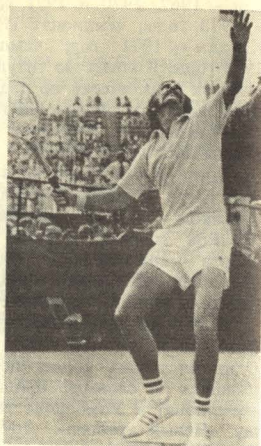
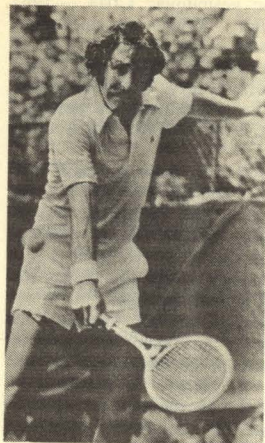
На самом деле Ньюкомб был, да и сейчас остается фантастически популярным чемпионом, и соотечественники быстро присвоили ему прозвище Ньюк, а его образ ассоциировался с определением — «классный парень».

С юных лет Джон отрастил пышные усы, и хотя этот стиль носит название у цирюльников «генерал Сапата» — по имени лидера мексиканской революции, — многие австралийцы отпускали усы «под Ньюка».

Ньюкомб сыграл много матчей, вошедших в историю тенниса. Хочется рассказать об одном из них, уже на закате его карьеры, когда в игре больше проявляется характер, нежели качества, свойственные молодости.

Это было, когда он в 1975 году во второй раз выиграл чемпионат Австралии. В финале ему противостоял молодой и самоуверенный Джимми Коннорс. У американца имелись основания для больших амбиций — в 1974 году он выиграл 99 из 103 матчей, став чемпионом Австралии, Уимблдона и США. Больше того, по общему мнению, только «неявка» на чемпионат Франции лишила Коннорса в тот год возможности стать обладателем «Большого

Джон Ньюкомб. Его девиз: «С подачи — к сетке». После победы над Розуоллом в финале Уимблдона-70

шлема». Американец, правда, не встречался с Ньюкомбом в 1974 году, а в 1973 году в обеих встречах успех был на стороне австралийца. В силу этого на Зеленом континенте говорили, что не признают Коннорса подлинным первым номером в мире, пока он не победит Ньюкомба.

Перед началом чемпионата Ньюкомб заявил, что «матч с Коннорсом — это как раз то, к чему он долго стремился». Коннорс парировал: «Ему надо побольше говорить ракеткой, а не языком. Каждый раз, когда я дохожу до финала, там не оказывается Ньюкомба». Коннорс по пути к финалу проиграл лишь один сет, а его сопернику пришлось сыграть несколько встреч из пяти партий.

В финале первый сет выиграл Ньюкомб — 7:5.

— Эй, губошлеп, что случилось? — крикнул кто-то Коннорсу с трибуны.

Это, пожалуй, был единственный случай, когда американец ничего не сказал в ответ. Он сумел собраться и выиграл второй сет. В дальнейшем в том матче было немало острых моментов. «Битва титанов» продолжалась

174 минуты. Все слова, высказывавшиеся соперниками до матча, были забыты. Публика устроила им овацию стоя, приветствуя игроков, арбитру пришлось ждать несколько минут, пока стихли аплодисменты и он смог объявить окончательный счет матча.

На пресс-конференции после матча Ньюк сказал:

— Сегодня Джимми показал, что настоящий чемпион должен уметь и выигрывать и проигрывать. Он действительно чемпион...

Наша беседа с Джоном Ньюкомбом в Сиднее в январе 1989 года касалась различных областей, начиная с психологии тенниса и кончая тренировками. Вот некоторые из тех вопросов и ответов:

— У вас множество всяких дел, в том числе и связанных с теннисом. Однако вы так и не стали тренером какой-либо звезды, хотя известно, что разговоры на эту тему велись.

— Конечно, попробовать поработать, скажем, с Беккером, мне было бы интересно. Но я не стал бы называть себя тренером. Этого звания достоин один только Гюнтер Бош, который в значительной степени сделал карьеру Беккера.

— Нуждается ли вообще теннисист-профессионал, занимающий в мировой классификации высокое место, в каких-либо указаниях «репетитора»?

— Конечно, нет. Но ему необходим человек, которому он доверял бы, с которым мог бы поговорить о тех сторонах его игры, что следует усилить. Такие беседы и взаимное доверие автоматически усилили бы игру. Любой теннисист — человек, а не машина.

— Существует мнение, что лучший тренер тот, кто хоть раз стоял на центральном корте Парижа, Уимблдона, Флэшинг Мидоу или Мельбурна. Кто из великих игроков стал великим тренером?

— Что значит «великий тренер»? Без хорошей лошади даже самый лучший жockey ничего не сделает. Гарри Хопман, легендарный австралийский тренер, не был для меня великим, если говорить о технике ударов. Зато он обладал способностью подвести своих игроков к определенному матчу в лучшей форме.

— Знаете ли вы какой-то особенный секрет в психологической подготовке теннисиста?

— Ключ к спортивным успехам и к личному благополучию — в правильном распределении времени. Основные усилия игрок должен концентрировать на больших турнирах. Он должен планировать достаточно времени для отдыха и делать все то, что делают другие люди. Прежде всего он должен беречь свой игровой азарт. Борг его потерял. Макинрой, как мне кажется, тоже.

К сожалению, из-за предельной насыщенности кален-

даря, зависимости игроков от различных контрактов и обязательств мировой теннис часто раньше времени теряет выдающихся игроков. Их главными врагами становятся либо травма, либо психологическая усталость. Будет жаль, если раньше времени сойдет такой отличный теннисист, как Матс Виландер...

...Теннис много дал Джону Ньюкомбу. Даже если говорить о призовых суммах, которые он заработал на турнирах, гонорах за комментарии по телевидению, доходах от теннисных центров в Австралии и США, за рекламу различных товаров. По итогам 1983 года он попал в сотню самых состоятельных австралийцев. Но, в свою очередь, он немало дал и теннису. Джон был президентом Международной ассоциации теннисистов, вместе с Токи Рочем возглавлял «Операцию теннис», цель которой состояла в возрождении сильной австралийской команды, стал основателем и главным спонсором Ассоциации тенниса для инвалидов. Он регулярно выступает в защиту прав и положения австралийских аборигенов. Джон обладает редким качеством — достигнув вершин, остается скромным и общительным.

Благодаря своей популярности Ньюкомб получил множество предложений участвовать в политической жизни, но неизменно отказывался.

Джимми Коннорс

Современную историю мирового тенниса невозможно представить без Джимми Коннорса — замечательного американского мастера ракетки. Его удивительная по результатам и продолжительности спортивная карьера стала как бы переходным мостиком между двумя поколениями теннисистов. Джимбо (это прозвище Коннорса) свои первые громкие победы в турнирах «Большого шлема» одерживал в соперничестве с такими корифеями корта, как Кен Розуолл, Джон Ньюкомб, Илие Нэстасе, Бьёрн Борг...

Они уже давно сошли со сцены, а Джимми, переживая и спады, и вторую молодость, продолжает теннисную жизнь, выходя на матчи против Джона Макинроя, Ивана Лендла, Бориса Беккера.

Коннорс пять раз побеждал в чемпионатах США, дважды — в Уимблдоне и один раз в Австралии. Лишь чемпионат Франции ни разу не был покорен этим спорт-

сменом, но трибуны центрального корта «Ролан Гаррос» были переполнены, когда в турнире 1989 года 36-летний ветеран играл свой матч первого круга. Коннорс установил рекорд, который очень трудно будет побить: он выиграл 107 турниров серии «Гран-при».

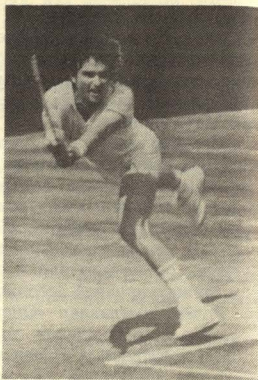
Первым тренером Джимми была его мать Глория — профессиональный тренер по теннису. Она сопровождала его в поездках по миру, однако Джимми никто не мог бы назвать маменькиным сыночком. Хорошие теннисные манеры, умение непринужденно, с юмором, как говорится, на радость зрителям вести себя во время матчей пришли к Коннорсу уже на склоне его карьеры, когда он стал приезжать на турниры в качестве главы семейства — с женой и двумя детьми.

Он рано проявил свой оригинальный теннисный талант — выигрывал различные юношеские соревнования. В 1972 году Коннорс бросил учебу в Калифорнийском университете и стал профессионалом.

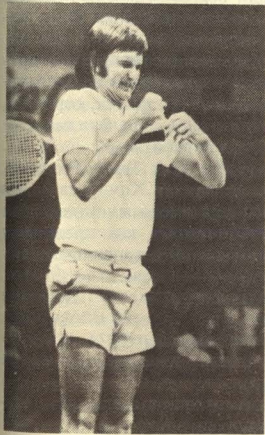
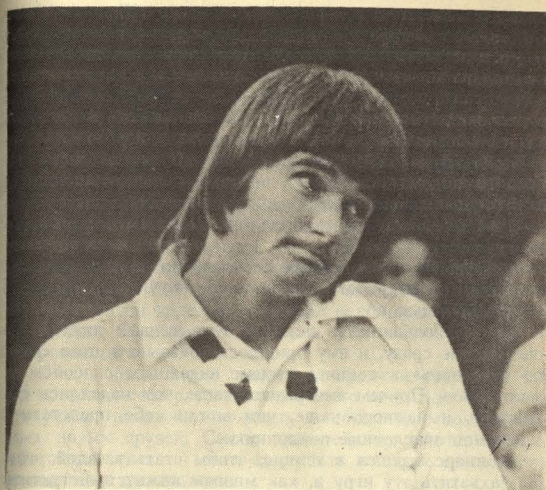
По его словам, когда он был молодым, то не мог себе представить, что останется в теннисе после 27 лет. Но когда ему исполнилось 30, он стал проявлять недовольство журналистами, которые напоминали ему о возрасте.

Говорят, что ничто не приобретается с таким трудом и не теряется так легко, как репутация. Это особенно справедливо для известных людей, которые обречены на существование в рамках своего образа на глазах широкой публики. Как правило, мы не знаем, что представляют собой эти люди на самом деле, поскольку слава часто превращает знаменитость в ходячую схему.

В начале карьеры Джимми Коннорса считали нагловатым, самоуверенным, даже грубым и невоспитанным. Теперь, когда ему идет уже четвертый десяток, Коннорс более привлекателен, чем когда бы то ни было.

Джимми Коннорс. Мастер диалогов с соперниками и сценок для зрителей

Обратно пропорционально результатам (Джимми почти не побеждает в турнирах «Гран-при») популярность его не только держится на прежнем высоком уровне, но и растет, как это было во время Уимблдона-87.

В начале 70-х годов публика не воспринимала его откровенно агрессивный стиль игры, многим не нравились его манеры. И если верно, что наше отношение к человеку меняется потому, что изменился он сам, то в отношении Коннорса это верно лишь частично. Он подчинил себе многих своих бывших критиков и заставил их уважать себя. При этом ему удалось сохранить свою индивидуальность.

В юности он заигрывал с болельщиками, прибегал к ужимкам и выкрикам. Сегодня он научился управлять толпой болельщиков.

Как и большинство истинно талантливых людей, его оценили не сразу, и ему пришлось доказывать свое «право на жизнь» в теннисе самым надежным способом — выигрывать. Причем выигрывать чаще, чем надеялись его критики, и намного чаще, чем могли себе представить его многочисленные поклонники.

Коннорс пришел в теннис, чтобы стать звездой, чтобы захватить эту игру и, как многим кажется, истратить в нем всего себя. Такие амбиции обычно тревожат людей, особенно в столь сдержанном и консервативном мире, каким был в то время теннис.

Он профессионал до мозга костей — великий спортсмен, в котором своеобразно соединились качества идеального «профи» — яркая индивидуальность, талант, гордость, преданность своему ремеслу, граничащая с фанатизмом, — и здоровое стремление к хорошим заработкам.

Вместе с матерью его тренером был Билл Риордан, который старался незаметно выделять Коннорса, — он готовил его как бойца, потому что Джимми выделялся среди своих сверстников задолго до того, как превзошел их своими достижениями. Он постоянно испытывал чувство соперничества и постоянно был заряжен на борьбу.

Его звездный час наступил в 1974 году. Джимми выиграл 99 из 103 матчей, занял первые места в Уимблдоне, на открытых первенствах Австралии и США. Его роман с Крис Эверт процветал. В 21 год он добился права называться первой ракеткой мира.

— Я не знаю, сможет ли кто-нибудь гонять мяч лучше, чем я сам в 74-м, — говорил Коннорс.

Но уже на следующий год он уступил все три свои титула, хотя во всех трех соревнованиях дошел до финала. Любый другой оценил бы это как редкую удачу, но Коннорс заявил:

— Быть вторым номером — это то же самое, что быть 200-м, разницы никакой...

Молодой теннисист очень вовремя узнал, что почитать на лаврах опасно, особенно в таком непостоянном виде спорта, как теннис.

Уже в те годы Коннорс никогда не делает двух вещей: он не ищет публичного оправдания и не позволяет копаться в своей личной жизни. Он испытывал отвращение к прессе, которая бесцеремонно рассуждала о его отношениях с Крис Эверт. Его личная жизнь вызвала колоссальный интерес, но он надежно защищал ее от постоянного любопытства. С возрастом Джимми стал значительно более откровенным.

Люди, общавшиеся с ним в те времена, говорили, что он позволил себе расслабиться. Легко достигнув вершины, он решил немножко гульнуть в обществе многочисленных новых друзей. Самое удивительное, что при таких обстоятельствах он смог выступить в трех из четырех важнейших финалов года.

Коннорс признавал:

— Я начал делать то, в чем отказывал себе в течение многих лет. А потом заметил, что развлечения двух-трехнедельной давности сказываются на корте в самый решающий момент. Поэтому, когда начался 1976 год, стал гораздо более осторожным, все лето ложился в 10 вечера и вставал в 8 утра...

Коннорс вернул себе былую форму и опять стал первым в мировой классификации, выиграв турнир в Форест-Хиллсе.

Непринужденный и уверенный в себе, Коннорс вновь демонстрирует свое потрясающее теннисное дарование. Постепенно из «нагловатого» он превратился в «пылкого». Он вызывал и преданную любовь, и жгучую ненависть, но никого не оставлял равнодушным. Это делало и делает его одним из самых привлекательных и интригующих игроков в теннисном мире на протяжении многих лет.

Примечательно одно из высказываний молодого Коннорса:

— Я не думаю, что кто-нибудь будет играть в теннис, как я. Я играю, не оглядываясь назад. Не знаю, сколько

еще буду играть, ведь мало кому удастся так хорошо сохранить себя, как это сделал Кен Розуолл. Я стараюсь играть так, как будто каждый мяч решает судьбу матча, и если удастся, то это — моя лучшая игра...

Да, у Коннорса есть одно редкое качество, которое подмечают все, кто видел его на корте: он всегда отдается игре без остатка. У «маэстро» бывают (особенно на склоне его карьеры) тяжелые дни, но он никогда не играет тускло и принципиально отвергает малейшую возможность доиграть матч и свалить вину за поражение на обстоятельства. Разве что позволяет себе пошутить таким образом:

— Да, я проиграл. Ну может же сетка висеть слишком высоко или корт быть слишком коротким?..

Корреспондент журнала «Теннис» писал:

«Он находится в лучшей форме, когда общается с миром, когда выражает бурю эмоций и кажется, что весь мир участвует в матче. Люди уходят с его матчей с таким ощущением, будто уносят частицу его души, причем каждый — свою собственную частицу... Ему нужнее сопереживание. Вот почему он любит турниры в зале — они более интимны, в них больше общения...»

— Это смешно, но я старею. Все больше и больше появляется нахальных юнцов, которые хотят меня побить. Эти 17- и 18-летние ребята ведут себя так, как я сам вел себя когда-то. Победив меня, они могут сделать себе хорошую рекламу, но я не собираюсь никого рекламировать, — неоднократно говорил ветеран...

Интересны некоторые высказывания о Коннорсе.

Известный австралийский теннисист, а ныне тренер Ивана Лендла Тони Роч:

— Коннорс напоминает танк — когда он бьет по мячу, он хочет выиграть не только это очко, но и весь матч сразу. Я люблю смотреть на его игру, потому что он играет так, как надо играть в теннис. Он буквально излучает уверенность в себе. Ему на все наплевать. Он дает понять, что сокрушит любого, кто встанет на его пути...

Панчо Сегура:

— Джимбо — единственный парень, который мог побить Борга. Борг заставлял вас уничтожить самого себя, а Коннорс — тот парень, который делает это за вас, уничтожит вас сам...

Свой последний турнир «Большого шлема» Коннорс выиграл в США в 1983 году. Считали, что самолечение

не позволит ему выступать, когда уровень его игры снизится.

— Мне уже не надо никому ничего доказывать. Мировой рейтинг не интересует меня, я просто хочу получать удовольствие от игры, от соревнований. Меня устраивает только такая моя игра, которая самому не нравится. Единственное, к чему я стремлюсь, это играть на том уровне, которого требую сам от себя, — утверждает Джимми.

...Его больные суставы в конце матча отказывались выполнять то, что им приказывали сердце и разум, но он стойко продолжал сопротивляться мысли о сдаче. Таким запомнили зрители трибун центрального корта «Ролан Гаррос» Джимми Коннорса в последний день мая 1989 года. Во втором круге он проиграл своему соотечественнику Джею Бергеру. Разница в четырнадцать лет дала о себе знать, и молодой теннисист лишил Джимми последнего шанса попытаться завоевать титул чемпиона Франции, единственного, которого не было в его богатой коллекции.

Но, когда Джимми Коннорс покидал корт, трибуны приветствовали его так же, как если бы он выиграл финал — ему аплодировали стоя. Прежде чем исчезнуть в проходе в раздевалку, Джимми обернулся и отсалютовал зрителям коротким и энергичным жестом человека, знающего, что не вернется на эту всемирно известную арену. Позади был упорный матч из четырех сетов, длившийся четыре с половиной часа. В конце встречи разница между ними была только в том, что 22-летний Бергер сумел выдавить из себя на каплю больше, а 36-летний Джимми не мог повернуть ход времени в обратную сторону...

Бьёрн Борг

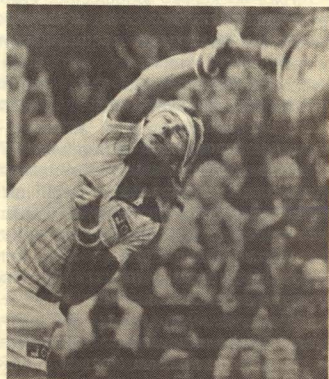
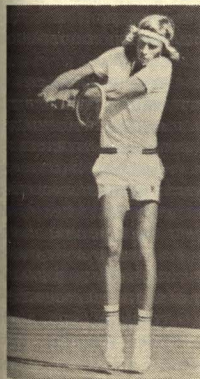
В городе Седертелье, где родился Бьёрн Борг, все мальчишки бредили хоккеем. Будущий король теннисной ракетки, суперчемпион, пять раз выигравший Уимблдонский турнир и шесть раз — чемпионат Франции, а также множество других крупнейших соревнований, не был исключением — мечтал играть за команду местного спортивного клуба.

Когда Бьёрну было десять лет, отец — в свое время один из лучших в Швеции мастеров настольного тенниса — подарил ему теннисную ракетку. Он получил ее в качестве приза на каких-то соревнованиях, а сыну отдал как

Бьёрн Борг. Он простился с теннисной славой слишком рано и, как никто другой, заслуживал «Большого шлема»

игрушку. Но тому не терпелось выйти на площадку, благо семья Боргов жила от кортов недалеко. Первый визит в теннисный клуб принес полное разочарование: будущего чемпиона не приняли в секцию начинающих, так как она была уже укомплектована.

Первым партнером Бьёрна стала... стенка гаража во дворе дома. Он мог бить по мячу с утра до вечера, и родителям силой приходилось загонять парня домой. При этом никто не учил его, как нужно правильно держать ракетку, как делать замахи. Например, удар слева ему удобнее было делать двумя руками, по-хоккейному. В дальнейшем этот «щелчок» Борга наводил панику на его соперников, как, впрочем, и другие «неправильные» удары шведского теннисиста.

Позднее Бьёрна все-таки приняли в теннисный клуб, и он получил возможность играть на настоящей площадке. На упорного худенького мальчишку обратил внимание известный шведский тренер Перси Росберг, который пришел в Седертелье в поисках способных юных игроков.

— Тебе придется выбирать между теннисом и хоккеем, если хочешь добиться чего-то в спорте, — сказал он Бьёрну.

Борг выбрал теннис.

После того, как в 14 лет пришли первые успехи — он выиграл несколько юношеских турниров, в том числе и за рубежом, — Борг понял, что теннис может стать главным делом его жизни, он бросил школу, так как соревнования и тренировки отнимали очень много времени. В течение нескольких лет он ежедневно ездил на занятия к Росбергу в Стокгольм, затрачивая на дорогу в один конец полтора часа.

— Теннис стал моей жизнью, — писал Бьёрн в своей книге «История Бьёрна Борга». — Счастлив ли я? Да. Я зарабатываю на жизнь с помощью своего хобби. Однако у меня часто бывали такие периоды, когда хотелось забросить тренировки и никогда больше не дотрагиваться до ракетки. Сколько раз, бывало, я останавливал себя, чтобы не швырнуть в ярости ракетку, когда на тренировках ничего не получалось и мячи летели в сетку или на метр в аут!..

В 1972 году Борг в 16 лет выиграл чемпионат Швеции среди взрослых и сыграл свои первые матчи в Кубке Дэвиса. И в то же время он решил бросить школу и стать профессиональным теннисистом.

Его день обычно включал две тренировки на корте,

а также беговые упражнения, гимнастику и силовую подготовку. Игра Борга была очень специфична — удары с задней линии, особенно двумя руками слева, он выполнял резким кистевым кручением, которое сообщало мячу длинную траекторию полета.

Специалисты отмечали также феноменальную работу ног шведского теннисиста и очень быстрое перемещение по корту. Борг редко делал простые ошибки. Он очень аккуратно подходил к каждому мячу и, используя крученые удары, прекрасно контролировал его полет, готовя продуманные комбинации.

— Моя сила в выдержке, — говорил Борг.

Действительно, даже в самом напряженном матче он никогда не давал волю своим нервам. И зрителей, и своих соперников он поражал удивительным спокойствием.

— Его концентрация и темперамент — это нечто выдающееся. Его умение переносить удары судьбы в ходе матча, стойкость — поразительны. Это дар, которому нельзя научиться, — отмечал наставник Борга Леннарт Бергелин, сопровождавший спортсмена во всех его поездках и умело возвращавший чемпиона с небес на землю после очередной победы.

Главный соперник Борга Джимми Коннорс как-то заметил:

— Видя, как он держит все в себе, мне иногда бывает интересно: не приходит ли он вечером в гостиничный номер и не ломает ли там свои ракетки о мебель, чтобы разрядиться?..

Несмотря на свою известность и популярность, вне корта Бьёрн был очень скромным и даже замкнутым молодым человеком.

Журналистам обычно мало что удавалось почерпнуть из односложных ответов спортсмена. Например, когда один репортер спросил, что он делал для того, чтобы обыграть Артура Эша в 1973 году, Борг просто ответил: — Перебивал мяч через сетку на один раз больше, чем он...

Бьёрн признавался:

— Я не любитель давать интервью. Большинство статей, написанных обо мне, появились после шумных, беспорядочных пресс-конференций, которые традиционно устраиваются после матчей. По идее такого рода конференции имеют смысл, но практически вопросы, которые мне часто задают, поверхностны и шаблонны. «Как вы

чувствовали себя после выигрыша первого Уимблдонского турнира, второго, третьего, четвертого, пятого?», «Когда вы подумали, что выиграли матч?», «Как вы играли сегодня?»

Я не даю никакой другой информации, кроме той, что запрашивается в вопросах. Видимо, поэтому меня журналисты прозвали молчаливым сфинксом. Впрочем, если бы я мог говорить на своем родном языке, наверное, я оказался бы более разговорчивым...

Борг не проявлял эмоций на корте и не выходил из себя по поводу ошибочных решений судьи. В действительности же ему далеко не были безразличны судейские ошибки, но он не показывал виду, переживал внутри. Борг вспоминал:

— Когда мне было 12 лет, я себя не сдерживал, бросал ракетку через всю площадку, обманывал соперника при определении места приземления мяча, спорил с судьей, с досады бросал мячи через заградительную сетку, т. е. делал все, что делают плохие спортсмены. Мои родители стали стыдиться моего поведения на площадке и в конце концов отказались ходить на встречи с моим участием. Однажды, совершенно неожиданно для меня, я был наказан Шведской федерацией и отстранен от соревнований на полгода. Я жил в очень маленьком городке, и новость о моем наказании быстро распространилась среди жителей. Люди за моей спиной шептались, что я плохой спортсмен, позорящий шведский теннис. Я воспринимал их осуждение очень близко к сердцу. Это был жестокий и очень поучительный урок, который до сих пор перед глазами, как будто произошел вчера. Сейчас я не говорю ни слова с судьей, если мой соперник спорит или если выносятся неверные решения, хотя в глубине души я могу сказать все, что угодно.

Я знаю: стоит мне вступить в пререкания с судьей, и сильное возмущение совершенно выбьет меня из колеи, я сильно покраснею и почувствую себя крайне неловко. Поэтому решил никогда этого не делать...

Считалось, что разговорить Борга — все равно, что пытаться выдавить лимонный сок из теннисного мяча.

Бергелин говорил:

— Рано став хорошим игроком, Бьёрн познал жизнь профессионала тоже слишком рано. Он общался не с ровесниками, а только с людьми старше себя. Он не мог видеться с друзьями, потому что играл в турнирах...

— Я не слишком педантичен, — писал о себе Борг. — Но есть три заповеди, которых я всегда строго придерживаюсь: девять часов сна перед важным матчем, по крайней мере два часа тренировки, даже в дни соревнований, и правильное питание.

Я убежден, что моя карьера теннисиста придет к концу, когда почувствую к чему-либо такую же тягу, как к этому маленькому мячику.

Может, это и глупо звучит, но молодой человек, поставивший себе цель добиться успехов в теннисе и решивший, кроме того, с помощью ракетки зарабатывать себе на жизнь, не имеет выбора...

В 17 лет Борг стал самым молодым в истории победителем открытого первенства Италии, где ему понадобилось всего 98 минут, чтобы сокрушить чемпиона прошедшего года Илие Настасе (Румыния).

Две недели спустя он завоевал еще один крупнейший титул — победителя открытого первенства Франции. Причем в финале уступил испанцу Мануэлю Орантесу первые две партии, а затем выиграл три сета подряд — 6:0, 6:1, 6:1.

Род Лейвер говорил о Борге:

— Это исключительно талантливый теннисист, имеющий врожденный дар к игре. Опасность лишь в том, что он может сгореть от беспрестанного участия в соревнованиях...

Действительно, во время своей не очень длительной карьеры Боргу несколько раз приходилось прерывать выступления из-за травмы руки, он говорил, что хотел бы отдохнуть от соревнований. Но в условиях профессионального спорта не был подчинен себе: долгосрочные контракты заставляли талантливого спортсмена снова и снова выходить на корт.

Первый кризис Борга как игрока международного класса произошел в 1973 году, когда его усталость от тенниса сказалась в первый раз. После поражения в Ноттингеме от англичанина Марка Кокса Бьёрн вернулся домой и обнаружил, что ему не хочется играть. Выйдя на тренировку с Перси Росбергом, он через 15 минут ушел с корта. Первый наставник нашел его плачущим в раздевалке. И сказал ему: «Жизнь в теннисе ничего не стоит, если ты являешься заложником игры».

Бесспорно, Бьёрн Борг имел все основания претендовать на завоевание «Большого шлема», но роковым для него оставался чемпионат США, где он, выходя несколько

раз в финал, так и не сумел стать обладателем первого места.

Почувствовав, что ему все труднее удерживать ведущие позиции, шведский теннисист, зарабатывший на своих победах и рекламе различных товаров миллионы, ушел из активного тенниса. Он занялся коммерческой деятельностью и изредка выступал в показательных встречах. Весной 1989 года он и его непримиримый соперник Джон Макинрой провели показательное турне в нескольких городах Юго-Восточной Азии, после чего Борг заявил, что прекращает выступления в каких-либо турнирах, кроме чисто развлекательных, например, как сообщалось, в паре с президентом США Джорджем Бушем.

Хотя на международной арене имя Бьёрна Борга стало уже легендой, его достижения, в первую очередь пять побед подряд в Уимблдоне, навсегда останутся золотой страницей в истории спорта. Его также всегда будут помнить, как «первого трубача» шведского тенниса, который был кумиром следующего поколения — Матса Виландера, Стефана Эдберга, Андерса Ярида и многих других. Не менее ценное наследство Борга — теннисный бум, охвативший его страну, где раньше спортивными героями были в основном конькобежцы, хоккеисты и лыжники. Сейчас Швеция — одна из ведущих теннисных держав не только по результатам своих лучших игроков, но и по насыщенности площадками, детскими клубами, производству инвентаря.

Джон Макинрой

Казалось, что своды спортивного дворца «Форум» в американском городе Атланте вот-вот рухнут от невероятного шума, криков людей, которые стоя, скандировали: «Макинрой, Макинрой». Судья на вышке через микрофон тешет публику к спокойствию — встреча Джона Макинроя с Борисом Беккером все не начиналась. И тогда приготовившийся к первой подаче Макинрой вместо того, чтобы ввести мяч в игру, сильнейшим ударом, словно сигнальную ракету, запустил желтый шарик чуть ли не под самый купол огромного зала. Мгновенно наступила тишина — кумир американских теннисных болельщиков «выдал номер», который от него ждали.

...К сожалению, мы больше понаслышке судили о том,

как хорошо играет в теннис Джон Макинрой. В те годы, когда он покорял Уимблдон, ни репортажей, ни «технического канала» еще не существовало и был один способ посмотреть на то, что творится на этих соревнованиях, — ехать в Таллинн, где принимаются программы финского телевидения.

На протяжении всей своей теннисной жизни Джон удивлял: 18-летним парнем в 1977 году он приехал на Уимблдон. Прорвавшись через три раунда «сита» — квалификационные соревнования, новичок дошел до полуфинала, где, образно говоря, выжал все соки из Джимми Коннора, которому пришлось приложить все свое умение, чтобы победить в четырех сетах. В то время он стал самым молодым теннисистом за всю историю Уимблдона, которому удалось достичь полуфинального рубежа.

Четыре титула чемпиона США (1979, 1980, 1981, 1984), финалист в 1985 году, три победы на Уимблдоне (1981, 1983, 1984), финалист 1980 и 1982 годов, финалист чемпионата Франции-84 и два титула «Мастерс» (1983, 1984), а также многочисленные успехи в парных состязаниях, включая семь подряд титулов «Мастерс» в содружестве с Питером Флемингом — вот краткий перечень его успехов.

Трудно описывать игру этого спортсмена — ее надо видеть. В лучших своих встречах он представлял игроком практически без слабых мест с феноменальным чувством мяча, быстрой реакцией, мощной подачей, четкой игрой у сетки... Некоторые игровые комбинации, которые рождаются в его голове, иначе как гениальными не назовешь.

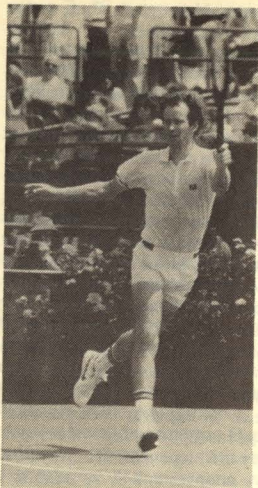
У теннисистов есть такое понятие, как «игра по месту». Так вот Джон, кажется, завяжи ему глаза, безошибочно найдет самую уязвимую точку на стороне соперника. С технической точки зрения большинство ударов Джона не могут служить примером для подражания, они абсолютно индивидуальны. Например, с лёта он играет почти на прямых ногах, но это почему-то не мешает ему «убивать» мяч.

В течение четырех лет подряд теннисист-левша был первой ракеткой мира (1981—1984), и не только специалисты, но и многие соперники Макинроя считают его одним из самых лучших мастеров за всю историю тенниса.

Штеффи Граф однажды сказала:

— Я счастлива, что мне несколько раз удалось потренироваться с Джоном, а если бы я решила выступать в миксте, то о лучшем партнере не могла бы и мечтать...

Джон Макинрой. Никогда не играет при пустых трибунах

К концу 80-х годов звезда Макинроя блистала уже не так ярко, как прежде. С одной стороны, возраст спортсмена приближался к третьему десятку, с другой — сказывались довольно длительные перерывы из-за травм и семейных обстоятельств. Непривычно было видеть его в конце двадцатки мировой классификации, выбывающим в самом начале Уимблдона или чемпионата США.

Приведем отрывок из интервью американского теннисиста одному из авторов в 1987 году:

— Естественно, когда становишься лучшим в мире впервые в жизни, это привносит в жизнь определенные новые впечатления. Однако, когда это не удастся, не надо делать из случившегося трагедии. Временами, когда игра не идет, можно подумать о

детях и сразу становится легче.

Я много играл и, несмотря на то, что был лучше большинства теннисистов, это не приносило мне полного удовлетворения в жизни.

Я должен был разорвать этот заколдованный круг, притормозиться, установить для себя новые жизненные приоритеты. Но во время тайм-аутов никогда не допускал мысли, что окончательно порву с теннисом. Я всегда знал, что вернусь на корт.

Я думал, что после перерыва все быстро придет в норму. Но не играя, теннисист утрачивает так необходимую для успеха острую жажду победить. А другие, особенно молодежь, такую жажду испытывают постоянно. К тому же действительность такова, что при прочих равных условиях сегодня в теннисе выигрывает тот, кто более вынослив. Но я не теряю надежды...

У журналистов, освещающих встречи с участием Макин-

роя, всегда под рукой тема о его поведении на корте. На протяжении всей карьеры этого спортсмена его великолепная игра сопровождалась различными выходками, оскорбительными и для соперников, и для судей, и для представителей прессы, и даже для зрителей. Дурная слава скандалиста, готового в любой момент с бранью наброситься на каждого, кто подвернется под руку, следовала за Джоном с турнира на турнир. Не помогали ни резкая критика в печати, ни денежные штрафы, ни неоднократные дисквалификации.

Джон Ньюкомб после одного из инцидентов с участием американца в Уимблдоне заявил:

— Разве можно допустить, чтобы на глазах у миллионов телезрителей судью обзывали дураком? Игрок имеет право отстаивать свою точку зрения, если он считает решение судьи ошибочным, но никогда не должен опускаться до брани...

Приходилось слышать различные точки зрения на причину невыдержанности Макинроя: плохое воспитание, слишком бурный темперамент (в его жилах течет ирландская кровь), «игра» на зрителей, которые любят скандалы, и т. д. Но вот любопытное свидетельство приехавшего в нашу страну главного судьи чемпионата Франции:

— Джон был одним из немногих участников турнира, который после его окончания пришел в мою комнату, чтобы поговорить и поблагодарить организаторов соревнований...

Приходилось также наблюдать, как во время уже упоминавшегося турнира в Атланте Джон около получаса давал автографы болельщикам, спустившимся с трибун на корт, и не ушел, пока не подписал последний клочок бумаги, протянутый ему каким-то мальчишкой. А ведь все это время его ждал интервьюер телевидения, которым, кстати, был... Артур Эш.

Детство и юность чемпиона прошли в одном из пригородов Нью-Йорка. Когда ему исполнилось 8 лет, родители отдали его в местную теннисную школу. Потом он попал в группу, которой руководил переехавший в США известный австралийский тренер Гарри Хопман. Непоседливый, то и дело отлекавшийся от выполнения данных ему заданий, Джон постоянно получал замечания от известного своей требовательностью Хопмана, и наставник в конце концов исключил будущую звезду из

своей группы. Отцу удалось определить Джона в другую секцию, которой руководил Томи Палафокс.

В 13 лет Макинрою уже предсказывали большое будущее, а в 1975 году он был провозглашен лучшим юниором США. И в детстве, и уже став известным теннисистом, Макинрой увлекался и другими видами спорта, в первую очередь футболом и баскетболом. Он говорил, что разносторонняя физическая подготовка очень помогла ему достичь успехов в теннисе.

— Односторонние занятия теннисом в школьном возрасте и частые выступления в турнирах могут оказывать пагубное воздействие на юного спортсмена — он может быстро «сгореть», не выдержав чрезмерных психологических нагрузок, — считает Макинрой.

Сразу же после окончания школы Джон решил начать карьеру профессионального теннисиста. Но родители настояли на том, что он должен поступить в престижный Стэнфордский университет в Калифорнии. В университете Макинрой проработал только год, а затем началась головокружительная карьера. Ему понадобилось всего три года, чтобы стать первой ракеткой мира.

В 1988 году американская компания Эн-би-си сделала фильм о Макинрое. Картина получилась бесхитростной, но достаточно симпатичной — великий теннисист и скандалист предстал в нормальной семейной жизни, играющим с детьми — в эти моменты у него была видна даже какая-то неподдельная сентиментальность, — гуляющим по песчаному пляжу, даже несколько трогательным в отношениях с женой — актрисой Татум О'Нил.

— Теперь, став отцом, я получил возможность взглянуть на мир иначе, чем раньше. У меня такое впечатление, что я начал двигаться в правильном направлении, и это приносит мне внутреннее удовлетворение, — говорил он. — Ну, а что касается моих нынешних выступлений на кортах, то я хочу получать от них как можно больше удовольствия. За время тайм-аута я получил возможность оглянуться и проанализировать свою карьеру. Больше того, могу сказать, что я из тех, кто может перестроиться...

Его несколько озадачило, с каким теплом и энтузиазмом встречала его публика, когда он начал вновь появляться на кортах.

— Лет десять-одиннадцать я играл в этом «кольце» турниров, не имея такой поддержки, и теперь чувствую,

как это приятно. Иногда, когда ощущаешь усталость, это дает дополнительные силы, — признался Джон в Париже. — А может быть, публика стала лучше разбираться в теннисе, потому что у нее стало лучше отношение ко мне?...

Можно предположить, что у Макинроя не только талант теннисиста, но и определенные артистические способности. Одному из авторов книги довелось встретиться с Макинроем на турнире «Рио» в австралийском городе Аделаида. Вместе с ним на корт вышли Иван Лендл, Стефан Эдберг, Матс Виландер, Слободан Живочинович, Марк Вудфорд, и Джон показал не только классный теннис, но и устроил целое представление на корте. Он держался дружелюбно с публикой, с судьями, с мальчиками и девочками, подававшими мячи, в шутку «жульничал», когда играл пару. Зрители были счастливы — они увидели все, что хотели.

Но зато когда дело дошло до серьезного турнира, не показательного, а входящего в серию «Гран-при», Джон после промахов позволял себе крикнуть на себя, время от времени спорил с судьями — был ли мяч в корте или за, но все это было в рамках правил. Дело дошло до курьеза. Однажды судья крикнул «заступ!» при подаче Макинроя, хотя тот еще не успел ударить по мячу. Джон остановился и повернулся к судье: «Спасибо, что предупредили до удара». После этого он так подал мяч, что соперник не смог даже дотянуться до него, выиграл гейм и вновь обратился к судье: «Это был поворотный момент в матче. Вы меня разбудили...»

Его многочисленные поклонники все еще надеются, что следующая глава многоцветной биографии выдающегося теннисиста-левши будет такой же яркой, как предыдущие.

— Я считаю Джона величайшим игроком, — говорит Штеффи Граф. — То, что он способен сделать с мячом с помощью своей ракетки, похоже иногда на трюки фокусника. Обладать способностью создавать такие неповторимые игровые ситуации — это от бога...

Матс Виландер

Когда «заехлил» свою чемпионскую ракетку Бьёрн Борг, казалось, что теннисная «Тре крунур» безнадежно обезглавлена, и было совершенно неясно, какое наследство

*Матс Виландер не дал затихнуть
шведскому теннисному «буму»*

оставил он помимо во много раз возросшей популярности этой игры во всей стране.

И вот в 1982 году теле-тайпы отстуали сенсационную спортивную новость из Парижа о том, что победителем открытого первенства Франции стал практически неизвестный широкому кругу любителей швед Матс Виландер. На мировом теннисном небосклоне вспыхнула новая звезда.

Вообще красные корты оказались счастливыми для немногословного, а потому производящего впечатление несколько скучного «викинга». До турнира 1989 года он трижды побеждал в Париже, четырежды первенствовал на других соревнованиях «Большого шлема».

Когда Виландер выиграл свой первый титул чемпиона Франции, ему было 17 лет 8 месяцев и 6 дней. И он был признан наследником Бьерна Борга, одаренным игроком задней линии, которого было сложно победить, и за монотонной игрой которого было так же сложно следить. Постепенно он стал игроком экстра-класса: выиграл в 1988 году высшие титулы на трех различных типах кортов — французский грунт, австралийская трава и пластиковые корты США.

В нашей печати, которая еще не так давно не очень жаловала теннисную тему, фамилия Виландера появилась в 1986 году, но уже по другому поводу — в связи с тем, что на том же турнире в Париже он был обыгран в третьем круге Андреем Чесноковым, который в любимой манере Матса — длительном обмене ударами с задней линии — вывел из борьбы главного фаворита, прошлогоднего победителя — в тот период вторую ракетку мира.

А потом наши любители тенниса узнали замечательного шведского мастера ракетки уже, как говорится, в лицо — по телетрансляциям с Уимблдона и чемпионата Франции. Вспоминается, сколько восторгов было по поводу игры Матса в Париже в июне 1988 года. Он тогда действительно был великолепен: быстр, силен, надежен во всех ударах, уверен в себе, и ни у кого не осталось сомнений, что он должен завоевать первый приз. Так и случилось.

Виландера отличает высокая техника игры, он может укладывать мячи с невероятной аккуратностью, всего в нескольких сантиметрах от линии и «возвращать» подачу с восхищающей точностью. Кроме того, швед использует любую возможность для атаки у сетки, а его свеча при ударе слева напоминает поклонникам тенниса со стажем знаменитого Мануэля Сантану.

Увы, о Виландере известно немного — он предпочитает уединение или общество немногих друзей. В результате сложился образ этакого неинтересного человека-машины. Впрочем, так было в середине восьмидесятых.

— Действительно, я был не очень счастливым человеком в 1984—1985 годах, — признался Виландер, чья жизнь заметно изменилась после того, как он женился на манекенщице Соне Малхолланд, которая, однако, редко появляется вместе с ним на турнирах. — Я не думаю, что женам стоит путешествовать вместе с игроками, потому что у них никогда не будет никаких шансов ни себя проявить, ни добиться удовлетворения их интересов. Они становятся такой же принадлежностью, как ракетка...

Однако постепенно образ Матса, создаваемый средствами массовой информации, приобретал новую окраску. Оказалось, что Виландер играет на гитаре и является поклонником Боба Дилана, потому что «его лирика, вложенная в слова, передает то, что мы чувствуем, но не можем сказать сами». В зимние «каникулы» он приезжает на родину и, как в детстве, берет в руки хоккейную клюшку. И хотя швед заработал больше пяти миллионов долларов, он ведет такой образ жизни, словно объявил голодовку.

— Вместе с женой мы, конечно, выходим в свет, но не для того, чтобы нас разглядывали на больших приемах. Мы не поклонники «реактивного» стиля жизни, — признался он. — Но сейчас я чувствую, что действительно

счастлив — встретил ту, которую очень люблю, и для меня это самая большая радость на земле...

Когда у человека все ладится в личной жизни, у него неизбежно должны быть удачи и в работе. И у Матса был звездный час, точнее — звездный сезон — в 1988 году. Он с блеском выиграл первые два турнира «Большого шлема» и...

Мечты Матса Виландера о выигрыше «Большого шлема» были разбиты Милославом Мечиржем на траве Уимблдона в последний день июня 1988 года.

— Конечно, я понял, что это действительно очень сложно — выиграть «Большой шлем» и что здесь самый сложный турнир для того, кто играет в моем стиле, — сказал Виландер.

По его мнению, победы к Роду Лейверу в 1962 и 1969 годах и Дону Баджу в 1939 году пришли гораздо легче, потому что три из четырех турниров «Большого шлема» проводились на траве. Сейчас единственным турниром «Большого шлема», проходящем на таких кортах, остался Уимблдон. Так получилось, что Виландер, однако, дважды выигрывал на траве чемпионаты Австралии, но корты на старом мельбурнском стадионе «Куйонг» были гораздо медленнее, чем в Уимблдоне.

После поражения от Мечиржа Виландер сказал, что его задача теперь — занять первое место в мировой таблицы о рангах, потеснив Ивана Лендла, и... научиться играть лучше на траве. Кроме того, он нацелился на открытый чемпионат США, где проиграл Лендлу в финале-87.

Позже Виландер сказал, что «Большой шлем» не был его целью.

— Каждый говорил мне, что это должно быть моей целью, после того как я выиграл два турнира, — сказал он. — Но думаю, мне все-таки надо улучшить игру... Я не думаю, что кто-либо может ожидать от себя победы в «Большом шлеме»...

Журналисты еще довольно долго продолжали задавать ему вопросы о «Большом шлеме». Однажды Виландер признал, что достижения Лейвера, Баджа и Маргарет Корт были у него на уме.

— Сразу после матча с Мечиржем я был очень расстроен, — сказал он. — Все-таки я немного об этом думал, но «давления» от этой мысли не испытывал...

После неудачного Уимблдона Матс без особых проб-

лем выиграл четвертый турнир «Большого шлема» — чемпионат во Флэшинг-Мидоу.

— Иногда бывает трудно найти мотив для игры. Это зависит от того, с кем играешь, какие обстоятельства и даже какая погода. Чем старше становишься, тем труднее приходит мотивация, — рассуждал он в январе в Аделаиде, словно предчувствуя новые проблемы. — Когда значишься первым номером, то каждый раз находишься в положении защищающегося — от тебя ожидают, что ты выиграешь каждый матч. А когда находишься в начале карьеры, то легче ставить себе цели...

Титул чемпиона Австралии ему отстоять не удалось. Кое-кто уже поспешил списать шведа, занимавшего тем не менее высокое место в мировой таблице о рангах, в число аутсайдеров. Однако Джон Макинрой отмечал:

— Он в сложном положении, но слишком рано его списывать. Я думаю, он будет замечен на турнире в Париже...

...Трехкратный чемпион этих соревнований Иван Лендл даже записал Виландера в число фаворитов:

— Никогда не следует никого недооценивать, особенно такого парня, который выигрывал турнир трижды. Ему нужно только выиграть несколько матчей и вернуть себе уверенность...

7 июня 1989 года Виландер снова предстал на наших телеэкранах в матче с тем же Чесноковым в борьбе за выход в полуфинал чемпионата Франции. И, как и три года назад, на том же просвеченном на весь мир телекамерами центральном корте Виландер был повержен Андреем в трех партиях подряд. Это стало одной из главных сенсаций чемпионата, и многие любители тенниса во всем мире задались вопросом: «Не закатилась ли счастливая звезда Матса Виландера окончательно?»

Но в 24 года уходить из спорта слишком рано, ответ на этот вопрос может дать только время.

Иван Лендл

Свое восхождение на вершину славы, которую завоевал человек, уже несколько лет владеющий первой теннисной ракеткой мира, сам Иван Лендл комментирует так:

— Это результат постепенного подъема наверх, в отличие от резкого взлета таких игроков, как Бьёрн Борг, Джон Макинрой или Борис Беккер. Я начинал не так рано.

Если вы добиваетесь высоких показателей медленно и постепенно, то можете и готовиться к этому постепенно с психологической точки зрения. Я думаю, что пользуясь благами такого подхода, но если бы у меня был выбор, я скорее всего тоже захотел бы пройти путь в чемпионы так же быстро, как они...

До января 1989 года в погоне за «Большим шлемом» Лендл был удачлив только в двух городах — Париже и Нью-Йорке, выиграв три раза чемпионаты Франции и США. Теперь он, победив в январе 1989 года в финале олимпийского чемпиона Милослава Мечиржа — своего соотечественника, добавил в свою коллекцию и титул сильного в австралийском первенстве. Покорится ли ему наконец и Уимблдон?

В основном благодаря этому турниру советские любители тенниса смогли познакомиться с игрой выдающегося спортсмена. Дважды на наших глазах Лендл выходил на Центральный корт как участник финала и дважды покидал эту арену победленным: сначала Борисом Беккером, затем Пэтом Кэшем.

Приходилось слышать и читать множество интервью и высказываний самого Ивана «о теннисе и о себе». Как часто говорит он о заветной мечте — Уимблдоне! Интересно, что о желании завоевать «Большой шлем» сильнейший теннисист мира вслух не высказывается. Что это — неверие в свои силы или реальная оценка сложности предприятия в условиях современной жесточайшей конкуренции и выравнивания сил в мировом теннисе?

Сделаем не такое уж рискованное предположение: это столь же заветная, сколь и затаенная, мечта выдающегося спортсмена наших дней, которую не могут «вытащить» из него даже сверхнастойчивые интервьюеры.

У Ивана Лендла сложная и противоречивая жизненная судьба. Он родился 7 марта 1960 года в Острове. Его первыми учителями на корте были родители: мать Ольга, в свое время вторая ракетка Чехословакии, и отец Иржи. В 1978 году Иван выиграл юниорский Уимблдон и был признан сильнейшим юниором мира.

Несколько лет назад у Лендла возник конфликт с Чехословацкой федерацией тенниса и он перестал выступать за национальную команду в Кубке Дэвиса и избрал постоянным местом жительства США, оставаясь тем не менее гражданином ЧСФР.

Фундаментальная, техничная и мощная игра этого тен-

нисиста не может не вызывать восхищения, хотя его часто обвиняют в излишней сухости и прагматичности на корте. Но до чего же разнообразны и противоречивы высказывания прессы о нем как о человеке! А ведь, как и у всякой знаменитости, его частная жизнь находится под пристальным наблюдением пишущей братии. Написанное о Лендле составило бы десятки томов. Готовя его «портрет», мы воспользовались выдержками из газет и журналов, которые показались нам наиболее интересными.

Иван Лендл доминирует на теннисных кортах земного шара, но с общественным мнением ему не так везет. Однако когда против него начинают высказываться «от имени общественности», то это представляется не очень справедливым. Во всяком случае, настало время еще раз пересмотреть бытующие представления о том, что он холоден, расчетлив и скучен, как писал западногерманский журнал «Теннис-мэгэзин».

Когда молодой Лендл приехал из Чехословакии, он еще не понимал, каким могучим влиянием обладает общественное мнение на Западе, где печать одновременно выступает как обвинитель, судья и присяжный заседатель. Его первый опыт общения с представителями средств массовой информации был неудачным и из-за языкового барьера значительно усложнялся. Новичок неохотно общался с глупыми людьми и не отвечал на дурацкие вопросы — вот так случилось, что вскоре на него навесили ярлык заносчивого, необщительного, резкого и замкнутого человека. Он же считал прессу нечестной и «нечистой». Таким образом, очень быстро установилось взаимное недоверие. С тех пор Лендл прослыл угрюмым, безликим и серым.

Телевидение тоже выставило его эдакой холоднокровной рыбой — никогда не улыбающимся, всегда стремящимся только к выгоде, каким-то роботом, а не человеком.

Иван Лендл с монотонным постоянством выигрывал один турнир за другим, за исключением самых крупных. До того как в 1984 году он наконец победил в Париже. В 1985 году он выиграл открытое первенство США (после трех поражений в предыдущие годы). На крупных турнирах его обычно столь напористая мощь и сильные удары сменялись неуверенностью в себе и неровной игрой. Но будь то победа или поражение, Иван Лендл всегда получал хорошие призовые деньги — более 9 млн долларов за пер-

вые девять лет своей карьеры. И он все больше отгораживался психологическим барьером недоверия и реальными стенами своего дома в Гринвиче, снабженного сигнальными устройствами и охраняемого подложной овчаркой.

— Некоторые люди считают его сдержанность таинственной, и обычно неизвестное нас привлекает. В случае с Лендлом не произошло даже этого, — писал журнал «Спортс иллюстрейтед», удивлявшийся, что игрок такого класса везде сталкивается с неприязнью. — Ни в его движениях, ни в его глазах никто не видит даже проблеска фантазии или юмора. Разве что кто-нибудь вдруг найдет какие-либо причины, чтобы познакомиться с ним поближе...

Между тем Иван Лендл стремится во всем к совершенству и гораздо чувствительнее, чем можно о нем подумать с первого взгляда. Поэтому его весьма задевает, что общественность считает его серой личностью, — ведь такое мнение весьма отличается от его собственного и от мнения его друзей.

— Я не смеюсь на теннисном корте, следовательно, и в других случаях своей жизни я не умею улыбаться. Вот в принципе упрек, который часто адресуют мне, — говорит Лендл. — Однако, если бы можно было сравнить, какое впечатление складывается у людей обо мне во время моего выступления на корте с тем, которое остается после общения со мной в повседневной жизни, разница была бы значительная...

«Спортс иллюстрейтед» поместил фотографию Лендла на обложке своего номера, когда он победил в финале открытого чемпионата США Милослава Мечиржа. Заголовок над фотографией гласил: «Чемпион, которому никто не подражает».

«Если кто-то уже приговорен — даже без суда и следствия, то ему будет трудно добиться от общественного мнения реабилитации, — считает обозреватель Барри Лодж. — Но наступило время внимательнее присмотреться к Лендлу, чтобы понять, почему же к игроку, который очень серьезно работал над собой и добился феноменальных результатов, относятся с равнодушием, граничащим с антипатией. Сам «обвиняемый» проявляет оптимизм, считая, что после изучения всех «доказательств» его правильно оценят и как игрока, и как человека».

Лендл полагает, что первоначально недоброжелательное мнение на его счет постепенно уступит место понима-

нию того, что он обычный человек со всеми людскими слабостями, но и с сильными сторонами, а отнюдь не машина, которая может сломаться при большой нагрузке.

— Постепенно люди начинают меня лучше узнавать, — говорит он. — И поэтому судят обо мне по моим личным качествам, а не по тому, что обо мне пишут средства массовой информации. Кроме того, я считаю, что постепенно и мнение печати обо мне меняется. Все это автоматически отразится на общественном мнении...

— Несомненно, Иван Лендл производил не слишком приятное впечатление, когда в возрасте 20 лет, совершенно неопытный и скованный, приехал в США. Первоначально он практически не понимал нашего языка, не понимал вопросов и, конечно, иногда давал ответы невпопад, — говорит политический деятель Роджер Пирсон из Гринвича. Он считает теннисиста очень образованным, вежливым и приятным в общении человеком — то есть почти противоположная картина привычно мрачному образу.

Иван Лендл по природе весьма аналитичен и довольно точен, выражая свои мысли. Он говорит по-чешски, по- словацки, по-русски, по-польски и по-немецки. Ему потребовалось какое-то время, чтобы уверенно овладеть английским языком. Акцент, мелодия построения речи и порядок слов, особенно отсутствие артиклей, придают его английской речи несколько роботообразный ритм.

Сначала он боялся прессы и, конечно, держался очень скованно и сдержанно. Прошло немало времени, прежде чем он почувствовал себя в новом языке настолько уверенно, чтобы суметь проявить свой развитый интеллект и трезвый ум, а также чувство юмора, как писал о нем корреспондент агентства Ассошиэйтед Пресс.

С течением времени и Лендл научился вести светскую беседу на приемах, поддерживать деловые контакты, держать речь на чувствовании победителей и публично выступать. Он проявляет чувство юмора и никогда не забывает имен своих спонсоров. Подавать себя в выгодном свете в подобных ситуациях для заключения выгодных контрактов, правда, отнюдь не любимое его занятие. Поэтому в таких случаях он никогда не выглядит так естественно, как Джон Ньюкомб или Франц Беккенбауэр.

У первой ракетки мира толстый пакет контрактов на рекламу — от десятилетнего соглашения с «Адидас» на рекламу обуви, одежды и ракеток и до рекламы автомобилей и лечебного хлеба во Франции. Все это тоже дока-

зывает, что на ответственных представителей фирм он производит сегодня более приятное впечатление, а следовательно, представляет собой более ценный объект рекламы, чем это казалось на первый взгляд.

Иван Лендл, кажется, находит удовольствие в различных гражданских инициативах и благотворительных обществах Гринвича.

— Несомненно, он делает гораздо больше, чем любая другая знаменитость нашего города; а знаменитостей у нас хватает, — говорит Барбара Макгиган, возглавляющая кампанию по сбору денег для одного из учреждений здравоохранения в Гринвиче.

«Лендл на корте не разыгрывает из себя клоуна, как Джимми Коннорс или Илие Нэстасе», — пишет журнал «Теннис-мэгэзин».

С ним не случаются также приступы ярости, как с Джоном Макинроем. Что бы у него ни происходило внутри, он никогда этого не показывает зрителям. «Я выхожу на корт, чтобы заниматься своим делом. А чтобы заниматься им хорошо, я должен быть крайне сконцентрирован», — говорит он. — Во время игры в теннис я всегда предельно концентрируюсь. С другим настроением я, несомненно, имел бы массу проблем».

Спортсмен показывает зрителям чистый теннис, безо всяких трюков. Он, правда, весьма честолюбив, но отнюдь не такой тщеславный, как Джон Макинрой. Он также не умеет с комическим облегчением «выпускать пар», как это делает Джимми Коннорс. Но некоторые зрители считают такой силовой теннис без театральных эффектов и трюков скучным.

— Люди не знают, чего хотят, — говорит Панчо Сегура, бывший профессиональный игрок. — У Лендла нет таланта устраивать шоу. Он очень сильно концентрируется на игре; я не думаю, чтобы он мог в этом что-нибудь изменить. Это его природа. Но ведь и Бьёрн Борг был в определенном смысле таким же. Большинство зрителей мало что понимают в теннисе. Но те, кто тонко чувствуют спорт, очень ценят выдержку и силу воли Лендла.

Нынешний чемпион — истинный спортсмен, каковым был и Бьёрн Борг. Разумеется, бывает, что и Иван ожесточенно спорит из-за счета, но при этом ведет себя всегда корректно. По сравнению с Боргом чеха можно признать даже темпераментным...

Вокруг него не группируются восторженные поклон-

ники, он также никогда не имеет того эскорта поп-идола, который всегда сопровождал Борга, а сейчас Беккера и других звезд корта. Но в жизни Лендл гораздо многообразнее и интереснее, чем многие его соперники, — так говорят люди, хорошо его знающие. Он собирает предметы искусства и во многих областях хорошо информирован, в том числе относительно современных событий в мире.

Западногерманский теннисный журнал сообщает:

— Иван Лендл живет в США буквально в бастионе капитализма, в городе Гринвич под Нью-Йорком, где вырос нынешний президент Джордж Буш и где живет множество известных деятелей, например певца Диана Росс. Он ведет приятную жизнь, которую вполне заслужил. У Лендла две автомашины «мерседес», бордовый «порше», на котором он ездит так быстро, что у его пассажиров душа буквально уходит в пятки; у него квартира в Манхэттене, а также дом с садом 14 000 кв. м и участок 182 000 кв. м в шикарном округе Гринвича.

Там он планирует построить солидный дом, чтобы его собаки могли лаять, сколько им вздумается, не мешая при этом соседям...

Представление о Лендле как о человеке замкнутом до некоторой степени является следствием первоначальных разногласий Лендла с журналистами, которые постоянно задавали ему провокационные вопросы об окончательном переезде на Запад, считает Барри Лодж. По совершенно понятным причинам он всегда менял тему. Лендл не проявляет особой предупредительности, он не такой уж светский и доброжелательный человек, но отнюдь и не отшельник.

На американских скоростных трассах он чувствует себя так же уверенно, как на площадках для тенниса и гольфа. Даже в ходе открытого чемпионата США он успевает каждый день сыграть в гольф, который для него — лучшее средство снять нервное напряжение.

Существует мнение, что Лендл добился успеха потому, что сошел Борг, Коннорс постарел, а Макинрой сделал перерыв в выступлениях.

Этот аргумент легко разбить. На Лендла первый раз обратили внимание, когда он побил Борга в Швейцарии. Тогда швед находился в лучшей спортивной форме. В 1981 году в финале в Париже он еще раз обыграл шестикратно чемпиона Франции в пяти партиях. Коннорс был тогда для него самым трудным соперником, однако после 1983

года американец практически не имел шансов в матчах с Лендлом.

Можно также предположить, что своей победой над Макироем на открытом чемпионате США в 1985 году Лендл существенно способствовал тому добровольному перерыву в турнирах, который сделал американец, как в свое время он сам побудил после аналогичной победы в 1981 году преждевременно уйти Борга. Баланс его встреч в 80-е годы со всеми соперниками выглядит исключительно позитивно.

Стиль Лендла в том, чтобы, удерживаясь на задней линии, набирать очки сильными длинными ударами, — они всегда были фундаментом его игры. Благодаря большому трудолюбию и пролитому поту Лендлу в последние годы удалось стать более многогранным игроком.

В 1984 году в ходе победы-марафона Лендла над Макироем на открытом чемпионате Франции огромные усилия его совершенно опустошили. В последующие два с половиной месяца он чувствовал себя так плохо, что не мог тренироваться без отдыха более 15 минут. Пришлось пройти полный медицинский осмотр. Врачи заверили, что он полностью здоров, а причиной плохой формы является «жесткое питание», в связи с чем у него поднялся уровень холестерина.

— Еще мои родители сердились, что я все время питаюсь в «Макдональдсах», пью много кока-колы и поглощаю все эти вредные продукты, — говорит Лендл. — И как любой молодой человек, я всегда отвечал: «Да что вы знаете? Мне виднее».

Оказалось, что в принципе они были правы. Только во время игр с большой нагрузкой я это понял. По счастью, это не нанесло существенного ущерба.

С тех пор чемпион сидит на диете Роберта Хааса и придерживается жесткого тренировочного плана.

— Он выглядит атлетом, способным пробежать на Олимпийских играх дистанцию 1500 метров, — сказал Джон Ньюкомб. — У него такое же волчье выражение лица. Он стал стройнее и прекрасно двигается...

Другой известный австралийский теннисист Тони Роч уже ряд лет является тренером Лендла — они сотрудничают с 1985 года. Специалисты считают, что Роч сделал его игру более разнообразной, помог улучшить нападающие удары, действия у сетки, подачу. Можно заметить, что у этого игрока теперь не только более широкий репертуар

ударов, но и более гибкая тактика. Род Лейвер отметил в беседе с журналистами:

— Три-четыре года назад Иван играл слишком жестко и коротко, в основном топ-спинами и по-настоящему уверенно чувствовал себя, возвращаясь на заднюю линию. Постепенно ему удалось дополнить арсенал ударов, и в борьбе с разными соперниками он способен менять тактические ходы — с Беккером играет не так, как с Мечиржем...

— Одной из причин того, что я многого добился в теннисе, является моя глубокая вера в серьезный труд, — сказал Лендл в интервью корреспонденту газеты «Нью-Йорк таймс». — Большая игра требует полной концентрации, поэтому я чаще всего выгляжу на корте бесстрастным и спокойным. Но это не так. Я не умею и не хочу никого развлекать во время матча, да и не собираюсь ничего делать специально для того, чтобы быть любимцем публики. Приятно ощущать симпатию, поддержку, но для меня еще важнее, чтобы люди лучше узнали меня...

Сезон 1988 года был одним из самых неудачных в его чемпионской карьере: он не выиграл ни одного из турниров «Большого шлема», уступил Беккеру в драматичном финале «Мастерс», а после поражения от Виландера в финале чемпионата США лишился и первого места в мировой классификации, которым владел почти три года. К тому же несколько месяцев Иван не выступал, залечивая травму руки.

Став победителем открытого чемпионата Австралии в январе 1989 года, он вернул звание первой ракетки мира.

— Игра моя с годами не становится слабее, а, наоборот, улучшается, — говорит Лендл. — Я по-прежнему люблю играть, соревноваться, усиленно тренируюсь. Понятно, что когда теннисист в течение нескольких лет занимает высшую позицию, то и соперники и зрители хотят перемен. Моя цель — не предоставлять им такой возможности как можно дольше...

Борис Беккер

Всемирная известность пришла к Борису Беккеру мгновенно — сразу после того, как он выиграл последний мяч в финальной встрече с американцем Кевином Карреном в Уимблдонском турнире 1985 года. Борису тогда было 17

лет 7 месяцев и 15 дней, и он стал самым юным чемпионом за всю многолетнюю историю этих соревнований, а также первым немецким теннисистом, добившимся такого успеха. Этой своей победой, яркой, темпераментной, смелой игрой он очаровал болельщиков всего мира, в том числе и нашей страны, которые имели счастливую возможность наблюдать его в час уимблдонского триумфа. В одном из интервью Борис говорил:

— Когда я впервые выиграл Уимблдонский турнир, многие восприняли это как какое-то чудо. А поскольку чудеса обычно не повторяются, практически никто не верил в то, что я сумею вновь стать там первым. Мне же хотелось постоянно совершенствоваться и играть как можно лучше. И Уимблдон-86 подтвердил, что я действительно неплохо играю в теннис и могу составить конкуренцию лучшим ракеткам мира. Поэтому он навсегда останется самым важным для меня турниром.

После выигрыша Уимблдона началась новая жизнь. Она настолько отличалась от прежней, что впечатление было такое, будто я второй раз родился. Люди подходили для того, чтобы дотронуться до меня. Они хотели удостовериться в том, что я именно тот, кого показывали по телевидению. Однако мне пришлось столкнуться с таким явлением, как завышенные ожидания болельщиков и журналистов. Когда в пяти турнирах я проиграл только Ивану Лендлу — первой ракетке мира, то мое поражение было воспринято чуть ли не как трагедия...

Беккеру удалось повторить уимблдонское достижение год спустя, обыграв в финале Ивана Лендла, и всем стало ясно, что на теннисный небосклон взойшла звезда крупной величины. К концу 1986 года Беккер уверенно занял второе место в мировой классификации, и его многочисленные поклонники (а в ФРГ он стал настоящим идиолом в молодежной среде) были уверены, что не сегодня-завтра Борис обойдет и Лендла и получит право называться лучшим игроком мира.

Но в начале 1987 года у спортсмена произошел разрыв отношений с воспитавшим его тренером Гюнтером Бошем, который, как и менеджер Ион Цриаак, служил как бы барьером между юным теннисистом — чемпионом и волной постоянного психологического прессинга со стороны болельщиков, прессы, представителей делового мира.

В Уимблдоне-87 Беккер, будучи главным фаворитом в своем «фирменном» соревновании, проиграл уже во втором

круге малоизвестному австралийцу Питеру Духану, а в чемпионате США — американцу Брэду Джилберту в матче, где он лидировал по партиям, 2:0.

После этого поражения он в течение нескольких часов без всякой цели разъезжал на машине по улицам Нью-Йорка.

— Я чувствовал себя так, как будто упал с большой высоты на цемент, — признавался потом журналистам Беккер.

Итак, имея репутацию выдающегося игрока и миллионные счета в банке, окруженный всеобщим благожелательным вниманием, молодой человек тем не менее растерялся. А теперь он должен был принимать многие решения самостоятельно.

В качестве нового тренера Борис выбрал австралийца Боба Бретта — ученика знаменитого наставника многих чемпионов Гарри Хопмана.

В 1988 году Беккер вновь попал в финал Уимблдона, получив первое вознаграждение за ту работу, которой занимался совместно с Бреттом. Он одержал победы над Петом Кешем и Иваном Лендлом, прежде чем проиграть Стефану Эдбергу.

Беккер отлично завершил сезон. Кульминацией его успехов стала победа в матче из пяти сетов над Лендлом в финале соревнований «Мастерс» в Нью-Йорке и победа команды ФРГ над теннисистами Швеции в финале Кубка Дэвиса.

Когда приблизился сезон «Большого шлема» 1989 года, Беккер занимал в мировой классификации третье место, в мае перешел на второе и его акции продолжали подниматься.

— Обо мне нередко говорят и пишут как о ветеране, — говорил Беккер в одном из интервью. — Я не знаю, хорошо это или плохо, но в 20 с небольшим я успел уже многое. За очень короткое время я три раза попадал в финал Уимблдона и свыше 25 раз участвовал в матчах на Кубок Дэвиса.

Я неожиданно стал человеком, который живет в большом доме, который может иметь любую машину и который знаком с президентом ФРГ. Я был слишком на виду, может быть, поэтому пытаюсь сейчас быть спокойнее, стараюсь избегать света рампы и найти собственный путь, свое счастье в личной жизни...

Высказывалось мнение, что биологические часы его

организма, выбитые из колеи первым триумфом в Уимблдоне, все еще остаются неотрегулированными. Как выразился Цириак, «тот опыт, который приобрел Борис, сформировал его характер и в то же время деформировал его».

Молодой человек, опережающий в вопросах общественного мнения ФРГ политических деятелей и рок-звезд, провел счастливое, но не простое детство в Леймене, в одном из пригородов, окружающих город Мангейм, и, по его собственному признанию, отличался от сверстников.

— Надо мной всегда смеялись. Смеялись над моим видом, манерой говорить, даже над тем, о чем я думал или мечтал. Все началось с цвета моих волос, все называли меня «рыжий». В этом не было ничего особенного, но я был единственным учеником в школе с таким цветом волос. Я не знал, было ли это хорошо или плохо. Поскольку я хорошо играл в теннис, то водил компанию с теми, кто был старше меня. Я неизменно побеждал их на корте, а они отыгрывались на мне тем, что показывали свое превосходство во многом другом. У них были девушки, они развешивали на машинах или просто знали больше меня. Единственный способ взять реванш для меня состоял в том, чтобы выигрывать в спорте...

Решимость все делать по-своему проявилась, когда Борис стал участвовать в турнирах среди юниоров. Он был упрям, и ему нравилось плыть против течения. Можно сказать, что стиль его игры сформировался благодаря тем хорошим советам, которые он не принимал:

— Когда мне говорили, что при счете 30:40 не следовало бы вкладывать всю силу во вторую подачу, я удивлялся: «А почему бы и нет?» Я чувствовал себя прекрасно, мне нечего было бояться, мне хотелось выиграть это очко, так почему бы не попытаться ударить как следует?..

Люди, хорошо знающие Бориса Беккера, уверяют, что он не обладает таким притякательным для обывателей качеством, как страсть к деньгам, и заставить его говорить о них просто невозможно. Да, он из зажиточной семьи и заработал много денег как призовых, так и за рекламу, но финансовая сторона тенниса интересует его как раз меньше всего. Других она интересует значительно больше. Журнал «Ньюсик», например, в свое время посвятил за работкам спортсмена большую статью, в которой говорил:

«Беккер не только Беккер. Это целая компания Бориса

Гильермо Вилас в совершенстве владел топ-спином и после больших побед продолжал играть в больших турнирах просто для себя

Беккера, один из самых значительных денежных механизмов в истории спорта. Не многие атлеты «гребут лопатой» деньги, как это делает рыжевато-вспушенный юноша, который буквально ворвался в ряды мировой теннисной элиты в 1985 году, став самым молодым победителем Уимблдона. Феноменальные успехи теннисиста за пределами корта — дань его таланту игрока, его личной популярности, а также деловой предприимчивости менеджера Иона Цириака, который поднял коммерческую сторону тенниса на, пожалуй, еще невиданную высоту.

Наибольшие прибыли получают от рекламы. Когда в 1984 году Цириак начал сотрудничать с Беккером, он обратился к западногерманской фирме «Адидас», гиганту в области производства спортивной одежды, обуви и снаряжения, с просьбой «пожертвовать на карьеру» своего

питомца сто тысяч долларов; компания отказала. Тогда Цириак связался с конкурирующей фирмой «Пума», президент которой Армин Дасслер оказал ему содействие и с тех пор стал энергично поддерживать Беккера. На доходах компании это отразилось самым благоприятным образом. В 1984 году, до того как Беккер подписал контракт с «Пумой», фирма продала пятнадцать тысяч теннисных ракеток. На следующий год эта цифра возросла до семидесяти тысяч, а в 1986-м было реализовано уже триста тысяч ракеток. Официальные представители «Пумы» говорят, что «теннисный бум Беккера» довел ежегодный товарооборот компании до пятидесяти миллионов долларов.

«Товарный потенциал» Беккера оказался важным и для итальянской фирмы одежды «Элессе». Она была настолько дальновидной, что не отказала Цириаку, когда три года назад тот попросил у нее двадцать тысяч долларов на расходы. После того как в 1985 году Беккер стал победителем Уимблдона, товарооборот этой фирмы только в Западной Германии увеличился на двадцать процентов, составив три миллиона долларов...»

Выиграв в 1985 году Уимблдон, Беккер понимал, что это большой турнир, но не мог осознать, насколько он важен на самом деле.

— Когда в финале мой соперник после двух ошибок на подаче проиграл первый сет, — вспоминает Беккер, — я подумал: почему он так нервничает? Ведь он уже не первый раз в финале!..

В том матче Беккер покориł болельщиков всего мира своим раскованным стилем игры и мальчишескими проделками — порой он, например, жонглировал мячом как футболист.

— Проигрываю я или выигрываю, шума вокруг меня поднимается больше, чем вокруг Штеффи Граф. Она слишком недовольна, слишком велик ее отрыв от остальных теннисисток. Такого, наверно, еще никогда не случилось в теннисе, — считает Беккер. — У людей часто происходят неприятности: у кого на работе, у кого дома, у кого со здоровьем. Оказалось, что и у меня могут быть неприятности. Может быть, теперь они поймут, что у нас с ними много общего...

Поклонников Бориса, всех любителей тенниса интересует вопрос: «Сможет ли он стать подлинным чемпионом, постоянным победителем, игроком номер один?»

— Конечно, он в состоянии быть первым номером, — считает его тренер Бретт. — Он уже почти стал им в конце 1986 года, а после Уимблдона 1988 года был не хуже любого другого теннисиста в то время. Борис проделал всю необходимую подготовку, пережил взлеты и падения. Между Беккером-теннисистом и Беккером-человеком практически можно поставить знак равенства...

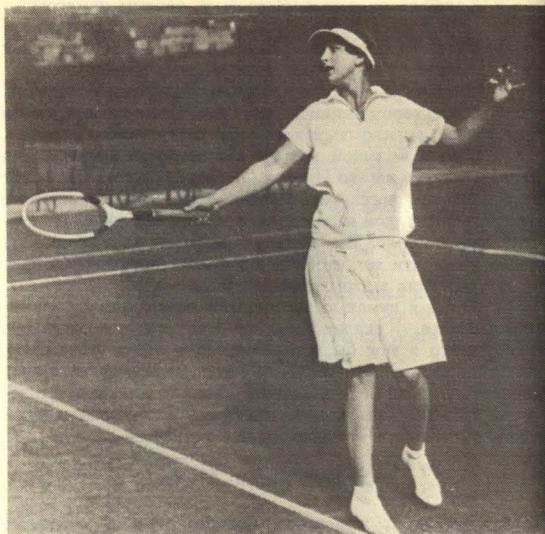
— Самый большой вопрос в отношении Беккера для меня, — сказал как-то Цириак, — состоит в том, что будет руководить им через четыре-пять лет? Если вы мечтаете выиграть Уимблдон и не сделали этого, то в какой-то степени вам повезло. Вы можете трудиться как проклятый в течение десяти лет, чтобы реализовать свою мечту. Борис не так счастлив в этом отношении...

— Когда я думаю о перспективе стать лучшим теннисистом мира, — сказал Беккер, — то хочу представить себе, на что я мог бы употребить этот титул. Например, на организацию чего-то подобного теннисному варианту концертов, которые организует «Международная амнистия». Это было бы хорошим стимулом для дальнейшей активной жизни в международном теннисе...

Хелен Уиллс-Муди

Одной из звезд женского мирового тенниса считается американка Хелен Уиллс-Муди. Ее называли первой королевой Америки. Портреты ее помещены в музей тенниса. Спортивная карьера Хелен продолжалась 17 лет, и за этот период она сумела выиграть титул чемпионки Уимблдона восемь раз, семь раз первенствовала в Форест-Хиллсе. Стиль ее игры считали консервативным — она предпочитала придерживаться задней линии, нанося точные безупречные удары, пока соперница не делала ошибку или не сдавалась от усталости. Конечно, теннисистка могла играть и у сетки, но удары с лёта использовала чаще всего как сюрприз. Для перечисления имен тех, кому она проиграла, достаточно пальцев одной руки.

Нам не довелось встретиться с ней, а потому пришлось восполняться материалами из различных журналов, собирая информацию по крохам. Разумеется, можно было бы подготовить биографический очерк от «начала» и до «конца», но... Мы предлагаем вам, читатели, ту часть, которая является одной из интереснейших в жизни любого спортсмена — становление звезды.

Хелен Уиллс. Соперниц, побеждавших ее, можно было пересчитать по пальцам одной руки

Хелен Ньюингтон Уиллс родилась 6 октября 1905 года в Сентервилле, в Калифорнии. Ее отец работал хирургом в госпитале, а мать преподавала социологию и педагогику. Единственное, что огорчало родителей Хелен, — ее здоровье.

— Девочка должна быть больше на свежем воздухе, — решил отец.

Врачи в Америке относятся к категории весьма состоятельных лиц, и отец купил ей лошадь и стал вывозить дочь на охоту. Он же привел Хелен и на теннисный корт. Как врач, он был убежден, что только теннис поможет Хелен окрепнуть.

Сначала дочь была отнюдь не в восторге от нового занятия — игры, на первое ее впечатление, слишком скучной. Хелен предпочитала лихие забавы.

Позднее она вспоминала:

— Теннис был не так увлекателен, как игра в Тарзана, но, по крайней мере, это была тоже игра...

Однажды кто-то рассказал тренеру Уильяму Фуллеру о девочке с длинными косами, которая обыгрывала всех соседских мальчишек. Фуллер, руководитель программы по работе с юниорами при теннисном клубе Беркли, как раз искал таланты на любительских площадках в окрестностях Сан-Франциско. Он был немало удивлен, увидев ее не по годам взрослую игру, и тут же уговорил отца Хелен купить для дочери членский билет Берклийского клуба, чтобы она имела возможность заниматься под руководством тренера.

В августе 1919-го, когда Сюзанна Ленглен выиграла свой первый Уимблдонский турнир, Хелен Уиллс начала занятия с тренером. Им был конечно же сам Фуллер, который прибег к оригинальной тренировочной методе: чтобы ученица не копировала его ошибки, он попросту не брал с собой ракетку. В течение урока он только набрасывал ей мячи.

— В отличие от большинства девочек, которые боятся мяча, Хелен ни разу не растерялась, — рассказывал он.

После каждого урока Фуллер искал для своей подопечной партнера для тренировочного матча. Когда она обыграла всех юношей — членов клуба, Фуллер был вынужден подыскивать ей в партнеры прилично играющих студентов университета.

Несмотря на то что из школы Фуллера вышел целый ряд чемпионов, его имя в истории тенниса постоянно связывают только с Хелен Уиллс. Сама же Хелен всячески отрицала какое бы то ни было влияние Фуллера. Всегда, когда речь заходила об истоках ее побед, она подчеркивала, что Фуллер никогда не был ее тренером.

— Я всему научилась сама. Отец был единственным человеком, к чьему совету я прислушивалась...

Мало того, Хелен утверждала, что никогда серьезно не тренировалась.

— Я играю только из удовольствия. Никогда не била мяч об стенку. Все то, чему научилась, я приобрела во время игры с другими соперниками. Даже подачу тренировала во время матчей...

Зато Фуллер в 1956 году незадолго до смерти сказал, что Хелен была лучшей теннисисткой из всех, которых он тренировал и видел за всю свою долгую жизнь в теннисе.

В 1921 году Хелен выиграла чемпионат Калифорнии среди женщин, после чего отправилась на восточное побережье, чтобы впервые попробовать силы на травяных кортах, и с ходу выиграла соревнования юниоров в Форест-Хиллсе! Правда, на женском турнире она проиграла во втором круге. Поездка на восток для 15-летней Хелен была ознаменована поистине великолепным событием — она впервые увидела «божественную» Сюзанну Ленглен. Хелен сидела с матерью в первом ряду заполненного до отказа стадиона Форест-Хиллса, когда на корт вышли первая ракетка женского тенниса Ленглен и чемпионка США Молла Мэллори.

— Когда я увидела этот матч, то поняла, зачем тренируюсь и как хотела бы играть в будущем, — вспоминала Хелен.

К разочарованию зрителей, матч был прерван во втором сете — дал о себе знать бронхит Ленглен.

Спустя год на том же корте стояла сама Хелен: в финале чемпионата США она бросила вызов самой Мэллори, но проиграла. Хелен была сенсацией сезона. Зрители удивлялись, как серьезно юная теннисистка относилась ко всему, что происходило на корте. Ни улыбки, ни тени переживаний на совершенно спокойном личике. «Личико игрока в покер» — так переводится кличка Хелен, данная ей журналистами за невозмутимость и кажущуюся бесчувственность. Сама Хелен, не отдавшая в матчах с 1927 по 1933 год ни одного сета и ни разу не потерявшая в них самообладания, очень просто объясняла секрет своей невозмутимости:

— Отец еще в детстве посоветовал мне не гримасничать во время игры. Он говорил, что это способствует появлению морщин...

На вопрос, почему она ни разу не обмолвилась словечком с соперницами при смене сторон, Хелен отвечала:

— Теннис — это борьба, а не болтовня за чашечкой кофе...

С такой установкой, не останавливаясь, она шла вперед по пути к новым вершинам. В конце сезона 1922 года Хелен Уиллс была уже третьей ракеткой США. Специалисты причисляли ее к самым перспективным спортсменкам мирового тенниса.

— В 1923 году у Хелен не выиграть уже никому, — предупреждала Хелен Цайтмен, одна из ведущих американских теннисисток.

К этому времени на уме у Хелен были вещи посерьезнее тенниса. По крайней мере, так считала она сама.

— Теннис для меня всегда будет второстепенным занятием. Я хочу посвятить свою жизнь искусству, — заявила она в 1923 году. Окончив колледж, Хелен начала готовиться к поступлению в Калифорнийский университет.

И все же к своему хобби она относилась достаточно серьезно, чтобы летом 1923 года снова поехать на восток. Когда она вошла в клуб Форест-Хиллса, знакомые Хелен буквально потеряли дар речи — за прошедший год она выросла почти на 20 сантиметров. Опасения соперниц оправдались уже в первых матчах: при росте 170 сантиметров Хелен весила 75 килограммов, и сила ее ударов стала неотразимой.

— Удары Хелен были настолько сильны, что мячи, казалось, врзались в землю, — говорила одна из соперниц. — Если вы играете против Уиллс, у вас есть две возможности: либо вы ломаетесь психологически, либо она ломает вам руку...

Эксперты отмечали в игре Уиллс массу «недостатков». Свои коронные удары как справа, так и слева она наносила из «неправильного» положения, не поворачиваясь боком к сетке. К тому же многие утверждали, что работа ног у Хелен явно оставляет желать лучшего. Соперницы были, правда, другого мнения: все они утверждали, что Уиллс обладала шестым чувством, помогающим ей точно предугадывать направление полета мяча. И уже созсем не согласны с экспертами были зрители, которым игра Хелен казалась совершенством. Поклонником ее таланта был и Чарли Чаплин, который на вопрос, что есть Прекрасное, отвечал:

— Хелен Уиллс в игре.

Сюзанна Ленглен

В истории мирового тенниса немало легендарных имен. Одно из них — Сюзанна Ленглен, которую в пору ее выступлений, а также многие годы спустя называли самой великой спортсменкой — королевой тенниса. В 1914 году, когда ей было всего 15 лет, она выиграла свой первый турнир, проходивший в Южной Франции, где Сюзанна родилась и выросла. В тот же год во Францию вторглись немецкие войска — первая мировая война прошагала по Европе, и только после ее окончания, в 1919 году, возобно-

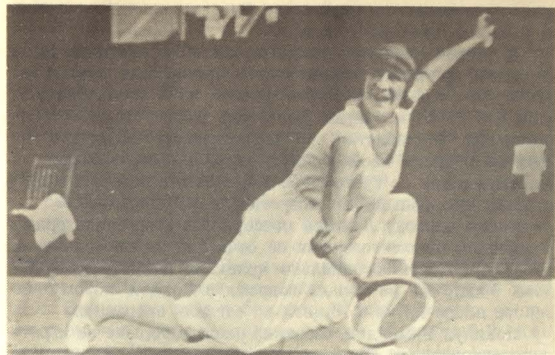
вились международные спортивные контакты, в Ленглен смогла приехать в Лондон на Уимблдонский турнир.

Впервые выйдя на травянистые корты, француженка проществовала по ним триумфально. В решающем матче она победила англичанку Доротею Ламберт-Чэмберс — семикратную чемпионку Уимблдона. Эта встреча вошла в число лучших матчей столетия тенниса. Она и по сей день значится как одна из самых упорных в истории женского Уимблдона. Долгая и изнурительная борьба в первом сете приносит успех Ленглен — 10:8. Во втором ведет опытная англичанка — 6:4. В решающей партии двадцатилетняя француженка повела — 4:1, но Ламберт-Чэмберс сумела мобилизоваться и не только выравняла положение, но и поставила соперницу в критическое положение — 6:5 и 40:15 — двойной матчбол. Сюзанна отыграла эти очки, причем один из мячей она достала у сетки ободом ракетки и чудом сумела перекинуть на другую сторону площадки. В итоге она выиграла решающий сет — 9:7 и первый из своих пяти подряд (а всего шести) титулов победительницы Уимблдона в одиночных турнирах. В 1920—1923 годах она не отдала соперницам ни одного сета. Она также выигрывала этот турнир шесть раз в паре и три раза в миксте. А с Ламберт-Чэмберс они встретились в решающем поединке и на следующий год, но счет уже был другой — 6:3, 6:0 в пользу Ленглен.

Отца и тренера Сюзанны Шарля Ленглена упрекали в том, что он истязает дочь изнурительными тренировками. Но непривычные для других спортсменок занятия на корте, интенсивные и регулярные, позволяли француженке легко расправляться со всеми соперницами — достойных в течение нескольких сезонов не находилось для нее ни в Париже, ни в Лондоне. Сюзанна восхищала зрителей невиданной до нее среди женщин мужской манерой игры: она в совершенстве владела сильной подачей, завершающими ударами с лёта у сетки, уверенно била «смешки».

Как истинная француженка, Ленглен шла впереди всех и в теннисной моде. Когда все играли в длинных, до полу, юбках и блузах с длинными рукавами, она появилась в Уимблдоне сначала в короткой юбке, а затем и без традиционной белой шляпки, заменив ее цветной лентой.

К сожалению, замечательную теннисистку преследовали болезни: астма, желтуха, случались и необъяснимые нервные истерики. Одна из них произошла в Уимблдоне после трудного четвертьфинального матча с американкой

Сюзан Ленглен. Очевидцы были в восторге от ее игры. «Танцующая» на корте, она не забывала и о выигрыше очка

Элизабет Райан. По настоянию доктора главной фаворитке соревнований пришлось выйти из борьбы и возвратиться в Париж. На следующий год Сюзанна полностью реабилитировала себя, проиграв за весь чемпионат только... пять геймов.

Большим событием в теннисной жизни тех лет было соперничество Ленглен и восходящей звезды американских кортов юной Элен Уиллс. Сначала они как будто избегали друг друга, и все ждали их встречи. В феврале 1926 года теннисистки сошлись наконец в финале популярного тогда турнира в Каннах. 26-летняя Ленглен не знала поражений более пяти лет. Хелен было 20, и поклонники предсказывали ей большое будущее, что в дальнейшем и сбылось — уже под фамилией мужа Мути американка выиграла в 1938 году свой восьмой одиночный Уимблдон.

А тогда отчетами о матче Ленглен — Уиллс были заполнены многие страницы газеты, а затем они перекочевали в различные теннисные книги. Ажиотаж был необычайный, а трибуны местного клуба вмещали всего 4 тысячи зрителей. Среди них были члены королевских фамилий полдюжины стран, богачи и знаменитости, платившие за место по несколько сотен долларов. Из-за океана прибыли американские болельщики, присутствовало более

сотни спортивных журналистов. Зрители заполнили крыши и балконы ближайших домов.

И встреча вошла в число лучших матчей теннисного столетия, причем ей отдано второе место после матча Баджа и фон Крамма в Кубке Дэвиса 1937 года. Эмоциональный накал поединка был столь велик, что обе замечательные теннисистки, по свидетельству очевидцев, не смогли показать свою лучшую игру, а матч, выигранный французской со счетом 6:3, 8:6, вошел в историю еще и потому, что больше им встретиться не пришлось.

В том же году Ленглен поссорилась с организаторами Уимблдона после того, как ее отчитали за опоздание на встречу, которую специально приехала посмотреть королева. Уиллс же не попала вовремя в Лондон, потому что вскоре после матча в Каннах ей сделали операцию.

Покинув Уимблдон, Сюзанна решила больше не играть в соревнованиях. Проведя профессиональное турне, она быстро почувствовала, что не получает удовольствия от развлекательной, хотя и хорошо оплачиваемой игры. Вскоре она открыла в Париже теннисную школу.

В начале 1938 года Ленглен тяжело заболела и летом, как раз в дни Уимблдона, умерла. Посмертно она была награждена высшей наградой Франции — орденом Почетного легиона.

Дорис Харт

Первое, на что обращали внимание любители тенниса, увидев американку Дорис Харт, была ее походка. Она слегка прихрамывала и была на удивление медлительна на корте. И тем не менее добилась таких результатов, что стала одной из выдающихся теннисисток мира. Когда девочке было всего чуть больше года, небольшая травма правой коленки, затем ошибочный диагноз и неправильное лечение привели к серьезной инфекции. Доктор предложил исправить свою ошибку с помощью... ампутации. К счастью, у родителей Дорис была возможность обратиться к другим специалистам. Нога была спасена, но в ней никогда так и не было полной силы и подвижности. Дорис утешалась тем, что великая Хелен Уиллс-Муди также никогда не была быстрой.

Дорис сумела компенсировать недостаток подвижности совершенством в других компонентах игры. Она обладала богатым арсеналом эффективных ударов, мощной подачей

и уверенными ударами над головой. Спортсменка выполняла их непринужденно и легко, так же как и удары с лёта, которые были, как говорят, «кинжальными». Всего этого Харт достигла за годы упорной работы с помощью старшего брата Бада, который сам был игроком достаточно высокого класса — входил в десятку сильнейших теннисистов США. Всем было ясно, что, несмотря на физический дефект, девочка посвятит свою жизнь игре, и семья Дорис всячески поддерживала ее в этом.

Ей было 23 года, когда она в 1949 году приехала в Австралию и выиграла свой первый турнир «Большого шлема». Тогда же Дорис составила смешанную пару с Фрэнком Седжменом. Это оказалась великолепная комбинация. В течение ряда лет никто не мог превзойти этот дуэт. Они по два раза побеждали во всех турнирах «Большого шлема». Пара выглядела свежей, элегантной и даже грациозной. Их отличало потрясающее взаимопонимание.

Сама же Дорис в начале 50-х годов выиграла несколько самых громких титулов. Так, в 1951 году она стала чемпионкой Уимблдона, не проиграв за весь турнир ни одного сета и победив за 34 минуты соотечественницу Ширли Фрай, — 6:0, 6:1. В то лето Уимблдон был покорен американской теннисисткой полностью. Ей удался так называемый «хет-трик» — она выиграла пару с «обиженной» Фрай и смешанный разряд с Седжменом. В миксте Харт первенствовала на лондонских кортах до 1955 года (последние три раза с американцем Виком Сейксом), а в паре с Фрай — до 1953 года. Все три разряда покорились ей и в 1954 году на чемпионате США.

Дважды Харт побеждала на чемпионатах Франции — в 1950 и 1952 годах. А после двенадцати безуспешных попыток стала чемпионкой США — в 1954 и 1955 годах.

По мнению многих, ее самым великим матчем был тот, который она... проиграла — финал Уимблдона 1953 года против Морин Конноли. Дорис использовала весь свой богатый арсенал ударов, чтобы сбить Конноли с ритма. Незадолго до того на чемпионате Италии такая тактика принесла ей успех, но на сей раз Морин победила — 8:6, 7:5, продолжив путь к «Большому шлему», завоеванному ею в тот год.

В 1955 году Дорис Харт перешла в профессионалы, а позже стала тренером теннисного клуба во Флориде, живя неподалеку от тех мест, где выросла и тренировалась со своим братом, развивая в себе то уникальное качество целеустремленности.

Ивонн Гулагонг

По числу чемпионов на душу населения Австралия, наверное, стоит на одном из первых мест в мире. Но вот легендарных спортивных героев не так много. А среди них — Ивонн Гулагонг. За ее выступлениями на корте следил весь континент, следил с озабоченностью и некоторой озадаченностью. В одном матче Ивонн могла показать всю гамму тенниса — наносить нетрадиционные удары, действовать легко, а затем вдруг начать делать необъяснимые ошибки, и выигранный, казалось, матч внезапно начал «ускользать». Но затем неизбежное поражение вдруг трансформировалось в триумф.

Наблюдать за ее выступлениями на корте было все равно что участвовать в непрерывно идущей пьесе. Могла бы она сделать свою игру еще более яркой? Могла ли она сама «подниматься», чтобы избежать поражения? Болеть за нее было все равно что бросаться между двумя полярными эмоциональными проявлениями: с одной стороны — чувство своей беспомощности, с другой — экстаз от восторга. Хотя души зрителей находились в постоянном трепете, хотя ее игра была непредсказуемой в каждый следующий момент, одно оставалось неизменным — сама Ивонн. Неважно — взлет или падение, победа или поражение, она производила впечатление человека, испытывающего простую радость физического удовлетворения от игры — от бега и прыжков, от ритма ударов.

Ивонн родилась 31 июля 1951 года в небольшом местечке Бареллан в семье, которая во всех странах считается многодетной — она была одной из восьми детей и наполовину аборигенка. Когда ей было десять, тренер Вик Эдвардс обратил внимание на способную девочку, и это открытие принесло ему славу. Помимо тренировок он стал ее защитником и близким советчиком на многие годы.

До 18 лет, пока Ивонн не вышла на большие турниры, она выиграла 42 региональных и национальных чемпионата Австралии в различных возрастных группах. В 19 лет — в 1971 году — она выиграла открытый чемпионат Франции и Уимблдон (в тот момент она была самой юной чемпионкой Английского клуба). А дальше цепочка побед только в одиночном разряде выглядела так: чемпионка Франции 1974, 1975, 1976, 1977, 1978 годов. На чемпионатах США она была финалисткой в 1973, 1974, 1975 и

На теннисном корте Ивонн Гулагонг выглядела очень артистичной. Естественность и грациозность отличали ее игру

1976 годах. После рождения ребенка она вновь появилась на кортах в 1978 году и выиграла 42 из 50 матчей и 5 из 12 турниров, в том числе Уимблдон в 1980 году. Она регулярно выигрывала у всех великих теннисисток своего поколения, за исключением Крис Эверт.

Даже уйдя из тенниса, Ивонн осталась национальной героиней Австралии, и ее пример и по сей день вдохновляет многих молодых теннисисток. Соотечественники «простили» ей даже то, что в 1975 году она вышла замуж за англичанина Роджера Коули, и они переехали на постоянное жительство в США, в Южную Каролину.

В 1979 году Ивонн в разговоре с корреспондентом журнала «Теннис» неожиданно закатала рукав свитера, напяргла руку и сказала:

— Посмотрите на эти мускулы. Когда я играла в теннис, они были не такими. Я нарастила их, таская Келли...

Улысывая свое имя, дочурка улыбнулась маме.

— Я прошла по многим ступеням жизни, — призналась Ивонн, без малейшей тени самовлюбленности, которая обычно сопровождает такие замечания. — Мы жили практически в резервации аборигенов, чем был на самом деле Бареллан, потом был Сидней, а теперь мы живем здесь. Прежде чем появилась Келли, я думала, что семейная жизнь закроет для меня теннис. Но, если бы пришлось выбирать между ними, я немедленно отбросила бы теннис. А теперь, когда Келли стала, скажем так, личностью, я поняла, что хочу снова играть.

Я вынуждена была остановиться в тот момент, когда в действительности начала играть хорошо. Но семейная жизнь позволила мне расставить многие вещи по местам. Я стала чувствовать себя увереннее во всем и везде. Даже когда выхожу на корт...

Правда, теперь она чаще выходит на корт со своими детьми или по особым случаям в показательных матчах. В 1988 году она оказалась единственной, кто был удостоен чести избрания во всемирный теннисный Зал славы.

— Я никогда не думала, что это может произойти со мной, когда играла в турнирах. Но теперь, когда это случилось, чувствую себя удивительно, — сказала она со своей традиционной непосредственностью в официальной речи в Ньюпорте.

Билли-Джин Кинг

В спорте существует два типа чемпионов. Первый тип — это те, кто сужает свою жизнь до тех лимитов, которые требуются, чтобы не стать никем иным, кроме чемпиона. Второй — это люди с ярко выраженными персональными чертами, те, кто окрашивает своим присутствием все вокруг, кто помогает раскрыться другим. Вторых бывает меньше, они довольно редкая порода, но они настолько заметны и примечательны, что не уходят со сцены, даже уйдя из большого спорта, к тому же их жизнь бывает окружена большим количеством разнообразных мифов. Одной из таких чемпионок является американка Билли-Джин Кинг.

...В 1972 году она могла бы стать обладательницей «Большого шлема», но не стала ею, так как попросту не участвовала в открытом чемпионате Австралии. Другая на ее месте испреживалась бы, но Билли-Джин никогда не была такой.

Она родилась в ноябре 1943 года в Калифорнии, в городке Лонг-Бич, который сейчас входит в понятие Большой Лос-Анджелес. Ее отец служил в пожарном департаменте, а брат Рэнди увлекался бейсболом. Вообще семья была достаточно спортивной, и поэтому вопрос был только в том, каким видом спорта займется девочка. Ее увлечением стал теннис, где, как ей казалось, лучше всего могли проявиться ее индивидуальные качества. Дело в том, что Билли-Джин при всей своей внешней обаятельности — достаточно агрессивная натура.

Ее стиль игры в двух словах можно назвать как «подача-игра с лёта». Она всегда стремилась как можно скорее войти в корт, бить по мячу на взлете и при первой же возможности выйти к сетке. Может быть, она не была столь сильна, как Маргарет Корт, не столь стабильна, как Крис Эверт, но ее неумная страсть к победе часто давала ей нужное преимущество. На корте она достаточно часто давала волю своим эмоциям — на ее лице были видны гримасы, она частенько разговаривала сама с собой.

Ей не было и семнадцати, когда в 1960 году она выиграла титул чемпионки США на твердых кортах в парном разряде вместе с Дарлин Хард. В 1961 году она уже играла в составе команды страны в Кубке Уайтмана и победила в двух из трех матчей.

Крупным испытанием был открытый чемпионат Австралии в 1968 году, когда она уже носила титул первой ракетки мира. Дело в том, что Маргарет Корт-Смит решила вернуться в теннис. Правда, никто не ставил под сомнение правомерность того, что Билли-Джин стояла под первым номером в турнирной сетке, — в ее активе уже были два титула чемпионки Уимблдона и один — чемпионки США в одиночном разряде. Однако человечество так устроено, что элемент сентиментальности всегда присутствует на соревнованиях, когда в них участвуют бывшие звезды.

На кортах Куйонга в финале действительно встретились Кинг и Смит. Американка металась по корту между розыгрышами очка, что-то бормотала, австралийка, обладательница «Большого шлема», наоборот, держалась очень скромно, более того, казалось, что она лучше себя чувствуй-

«Оружием» Б.-Дж. Кинг был атакующий стиль игры

ет в мгновения игры, нежели в паузах. Весь матч длился всего 39 минут — Кинг выиграла 6:1, 6:2. Публика тем не менее на этот раз выразила столько симпатий в адрес Корт, сколько она не получала, когда одерживала свои выдающиеся победы.

После финала Билли-Джин заявила журналистам:

— Не списывайте Маргарет, ей нужен еще год, чтобы она показала свою лучшую игру.

И как в воду глядела — на следующий год в финале результат уже был в пользу австралийки.

Любопытно, что после успеха в Австралии в 1968 году Билли-Джин больше не добивалась успеха на кортах Зеленого континента, но зато ее ожидали гораздо более весомые достижения как на спортивных площадках, так и в общественной жизни. Она шесть раз выиграла титул чемпионки Уимблдона в одиночном разряде, а вместе с парными у нее было 20 побед на кортах в столице Англии. Кинг была главной движущей силой в создании Женской теннисной ассоциации и в битве с организаторами турниров за равные призовые фонды с мужчинами. В 1971 году она стала первой женщиной-теннисисткой, которой в течение года удалось выиграть более 100 000 долларов. Но это было очень далеко от призовых заработков мужчин. Более того, чемпион

Уимблдона среди мужчин 1939 года Бобби Риггс высмеял женский теннис, вызвал на матч, условием которого было — победитель получает все, Маргарет Корт и обыграл бывшую звезду — 6:2, 6:1.

Билли-Джин, поняв, какой удар это нанесло позициям слабого пола, решила нанести ответный удар по мужскому шовинизму в спорте. Ее матч с тем же Риггсом был назначен в знаменитом Дворце спорта в Хьюстоне — в «Астродоме», приз был установлен в 100 000 долларов. Рекламная кампания и ажиотаж достигли такой степени, что игра была назначена на самое

«холодное» время по американскому телевидению и за ним следили в десятках миллионов домов. Кинг «высекла» ветерана — 6:4, 6:3, 6:3, одержав тем самым значительную победу для женского тенниса и для женского движения в стране. Более того, некоторые специалисты считают, что с того момента теннис стал одним из самых популярных видов спорта среди зрителей, почти национальной религией в США, как он был в пятидесятые годы в Австралии.

Кинг всегда отличали неординарные поступки, которые соответствовали ее представлениям о справедливости. Так, после победы на Уимблдонском турнире 1975 года она заявила официальным лицам, что не пойдет на Бал чемпионов, если туда не будут приглашены супруги Твинам. Мистер Твинам был главным смотрителем кортов, а его супруга — распорядительницей женской раздевалки. Можно сказать вполне определенно, что никогда хозяевам Всеанглийского клуба и мысли не приходило в голову пригласить супругов Твинам в свое общество. Но в тот вечер они были в зале и видели, как Билли-Джин танцует свой главный танец с Артуром Эшем.

Отдадим должное Билли-Джин и спросим себя: бывало ли, чтобы в минуты триумфа мы не забывали о Твинамах, которые скромно делали свое дело ради нас? Правда, Билли-Джин в своей автобиографии чуть ли не с болью пишет, что она вела борьбу главным образом с американским традиционным махровым индивидуализмом.

...В июне 1989 года стало известно, что Билли-Джин сбросила около 14 килограммов веса, усердно тренируется и готовится выйти в паре с Мартиной Навратиловой.

— Неужели 45-летняя теннисистка решила участвовать в Уимблдоне? — стали задавать вопрос поклонники ее таланта. Репортеры тут же выискали в своих досье, что свой последний матч американская звезда сыграла в паре — вместе с Рози Казальс в 1985 году. Кстати, тогда они проиграли Крис Эверт и канадке Карлинг Баскетт.

Сама Билли-Джин смеялась — она намеревалась сыграть только на турнире в Бирмингеме. Что касается Уимблдона, то он входил в ее планы только как объект для комментария по телевидению.

Крис Эверт

Более полутора десятка лет ее имя не сходит со страниц крупнейших спортивных изданий, а по телерепортажам — с крупнейших теннисных соревнований. Крис Эверт знают в лицо почти в каждой семье, увлекающейся этим видом спорта. Благодаря выдающимся успехам на корте, привлекательной внешности, общительности и необычайной доброжелательности Крис много лет была одной из самых популярных спортсменок в мире.

Она прославилась и маленький городок Форт-Лаудердейл в штате Флорида, в котором родилась в 1954 году. Говорят, что под солнцем Флориды в условиях вечного лета теннисисты растут как грибы. А в том, что Крис с малых лет взяла в руки ракетку, есть и другая, еще более веская причина: ее отец — Джим Эверт основал теннисную школу в спортивном комплексе «Холлидей-парк». Естественно, что у дочери не было никаких проблем с тренировками. Правда, первые уроки тенниса не доставляли Крис большого удовольствия, тем более что ей пришлось ради них пожертвовать занятиями в бассейне. Но чем чаще ей удавалось перебивать мяч через сетку, тем с большим чувством гордости она относилась к своим достижениям.

К занятиям на корте Крис с первых ударов по мячу относилась очень ответственно и серьезно. Уже в 16 лет она сумела достичь полуфинала открытого чемпионата США, а в семнадцать вступила на стезю профессиональной теннисистки. Одна из ее сестер (в семье Эверт пять детей) тоже пробовала себя на спортивном поприще, но больших успехов на корте не добилась, что, кстати, является одним из доказательств необходимости иметь... талант.

В 20 лет Крис, став тогда сильнейшей на французском чемпионате и в Уимблдоне, открыла серию побед, позволяющих ей в течение многих лет оставаться на чемпионском троне. В одиночном разряде Крис была победительницей в Париже рекордное количество раз — семь, в Уимблдоне — трижды, в чемпионате США — шесть раз, Австралии — дважды. В 1979 году американка провела рекордную беспроигрышную серию из 125 матчей!

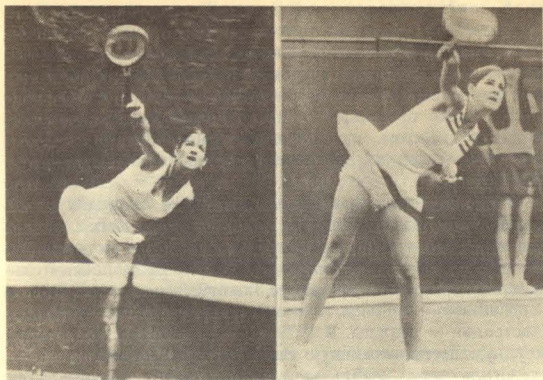
Стиль игры Эверт — это прежде всего максимальная надежность и точность выполнения всех ударов. Но тут надо сделать некоторые пояснения. В детстве Крис не отличалась завидным физическим развитием. С самого начала она предпочитала играть с задней линии, что объяснялось и качеством покрытия кортов во Флориде — они, как правило, грунтовые, с медленным отскоком мяча. Слева ей было удобнее бить, держа ракетку двумя руками. Когда Крис окрепла физически и отец попытался отучить ее от этой привычки, у него ничего не получилось. Зато сохранился самый знаменитый из ударов прославленной чемпионки.

Но многие наставления отца, которые Крис пришлось выслушивать в детстве, были полны здравого смысла. Он, например, учил дочь не предпринимать в игре ничего такого, что ей не по силам. Он прекрасно сознавал, что Крис не обладает агрессивным темпераментом, чтобы стать хорошей сеточницей, и в процессе обучения огромное значение придавал самодисциплине и умению концентрироваться. В устах Эверта-старшего главная формула успеха звучала примерно так:

— Для того чтобы превзойти соперника, игроку прежде всего необходимы быстрые ноги, быстрые руки, а также быстрый ум...

Даже зная, что соперница слабее, Крис никогда не позволяла себе расслабляться. Как профессионал высокой квалификации, Эверт исполняла свою работу максимально

Крис Эверт прошла долгий путь от ученицы в теннисной школе своего отца до первой ракетки мира

сосредоточенно, экономно расходуя силы и нервы. Сколько раз аплодисменты зрителей вызывали многоходовые комбинации этой спортсменки. Искушенным любителям тенниса умная, интеллектуальная игра американки всегда доставляла эстетическое удовольствие.

Говорят, что еще в самом начале карьеры Крис придумала себе образ невозмутимой леди, который как бы помогал ей всегда сохранять хладнокровие и концентрацию. В Англии ее, правда, прозвали «Ледяная кукла». Но в обычной жизни она человек веселый и общительный — наша встреча состоялась во время Олимпиады в Сеуле. Впрочем, обо всем по порядку.

— В свое время мы много тренировались вместе, — вспоминала Ольга Морозова. — У Крис была такая привычка: если мяч на ее стороне улетал в аут хотя бы на десять сантиметров, она тут же вводила в игру новый. Благодаря этому поддерживался изнурительно высокий темп занятий. Было трудно, но и интересно.

Единственная тогда победа советского тенниса в турнирах «Большого шлема» связана, кстати, с Крис Эверт — вместе с ней Морозова выиграла в 1974 году титул чемпионки Франции в парном разряде. Они же разыграли между собой титул и в одиночных состязаниях. В том же году они соперничали и в финале Уимблдона. Поединки их были, как правило, очень упорные, интересные (соперницы действовали в разных тактических ключах: Морозова добывала очки у сетки, Эверт — в игре с отскока и при

Джим Эверт научил дочь играть и вывел в большой теннисный свет

обводке), но выиграть у американки Ольга не смогла ни разу.

— Самый неприятный для меня ударом Крис была ее крученая свеча. Никогда нельзя было угадать, будет ли она обводить по линии, кроссом или этой свечой, — замах для всех трех ударов она делала совершенно одинаково, — говорила Морозова.

Наша встреча с Крис Эверт произошла на теннисном стадионе в Сеуле во время олимпийского турнира. Она сидела на трибуне вместе с мужем Энди Милсом и несколькими друзьями. До этого приходилось слышать, что многие теннисисты, привыкшие к роскошным отелям, недовольны скромными условиями Олимпийской деревни.

— Как вы чувствуете себя в роли олимпийца? — спросили мы Крис.

— Отлично. Я ничуть не жалею, что приняла приглашение выступать здесь, это моя первая и, наверное, последняя Олимпиада. А во всех других турнирах, проходящих ежегодно, будет возможность при желании сыграть еще не раз.

— А как насчет скромных условий жизни в Сеуле?

— Это не имеет большого значения. Вся американская команда живет в одинаковых комнатах. Да мы почти и не бываем в деревне. Если расписание позволяет, то стараемся побывать на других спортивных аренах, поболевать за соотечественников: баскетболистов, волейболистов, легкоатлетов...

— Ваше имя хорошо известно советским любителям тенниса. А каково ваше мнение о наших игроках?

— В свое время мы очень часто бывали вместе и на корте (как соперницы и партнерши), и вне его с Ольгой Морозовой. Она и Алекс Метревели добились больших успехов. Теперь, может быть неожиданно для меня и многих других, появились новые игроки, с которыми, как говорится, шутки плохи: Андрей Чесноков, Наталья Зверева, Лариса Савченко. Их результаты выше, чем у представителей других стран, где теннис развит лучше, и это говорит о том, что они талантливы и имеют перспективу.

— Чем вы объясняете продолжающийся мировой теннисный бум?

— Прежде всего тем, что это прекрасный вид спорта, который я лично не променяла бы ни на какой другой. И не только потому, что он дал мне все: большие победы, известность во многих странах, материальную независи-

мость, возможность проявить свои способности. Благодаря теннису я приобрела сотни, может быть, тысячи друзей во всех уголках Земли, где пришлось выступать.

Если говорить о большом теннисе, турнирах «Большого шлема» и «Гран-при», то здесь появляется все больше высококлассных игроков, которых привлекают высокие заработки. К сожалению, сейчас профессионалами становятся совсем юные спортсмены. Играют они хорошо, но слишком часто. В 14—15 лет они выходят на корт против соперников намного лучше развитых физически, и есть примеры того, как молодое дарование «сгорает», не успев как следует раскрыться. Здесь нужны ограничения со стороны руководителей мирового тенниса.

— А как вам удалось, начав выступать тоже очень рано, так долго продержаться на самом верху?

— В те годы конкуренция не была столь острой, меньше было соревнований. Хорошие теннисистки были в основном в США, Австралии, Англии... Сейчас отличные спортсменки представляют ФРГ, Аргентину, Чехо-Словакию, Испанию, СССР. Не хочется думать о том, что тебя начинают обыгрывать девушки в два раза моложе, но это уже случается, время берет свое. Думаю, что время «вечных» чемпионок прошло. Штеффи Граф только что завоевала «Большой шлем» — не скрою, это было и моей мечтой, — но я не удивлюсь, если через пару лет появится теннисистка, которая будет играть лучше, чем она.

...В мае 1989 года Крис объявила о решении отказаться от участия в открытом чемпионате Франции и отправиться домой во Флориду, чтобы основательно подумать о целесообразности продолжения спортивной карьеры.

Поводом для этой добровольной отставки послужило поражение 34-летней Эверт, занимавшей четвертое место в мировой классификации, на турнире в Женеве уже во втором круге от 19-летней австрийской теннисистки Барбары Паулус. За месяц до этого Крис потерпела поражение от 15-летней Моника Селеш из Югославии.

— Когда я начинаю проигрывать тем, кто в два раза моложе меня и кто три года назад с трудом брал у меня несколько геймов, то это можно расценивать, как первый звонок, — сказала Эверт в беседе с журналистами. — Я должна серьезно подумать, стоит ли мне продолжать выступления в соревнованиях. Физически я чувствую себя хорошо, но после 18 лет выступлений на высшем уровне я утрачиваю былой энтузиазм, без которого не стоит выходить на корт...

Отвечая на вопрос, означает ли отказ от чемпионата Франции окончательный уход из большого тенниса и не изменится ли ее настроение с приближением Уимблдонского турнира, Эвэрт сказала:

— Время покажет. После Олимпиады хочу выйти на травяной корт у себя дома, ударить несколько раз по мячу и посмотреть, как это мне понравится. Я люблю Уимблдон, но не хочу приехать туда и проиграть в первом круге. Это величайший турнир, и если вы не в самой боевой форме, то лучше остаться дома.

Я и сама удивлена, что смогла так долго быть в числе ведущих теннисисток мира, — добавила Эвэрт, — и не уверена, что кто-либо из современных юниорок будет выступать до 34 лет. Я знаю, что зрители хотели бы видеть меня на соревнованиях и дальше, они считают, что я могу играть бесконечно и везде, где захочу. Но, к сожалению, ничто не вечно.

Мартина Навратилова

Было время, когда имя этой выдающейся теннисистки, не появлялось на страницах нашей печати. Доходило до курьезов: скажем, после окончания Уимблдонского турнира сообщалось только имя победителя... среди мужчин. Причиной такого табу было то, что Мартина Навратилова, выросшая в Чехословакии, после одного из турниров в США в 18-летнем возрасте решила не возвращаться на родину и попросила предоставить ей гражданство этой страны. Хотя через несколько лет в чехословацких средствах массовой информации она была реабилитирована (в 1986 году Навратилова совершила сенсационную поездку в Прагу в составе сборной США на розыгрыш Кубка федерации и земляки устроили ей восторженный прием), у нас же по инерции в отчетах о крупнейших теннисных соревнованиях ее имя не упоминалось.

А ведь она была первой ракеткой мира. Ее спортивный паспорт уникален — победы во всех турнирах «Большого шлема» и во многих других самых известных и престижных состязаниях. Портреты Мартини не сходили со страниц крупнейших газет и журналов, в истории современного женского тенниса ей принадлежит без преувеличения выдающаяся роль.

Времена меняются, во все растущем потоке информации для наших любителей тенниса эта спортсменка пере-

Взяв на вооружение атакующий атлетический стиль игры, Мартина Навратилова приблизила женский теннис к мужскому. На снимках она всегда в атаке

стала быть персоной нон грата, и в 1986 году мы наблюдали по телевидению финал Уимблдонского турнира, в котором Навратилова победила Хану Мандликову. Тот, кто видел игру Мартини в предыдущие годы, отмечал, что ее удары уже не столь мощны, а передвижение по корту не столь стремительно, как раньше. Но и на пороге своего тридцатилетия она демонстрировала великолепную игру, в которой чувствовалась рука мастера, не знающего трудностей в управлении мячом.

...В то лето она стала чемпионкой Уимблдона в шестой раз подряд, а всего — в восьмой, повторив достижение Хелен Уиллис, о котором уже упоминалось в этой книге. Кроме того, в состязаниях «Большого шлема» Навратилова выиграла три чемпионата США, три — Австралии и два — Франции. Среди ее выдающихся достижений статистики отмечают и беспроигрышную серию из 74 побед в турнирах «Большого шлема», а в паре с Пам Шрайвер она выиграла 109 встреч подряд.

По общему мнению, одной из заслуг Мартини является то, что она, построив свою игру на невиданном раньше атлетизме, приблизила женский теннис к мужско-

му. Ее излюбленная комбинация — «подача-выход к сетке» была на вооружении и у некоторых других представителей слабого пола, но никто не умел использовать ее столь эффективно, причем не эпизодически, а на протяжении всего матча. Особенно опасна она была для соперниц на быстрых покрытиях, в частности в Уимблдоне.

Конечно, теннисный талант был дан Навратиловой от рождения, но сколько сил она потратила для его совершенствования, а точнее, шиффовки техники ударов и своей физической подготовки! Не удивительно, что многие годы она могла даже в самых трудных соревнованиях выступать и побеждать, сразу в трех разрядах, чего не позволяли себе ведущие теннисисты-мужчины.

В своей автобиографической книге Мартина Навратилова пишет о том, что, по ее мнению, теннисный дар передается ей от... бабушки, которая с успехом играла на национальном уровне. А идеалом, к которому она стремилась всю жизнь, был Род Лейвер. Его игру она увидела, когда австралийский чемпион с показательными выступлениями приехал в Прагу. До этого она уже пристрастилась к теннису и была лучшей в школе.

— После того как увидела Лейвера, я поняла, что такое настоящий теннис, — пишет Навратилова. — Я стала мечтать о победе на центральном корте Уимблдона...

Заниматься по программе Мартина начала с 4 лет под руководством Иржи Парма, который выступал за команду Чехословакии в Кубке Дэвиса.

Не приходится спорить с утверждением самой теннисистки о том, что переезд в США способствовал совершенствованию ее игры. Условия для тренировок, возможность участвовать в любом количестве соревнований различного ранга, большая популярность этого вида спорта в стране — все это создает благоприятную почву для роста мастерства. В американских теннисных школах с успехом пекут не только свои, но и приезжие таланты. Один из последних примеров — Моника Селеш, югославка, которая после двух лет проживания во Флориде и занятий под руководством известного наставника Ника Болитиери в 1989 году в 15 лет сенсационно выступила в полуфинале открытого чемпионата Франции.

Глава этой книги, посвященная Мартине Навратиловой (все написанное о ней может составить немалую библиотеку), рождалась в тот период, когда ее блистательная карьера близилась к завершению. Бесспорный лидер миро-

вых кортов в течение нескольких лет, она уже уступила титул первой ракетки мира Штеффи Граф, стала проигрывать и другим соперницам. Вспоминается, какой сенсацией явилось поражение Навратиловой в чемпионате Франции-88 от Натальи Зверевой.

Дважды победив Граф в принципиальнейших финалах Уимблдона и чемпионата США в 1987 году, королева тенниса в конце следующего сезона сдала свои полномочия — западногерманская спортсменка выиграла все четыре турнира «Большого шлема»-88. Честолюбивая Мартина в десятках интервью говорила о своем желании и возможностях вернуться на «трон», но... Во всяком случае, в 1989 году мы впервые за многие годы не увидели ее на кортах Парижа, изнурительная игра на земляных площадках «Ролан Гаррос» не сулила ей успеха, и все надежды она возложила на любимый травяной газон Уимблдона.

О Мартине Навратиловой приходилось много раз говорить и со специалистами тенниса, и с членами нашей женской команды — Наташей Зверевой, Ларисой Савченко, Лейлой Месхи, которые в последние годы и выступали и тренировались, как говорится, бок о бок с ней. В борьбе за мяч она, согласитесь, предстает в облике сильного, жесткого, беспощадного турнирного бойца, мужское начало проступает не только в ее игре, но и во внешности. Совсем другие, очень привлекательные черты характера открываются при общении с Навратиловой вне соревнований. Наступило даже время, когда непобедимую недавно чемпионку вдруг увидели плачущей после очередной неудачи...

А вот что она сама говорила о себе.

— До недавнего времени я не чувствовала нужды анализировать свое поведение. Я была импульсивной и поступала сообразно с чувствами. Я всегда жила с людьми, окруженная близкими друзьями, и у меня редко было время для того, чтобы задуматься о жизни. Но говорят, что это неплохо — раньше или позже выговориться, в это время можно узнать больше о себе. Но я не совсем с этим согласна. Хотя мой родной отец и покончил жизнь самоубийством, я отношу себя к числу тех, кто борется за выживание. Самой ужасной вещью в моей жизни была смерть так горячо любившей меня бабушки.

В моей жизни были разные мгновения. Было, когда я боялась оставаться в одиночестве и клала себе под подушку пистолет в Далласе, а теперь я получаю удовольствие, находясь в одиночестве у себя дома. Меня часто спраши-

вают, что я буду делать, когда моя карьера закончится. Иногда, когда дела шли нехорошо, я беспокоилась. Но теперь это меня не волнует. Я понимаю, что не смогу играть бесконечно, но еще некоторое время поиграю. По правде говоря, я не очень стремлюсь к деньгам. Когда в первый раз я приехала в Уимблдон, встретила зубного врача-чеха, который уехал из страны в 1948 году. Я поинтересовалась, почему у него только одна неделя отпуска. Оказалось, что он беспокоился о том, чтобы зарабатывать побольше денег. Те, кто богат, хотят быть еще богаче. Но изменится ли от этого что-нибудь? Разве что игрушки станут другими. Богачи покупают футбольную команду, а бедные — футбольный мяч. Все относительно.

Несколько лет назад я образовала юношеский фонд Мартини, цель которого — помочь детям, находящимся в затруднительном положении, из бедных или разбившихся семей. Когда я прекращу играть в теннис для того, чтобы зарабатывать, я смогу уделять больше времени этому фонду и другим сферам, которые меня привлекают, — участвовать в защите природы, в экологических программах, в борьбе с голодом в мировом масштабе. Я не хочу, чтобы после смерти у меня в банке осталось много денег. Иногда я думаю о том, чтобы посвятить дни после тенниса самообразованию.

Для меня самым большим вызовом является «Большой шлем». В 1982 году Международная федерация тенниса постановила, что победы в четырех турнирах «Большого шлема» подряд стоят приза в миллион долларов. Настаиваю, что подлинный «Большой шлем» означает победу в течение одного календарного года в чемпионатах Франции, Уимблдона, США, Австралии.

Я выиграла четыре турнира «Большого шлема», начиная с Уимблдона 1983 года и завершив серию в Париже в 1984 году. Я заработала премию в миллион, но многие все-таки настаивают, что я не выиграла «Большой шлем». У меня был шанс выиграть «Большой шлем» в 1984 году, когда чемпионат Австралии был последним турниром. Я предполагала, что в финале встречу с Крис Эверт, но судьба свела меня с Хеленой Суковой, которая была тихой, маленькой девочкой, когда ее мать — известная теннисистка Вера Сукова великолепно играла на медленных грунтовых кортах. Дочь, обладавшая мощной подачей и сложным ударом справа, была опасной соперницей на травяных площадках. Я «налетала» на Хелену в Мельбур-

не. После первого сета — 6:1 чувствовала, что мне везет, так как было очень много ровных геймов. Но затем начало везти Хелене — 6:3 в ее пользу, а в третьем сете я вела 5:4, но все-таки проиграла — 5:7. Но даже поняв, что проиграла, я нашла в себе силы обнять Хелену, когда мы уходили с корта. Она в тот день играла лучше. Вернувшись в отель, я обнаружила, что получила больше цветов, телеграмм, телефонных звонков и открыток, чем в дни побед...

Я не знаю, как могу сделать мир лучше, но уверена, что сделаю попытку. Повернув лыжи на склоне горы, я сказала себе: «Ты только начинаешь...»

ПОГОНЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Книга, которую авторы предложили вниманию любителей тенниса, — это попытка перелистать страницы многотомной истории «Большого шлема». А история эта, как вы знаете, имеет свое уже седое начало, но, к счастью, не будет иметь конца. И каждый новый большой теннисный сезон — это еще четыре новые ступеньки по дороге, ведущей к такому же заманчивому и такому же символическому, как сам этот трофей, пьедесталу почета.

Несколько лет назад, когда советские игроки, к большому огорчению, почти совсем не появлялись на мировой теннисной сцене, стали забываться и их успехи на кортах Австралии, Франции, Англии и США. Но теннисная статистика помнит все, в том числе и то, как наши первопроходцы Александр Метревели и Ольга Морозова выходили на ближние подступы к победам на главных турнирах.

В 1968 году Метревели и Морозова впервые были участниками финального матча в смешанном разряде Уимблдона, а два года спустя повторили этот результат.

Морозова, как мы уже упоминали, поделила с Крис Эверт лавры победителей чемпионата Франции 1974 года в парном разряде. В тот очень удачный для нее сезон Ольга заняла вторые места на «Ролан Гаррос» и в Уимблдоне. В 1975 году Морозова и американка Джули Энтони заняли в паре второе место в Париже, а в одиночку наша теннисистка дошла до полуфинала.

Метревели очень удачно играл в 1972 году, когда дошел до полуфинального рубежа в чемпионатах Австралии и

Реликвии теннисных музеев

Франции. Однако его высокий индивидуальный результат — второе место в Уимблдоне-73. Кстати, в том же году они были с Морозовой в полуфинале микста.

Все эти достижения рассматривались как сенсационные. Но если соблюдать хронологию, то первый международный сюрприз советский теннис преподнес еще в 1966 году в лице Александра Метревели и Сергея Лихачева, которые в Париже вошли в четверку сильнейших дуэтов.

С участием Томаса Лейуса, игравшего с англичанкой Винни Шоу, проходил на «Ролан Гаррос»

смешанный финал. Они уступили хозяевам корта Жан Клоду Барклаю и Франсуа Дюрр.

Одним словом, пожелтевшие протоколы турниров «Большого шлема» 60—70-х годов хранят немало приятных для нашего тенниса воспоминаний.

В начале 80-х годов для советских игроков нового поколения началась своеобразная гонка преследования. Мировой теннис за период нашей самоизоляции ушел далеко вперед, и мало кто предполагал, что Наталья Зверевой, Андрею Чеснокову, Ларисе Савченко и их товарищам так скоро удастся «сесть на колесо» самым грозным соперникам.

Теперь уже не надо копаться в справочниках, мы все отлично помним, как в чемпионате Франции 1986 года Чесноков нанес поражение самому Матсу Виландеру и оказался в числе участников 1/4 финала, а два года спустя снова вышел на этот рубеж. Летом 1989 года Андрей сделал на парижском центральном корте новый шаг вперед — стал полуфиналистом и имел все основания пройти дальше...

А за год до того теннисный мир поразила Наташа

Зверева, которая с первой попытки вошла в финал на «Ролан Гаррос», победив по ходу турнира не кого-нибудь, а саму Мартину Навратилкову.

Примерно через месяц на Уимблдонском турнире Зверева и Савченко сумели в парных состязаниях вывести из борьбы лучший дуэт мира Навратилкову и Пам Шрайвер, а в итоге, проиграв с двух матчболов Штеффи Граф и Габриэле Сабатини, пополнили уимблдонскую коллекцию советского тенниса «серебром» в женской паре.

И вот наконец-то свершилось. Париж, 10 июня 1989 года. Эту дату можно называть и золотой, и исторической для нашего тенниса. Наталья Зверева и Лариса Савченко, победив соперниц, труднее которых в тот момент и не придумать — Граф и Сабатини, добывают первую полноценную (не обижайтесь, Ольга Васильевна Морозова, — с вашего приза «образца» 1974 года и началась вся эта история) победу в «Большом шлеме».

Предстояло уже поставить точку на теме о достижениях советских теннисистов в «Большом шлеме», но в начале 1990 года из Мельбурна пришло еще одно «дополнение» — Наталья Зверева в паре с Джимом Пью (США) стали чемпионами Австралии в миксте.

Получился как бы счастливый конец. Но любое, даже самое напряженное и драматическое теннисное соревнование лишь условно может напоминать пьесу, в которой неизбежен финал. А ведь теннисный мяч — это всемирное «яблоко спортивного раздора» круглый год, не зная отдыха, находится в движении. И поскольку даже Штеффи Граф оступилась в своей второй попытке выиграть подряд все четыре главных турнира, нам с вами остается интереснейшее занятие: ждать, когда в очередной раз поднимется «занавес» над теннисными стадионами Мельбурна, Парижа, Лондона или Нью-Йорка, и пытаться угадать, кто станет следующим героем спектакля под названием «Большой шлем».

Содержание

В ПОГОНЕ ЗА МИФОМ	3	МАРАФОН ТЕННИСНОГО	
ТАМ, ГДЕ ЗИМОЮ — ЛЕ-		ВЕКА	108
ТО	9	Лью Хoad	110
ПАМЯТИ АВИАТОРА . .	16	Кен Розуолл	113
В ТРЕТИЙ ПОНЕДЕЛЬ-		Рой Эмерсон	116
НИК ИЮНЯ	23	Артур Эш	118
СТАДИОН, ОТКРЫТЫЙ С		Джон Ньюкомб	122
НЕБА	34	Джимми Коннорс	127
Дон Бадж	42	Бьёрн Борг	133
Морин Конноли	49	Джон Макинрой	140
Род Лейвер	53	Матс Виландер	145
Маргарет Смит-Корт . .	62	Иван Лендл	149
Штеффи Граф	74	Борис Беккер	157
БОЛЬШОЙ ШЛЕМ, ОТ-		Хелен Уиллс-Муди	163
КРОЙСЯ!	82	Сюзанна Ленглен	167
Билл Тилден	83	Дорис Харт	170
Джек Кроуфорд	88	Ивонн Гулагонг	172
Французские «мужкетеры»	91	Билли-Джин Кинг	174
Фрэд Перри	97	Крис Эверт	178
Адриан Квист	101	Мартина Навратилова . . .	184
Франк Седжмен	102	ПОГОНЯ ПРОДОЛЖАЕТ-	
Панчо Гонзалес	104	СЯ	189

Художественная проза

Андрей Борисович Новиков
 Всеволод Владимирович Кукушкин
 БОЛЬШОЙ ШЛЕМ,
 или ЧЕТЫРЕ ТЕННИСНЫХ
 ТУЗА

Заведующий редакцией Р. В. Орлов. Редактор Л. С. Борисова. Художник
 В. С. Лындин. Художественный редактор А. Г. Сауков. Технический редактор
 О. А. Куликова. Корректор В. К. Ячовская

ИБ № 2724

Сдано в набор 11.08.89. Подписано к печати 13.08.90. Формат 84×108/32.
 Бумага кн.-журн. Гарнитура Таймс. Высокая печать. Усл. п. л. 10,08 + вкл. 1,68.
 Усл. кр.-отт. 17,22. Уч.-изд. л. 11,03 + вкл. 1,46. Тираж 50 000 экз. Издат.
 № 8286. Зак. 468. Цена 1 р. 70 к.

Орден «Знак Почета» издательство «Физкультура и спорт» Государственного
 комитета СССР по печати. Москва, ГСИ, К-6, Каляевская ул., 27. Ярославский
 полиграфкомбинат Госкомпечати СССР. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

БОЛЬШОЙ ШЛЕМ

